

Мика Ртуть

Дети грозы. Книга 2

Ее высочество Аномалия

Пролог

1 день каштанового цвета, Валанта, Риль Суардис

Люкрес шер Брайнон, кронпринц империи

– Это не принцесса, это чудовище какое-то!

Сорвав с шеи белоснежный платок, словно тот душил его, Люка бросил его на пол, наступил лаковой туфлей и с наслаждением по нему потоптался.

– Вашему высочеству не обязательно на ней жениться, – раздался за его спиной нежный голос.

– Не смешно! – поморщился Люкрес и, забыв о несчастном платке, направился к окну, на ходу расстегивая шитый золотом белый френч.

Вид на королевский парк был единственным, что ему нравилось в этой богами забытой провинции. Конечно, если не считать рудников, виноградников, мануфактур и удобного торгового пути.

– Никогда бы не посмела смеяться над вами, мой светлый принц. Вы же знаете, как сильно я люблю вас.

– Я не могу жениться на тебе, Саламандра, сколько раз можно повторять! Мне не простят брака с простолюдинкой, будь ты хоть воплощением самой Светлой! Проклятье. Я не за тем ехал в глухомань, чтобы сбежать, едва увидев неземную красоту своей невесты. Она похожа на топор! А манеры?! Ее вообще учили манерам или воспитывали вместе со свиньями? Да шис с ними, с манерами, ее магия темная, как... как...

– Как задница демона? – мурлыкнули совсем близко и положили руки ему на плечи, начали бережно массировать и разминать.

– Ненавижу, когда ты выражаешься.

– Зато любите кое-что другое, не так ли, мой светлый принц?

– Я женюсь на ней, даже если придется на свадьбе завернуть ее в мешок! – Люка сбросил френч на руки Саламандре и дернул ворот сорочки так, что пуговицы посыпались. – Если я откажусь от нее, надо мной будут смеяться все газеты империи! Только представь заголовки!.. Шис! Ты же не хочешь сказать, что мой ублюдочный братец был прав!

При мысли об ублюдке, которому боги не пожалели магического дара и которого заигравшийся в свои «великие цели» отец требовал любить и называть братом, кулаки сжались сами собой. Этот мерзавец мало того что смел походить лицом на него, законного наследника, но и мнил себя равным! Давал советы! Подумать только, шисово отродье советует кронпринцу не жениться на самой одаренной из всех выставленных на брачный рынок принцесс! Потрясающая наглость.

Ничего. Когда Люка получит корону империи, он покажет братцу его настоящее место.

– Ни в коем случае, – мурлыкнули за спиной, продолжая массировать усталые плечи. – Ублюдок всегда вас недооценивал, мой светлый принц. Он ни за что не поверит, что вы

способны взнуздать эту дикую кобылу.

- Дикая кобыла? Ха-ха! Да она – гуль в юбке! Ты видела это... это...

Люка зажмурился, пытаясь прогнать стоящую перед глазами страшную картину. И ведь ему придется снова улыбаться уродине, заверять ее в нежных чувствах и обещать луну с неба и пяток детишек. Отвратительно.

- Конечно же видела. Огромный магический потенциал и огромная польза для вас, сир. Главное – правильно ею распорядиться.

- Именно поэтому я на ней и женюсь. А ты, моя прелесть, молись, чтобы твой подарок сработал как надо. Иначе первой жертвой гуля в юбке станешь ты.

Люка кинул взгляд на стоящую на столе шкатулку из драгоценного белого дуба, с инкрустацией самоцветами и рогом единорога. Саламандра не зря гордилась своей работой. Артефакт выглядел как обычный брачный браслет, разумеется, по-императорски роскошный. Но по сути был ловцом душ, и, надев его, строптивая невеста вмиг станет покорной и ласковой, как и подобает настоящей женщине. А главное, ее магия полноводной рекой потечет к тому, кто сумеет правильно ею распорядиться. К Люка.

- А что скажет мой светлый принц, если я найду способ подарить вам ее приданое без женитьбы? – шепнули за спиной, запуская шаловливые ладошки ему под сорочку.

- Сначала найди, а там посмотрим. Кто обещал мне, что старый король ляжет в траву не позже, чем в Метрополии сойдет снег? Или, может быть, сегодня мы видели его отлично сохранившийся призрак? И еще мне кто-то обещал избавиться от ее младшего брата, не знаешь, кто это мог быть?

- Не обращайтесь внимания на эти мелочи, мой принц. Ни старик, ни мальчишка не помешают нашему делу. Считайте, что их уже нет.

- Придворного мага, с которым ты так любезно ворковала весь обед, тоже уже нет?

- Как мило вы ревнуете, сир... – Гибкая девушка в алом, словно сотканном из языков пламени платье скользнула ему в объятия и прижалась всем телом, подставляя пухлые губы для поцелуя. Ее золотые, с огненными искрами волосы рассыпались по обнаженным плечам. – Темный магистр знает свою выгоду и всегда будет на стороне сильнейшего. На вашей стороне, сир.

- Как ты, моя огненная прелесть? Ты – на стороне сильнейшего?

- Разумеется. На вашей стороне, сир. Всегда...

Люка оборвал ее жадным поцелуем. Огненная магистр в его руках тоненько застонала и вцепилась в его плечи, прижимаясь еще ближе, еще теснее. На несколько мгновений Люка даже забыл о своей ужасной невесте, так хороша была Саламандра. Если б еще она родилась хотя бы маркизой и могла подарить ему достойную его рода магию!

Двуединые немного ошиблись. Дар, который должен был достаться истинному принцу и наследнику великой империи, случайно попал к его братцу-ублюдку и провинциальной уродливой девчонке. Но Люка непременно исправит это досадное недоразумение. И если в процессе исправления с его новой женой произойдет что-нибудь... допустим, она случайно сгорит в пожаре... или отравится несвежими грибами, как предыдущая... Ему будет к лицу траур. В алом он выглядит очень мужественно, а народ любит сочувствовать горю правителей, так народ чувствует свою сопричастность императорскому величию.

- А теперь за дело, моя прекрасная Саламандра, – велел он, отстраняя от себя любовницу. – Где там последнее письмо этой ужасной девицы? Злые боги, какие сентиментальные глупости она пишет! Сочини ей любовную записку с приглашением полюбоваться луной, или что там еще любят провинциальные овечки.

- Я, сир? – В глазах Саламандры мелькнул злой огонек, но быстро погас: магистр хорошо знала свое место.

- Ну не я же. У тебя отлично получается подделывать почерк, так что действуй. И нежнее там, больше романтических соплей. Как там, «моя прекрасная Гроза»... м-да... на грозу она похожа, а вот с прекрасностью сложно.

- Когда вы получите достойный вашего благородства дар, сир, никто не посмеет квакнуть в вашу сторону. И вы сможете жениться на той, кто любит вас всем сердцем. На самой достойной.

- Это ты сейчас про сестру султана? Или про хмирскую принцессу? А, нет, я понял. Ты думаешь, мне стоит сделать императрицей дочь Ледяного лерда. Говорят, она прекрасна, как северное сияние, народу это понравится.

- Сир, вы насмехаетесь над моими чувствами!

Поймав рассерженную Саламандру, Люкрес прижал ее к себе и снова поцеловал.

- Ты прелестна, когда злишься, - шепнул он, задирая ее подол и сажая ее на широкий подоконник. - Добудь мне настоящий дар, и ты не пожалеешь. Слово Люкреса Брайнона.

Глава 1

Проснись и пой

...могли наблюдать истинное чудо Светлой Райны.

Пронзенный шпагой насквозь, истекший кровью юный шер был воскрешен ее высочеством Шуалейдой Суардис. Это уже второе чудо, явленное ее высочеством. Как вы помните, ее высочество с божественной помощью остановила орду...

Из статьи в «Вечернем Герольде»

15 день холодных вод (полмесяца назад), Валанта, Риль Суардис

Рональд шер Бастерхази, полномочный представитель Конвента в Валанте

Женщина под ним выгибалась, вцепившись зубами в подушку. Ее черные волосы змеями обвивали его кулак, ее требовательные стоны ласкали его слух – и он вколачивался в податливое тело, пил ее наслаждение пополам с болью.

– Зефрида... моя... королева... – почувствовав приближающуюся судорогу оргазма, хрипло шепнул он, и его наконец накрыло.

– Роне-е!.. – простонала Ристана, кончившая одновременно с ним, и обессиленно рухнула на постель.

Она осталась довольна, как всегда. И, как всегда, услышала только «моя королева», но не имя. А сам Роне... что ж, если невозможно получить мечту, приходится довольствоваться самым лучшим из реальности.

Довольствоваться этим «лучшим» Роне намеревался недолго. Старшая сестра Суардис несомненно прекрасна, горяча и эмоциональна, но без дара – это все не то. Особенно остро «не то» чувствовалось после встречи с Шуалейдой Суардис наедине. И пусть они ограничились лишь невинными ласками, это было... о... это было – то самое. А если взять сразу младшую Суардис и некоего полковника Магбезопасности... мм...

Усмехнувшись, он всем телом прижался к Ристане и потерял бедра.

– Неугомонный, – довольно донельзя отозвалась она и лениво потянулась. – Ты мой лучший любовник, Роне.

О, в этом Роне никогда не сомневался. Кто, кроме менталиста, может войти в резонанс с ее наслаждением, продлить и усилить его в разы? Уж точно не какой-нибудь бездарный хлыщ вроде ее последнего фаворита. Вот полковник Дюбрайн бы смог, да...

Роне хватило одного лишь воспоминания о том, что они оба делали с Шуалейдой, чтобы потерять контроль... а, к Мертвому контроль, с Ристаной он может делать что угодно и пока ему не надоест!

– Роне!.. Не... ах... – попробовала она возмутиться, когда он перевернул ее на спину, раздвинул коленом ее ноги и резко вошел.

Ее рот он закрыл ладонью, а сам уткнулся в спутанные черные волосы, так похожие... даже запах... и эти приглушенные стоны – так могла бы стонать под ним Шуалейда... Мертвый дери, как же хорошо!..

– Хорошо... – излившись в горячее, содрогающееся тело, Роне скатился с него и растянулся рядом, закинув руки за голову.

– Ты... ты Хиссов сын! Опять наставил мне синяков! – едва отдышавшись, напустилась на него Ристана.

Неубедительно. Совершенно неубедительно.

– Тебе идет. – Роне лениво щелкнул пальцами, и плотные шторы разошлись, впуская в спальню ее высочества полуденное солнце.

– Мерзавец! Мог бы хоть не на шее. – Ристана так же лениво потрогала цепочку алых отметин, спускающихся к ключице. – Научись уже лечить хотя бы такую мелочь. Боги, какая пошлость, синяки...

– Пошлость – это взять в любовники темного шера, моя Тайна. Но ты всегда можешь дать мне отставку и позвать в свою постель полковника Дюбрайна. Он вылечит твои синяки, прочитает поэму и утопит тебя в возвышенных чувствах.

Ристана лишь гневно сжала губы. От напоминания о своем поражении она бесилась и мечтала отомстить проклятому светлому предателю. Ее гнев, конечно же, ни в какое сравнение не шел с эмоциями Шуалейды или Дюбрайна, но хоть что-то, хоть что-то...

– Тайна, вызови горничную. Пусть подадут завтрак и много шамьета, – велел Роне, вскочил с постели и, не одеваясь, ушел в умывальню. На еще один всплеск гнева униженной таким обращением принцессы он только хмыкнул.

При взгляде на зеркало и свое в нем отражение мелькнула совершенно несвоевременная мысль: а не связаться ли с Дюбрайном? За последние полгода они не разговаривали ни разу, даже не переписывались. О том, где носит светлого шера, Роне узнавал исключительно из газет: то Сашмир, то северные границы, то Ледяные баронства. Как будто император и Конвент задались целью держать Дюбрайна как можно дальше от Валанты! Как он вообще собирается объясняться с Шуалейдой, драный светлый лжец?

Дурацкую мысль «хочу его видеть» Роне отогнал как совершенно неуместную. Они с Дюбрайном не любовники, чтобы обмениваться милыми записочками и рассказывать друг другу, как прошел очередной скучный день. Фе, какая пошлость.

Они даже не друзья. И Роне вовсе об этом не сожалеет! Дружба между темным и светлым – нонсенс.

Да. Нонсенс.

Приняв прохладный душ, чтобы отогнать дурацкие мысли и вернуть себе здоровую бодрость духа, Роне вернулся в спальню старшей принцессы. Разумеется, накинуть на себя хотя бы халат он и не подумал. Как был обнаженным, так и вышел. Фрейлины Ристаны давно уже не ахали и не смущались, встречая его в спальне патронессы в таком виде. Да и ему уже наскучило некогда веселое развлечение. Но привычка есть привычка.

Завтрак на двоих уже был сервирован, и по комнате плыл божественно прекрасный запах шамьета. А Ристана, которую причесывала одна из фрейлин, перебирала утренние газеты и нервничала.

– Не то, не то... О!.. – Выхватив один из желтых листков, Ристана прочитала заголовок, закаменела лицом и резко дернулась, едва не оставив в руках фрейлины прядь волос. – Пошла вон, дура криворукая!

Рывкнув на фрейлину, – та сбежала, спотыкаясь о собственные юбки, – Ристана обернулась к Роне, смерила его злым взглядом и опять уткнулась в газету. На несколько секунд, не больше. А потом смяла ее и бросила на пол.

– Хиссовы отродья! – прошипела она, запахнулась в пеньюар и потребовала: – Подай мне шамьет.

– Ты перепутала дни месяца, дорогая. Шампур ночует у тебя по четным. – Роне невозмутимо уселся в кресло перед накрытым столом и взял свою чашку. Понюхал. Отпил глоток. Довольно прижмурился. – Неплохо, неплохо. Этого повара можно и оставить.

- Хиссов сын, - привычно обозвала его Ристана и отвернулась.

Только после этого Роне поднял газету воздушным потоком и прочитал заголовок.

«Чудо воскрешения!»

Под заголовком красовалась цветная гравюра: прекрасная дева в белом (в которой с трудом, но угадывалась Шуалейда) воздевает руки над юношей, бледным и окровавленным, и от ее рук идет неземное сияние. Света сияние, разумеется.

Роне заинтересованно поднял бровь. Как интересно! Шуалейда из сумрачной заделалась светлой? Или газетчики прогибаются перед его императорским высочеством Люкресом, обеляя темноватый образ его будущей невесты?

Прихлебывая ароматный, терпкий и самую капельку горьковатый шамьет, Роне прочитал статью. К концу ее он едва сдерживал смех.

- Что ты нашел там смешного? Эта негодзяка... какое может быть воскрешение! Наверняка она убила мальчишку и сделала из него умертвие! Сучка! - не выдержала молчания Ристана.

- Ты выражаешься, как базарная торговка, душа моя. Тебе не идет.

- А тебе не идет изображать старого пня. Или твои восемьдесят лет дают о себе знать?

Роне рассмеялся. О прекрасные боги, как же она зла! Прелестно! Просто прелестно!

- Тайна, ты похожа на старую сварливую жену, - успокоившись, парировал он. - Не забывай, я твой любовник, а не супруг.

- Ты - старый, хитрый, самовлюбленный Хиссов сын. Я бы ни за что не вышла за тебя, будь ты хоть сто раз светлым. Даже будь ты самым императором! - Она швырнула на пол еще одну газету, на сей раз с заголовком «Роскошный праздник в честь наследника». - Не смей надо мной смеяться!

- Ну что ты, моя Тайна. Я смеюсь вовсе не над тобой. Эти газетчики... ну разве не идиоты? Воскресить может лишь Светлая Сестра. А сумрачная шера - исцелить, и наверняка с подвохом. Кстати, Тайна, в чем же подвох? Расскажи мне.

- Ни в чем. - Ристана сделала вид, что полностью увлечена выбором между утиным паштетом и копченым лососем.

- Врать нехорошо. Тем более врать мне, твоему самому верному другу.

- Верному? - Ристана смерила его взглядом. - Ты верен только самому себе, темный шер.

- Какая ты сегодня неромантичная, - покачал головой Роне. - Даже ни разу не сказала, что любишь меня.

- Трахни Дюбрайна, - с милой улыбкой предложила Ристана. - Он признается тебе в любви сто раз, прочтает оду и обольет слезами умиления.

Роне рассмеялся. До слез. Вот такую Ристану он почти любил! Почти, да. Вот будь у нее дар... м-да...

- Итак, вернемся к нашим обожаемым брату и сестре. Каких новостей ты ждала и не получила, душа моя? Выкладывай сама, не заставляй меня нарушать закон и взламывать твои ментальные амулеты. Вдруг это заметит представитель Конвента, и у меня будут неприятности.

Ристана одарила его злобным взглядом. Напоминания о том, что она беззащитна перед его даром, несмотря на строгие законы империи, она ненавидела. О, список «что ненавидит Ристана» он мог бы продолжать и продолжать, но предпочитал его пополнять. Ненависть была ей очень к лицу.

- Некоторым особо законопослушным шерам этого знать необязательно. Вдруг подслушает представитель Конвента, и у тебя будут неприятности!

– Ну, если ты предпочитаешь излить душу перед Магбезопасностью, это всегда можно устроить.

Несколько секунд Ристана сверлила Роне ненавидящим взглядом, а он наслаждался. Какой огонь! Какая страсть! Могла бы – убила бы! Как хорошо, что не может. И как же скучно. Проклятье. Где уже носит этого Мертвым драного Дюбрайна?!

– Ладно, моя прелесть, хватит злиться. Если ты промолчишь – я не смогу тебе помочь. А тебе опять нужна помощь, потому что твой гениальный план... упс... провалился.

– Потому что некоторые, особо законопослушные, не желают ничего делать. На все воля Двуетиных, – передразнила его Ристана. – Ты что, всерьез надеешься приручить мою сумасшедшую сестру? Или, может быть, очаровать моего маленького братика? Такая наивность в твои преклонные годы заслуживает восхищения.

– Тайна, Тайна, – покачал головой Роне. – Ты совершенно зря так волнуешься. И зря делаешь резкие движения.

– Я? О нет. Я не делаю никаких резких движений, мой темный шер. Я мирно сижу и пью шамьет.

Роне очень захотелось закрыть лицо ладонью.

– Ристана, ты же умная девочка. Всегда была умной девочкой. Знала, кто на твоей стороне, и не надеялась на бездарных идиотов. Ну, кто провалил твоё задание?

– Тебе не на пользу пошло общение с Магбезопасностью, Роне. У тебя интонации имперского дознавателя.

– А у тебя – недоверчивой старухи, прячущей в подполе выводок упырей. Тайна. Или ты мне доверяешь, или нет. И тогда, уж прости, в дальнейшем тебе придется рассчитывать только на Шампура и ему подобных бездарностей.

Ристана вздохнула, проглотила готовые сорваться с языка ругательства и... помягчала. Голова ее вновь чуть склонилась на хрупкой длинной шее, глаза подернулись поволокой, резкая складочка вокруг губ разгладилась, а сами губы набухли, словно прося поцелуя. И ее осанка, и поза – все изменилось, делая ее из жесткой недоверчивой и взрослой правительницы юной и незащищенной девой. Той, ради которой любой мужчина с голыми руками пойдет против дикого мантикора.

– Роне, ты... – Ристана подняла на него влажный и несчастный взор. – Ты должен понять, Роне! Я пыталась... я всего лишь хочу жить, Роне. Жить и любить! Разве это так много?..

Роне одобрительно кивнул. Вот так было намного лучше. Беспомощная хрупкая принцесса, полностью зависимая от него, великого темного шера – правильный образ. И далеко не настолько лживый, как надеется сама Ристана. Даже, он бы сказал, полностью правдивый образ. Что есть хорошо и правильно.

Паук бы оценил красоту игры. И Дюбрайн бы оценил... хм... кто-то опять думает не о том.

– Я прекрасно тебя понимаю, моя Тайна, – кивнул Роне.

– Все бы получилось. Я была очень, очень осторожна, ты не зря меня учил... но она, эта проклятая девчонка! – Ристана стукнула кулачком по столу, но тут же отдернулась и прижала к груди ушибленную руку. – Она вздумала поменяться с братом местами! Эта девчонка ни в динг не ставит этикет! Ее репутация и так... Она... – Ристана опять тяжело вздохнула. – Я не знаю, как ей удалось справиться с убийцей. И это, что она сделала с сыном барона Наба... она...

– Чуть меньше театра, Тайна, и чуть больше фактов, прошу тебя. Хотя как репетиция оправдательной речи – прекрасно!

Ристана почти не вышла из образа. Только кулачки сжались. И взгляд стал еще более томным и незащищенным.

– Барон Наба не должен доехать до Суарда, Роне. Он может наговорить всякой чуши, а

нам это не нужно.

– Нам?.. О моя Тайна, конечно же, нам это не нужно. В смысле – всякой чуши. Скажи-ка мне, если Наба сделал заказ в гильдии Ткачей, уж не дала ли ты ему один из тех самых амулетов?

– Я? Ну что ты, Роне. Я к нему не прикасалась! Но, возможно, один из тех амулетов пропал из сокровищницы. Ты же знаешь, это не мое дело – следить за сохранностью коронных артефактов. Кажется, этим должен заниматься... мм... придворный маг, не так ли?

Роне восхищенно покачал головой. Вот же хитрая сучка! Мало того, что провернула интригу за его спиной, так еще и наверняка подсунула барону Наба именно тот амулет, который сделан руками Роне! Лет семь назад три нейтрализующих амулета зачем-то понадобились Тодору Суардису. Зачем-то – это значит «чтоб были новые, вдруг старые протухли». Роне, разумеется, не возражал. Король хорошо платил за свои причуды, лицензия на изготовление была, так почему бы не подзаработать? Жалованье полпреда Конвента – сущие слезы.

Правда, он встроил в те амулеты одну хитрую штучку. Работающую только на кровь Суардисов. Кстати – ради Ристаны, чтобы эти амулеты не смогли применить против нее, а то мало ли.

Хм...

Получается, эта хитрая штучка и спасла Шуалейду? А у Темного Брата – отличное чувство юмора! Вот спасибо, любимый предок! Надо будет навестить храм и поблагодарить тебя лично, Хисс.

– И теперь к придворному магу явится Магбезопасность с обвинениями в неудачном покушении. Самое ужасное слово тут знаешь какое, душа моя? – Мгновение посверлив Ристану взглядом, Роне усмехнулся и сам себе ответил: – «Неудачном».

– Ну прости меня, Роне. Я была уверена, что все получится. – Ристана покаянно вздохнула. – В следующий раз сделай все сам, пожалуйста. Ты же никогда не ошибаешься.

– Следующего раза не будет, Тайна. Оставь в покое Каетано и Шуалейду, они тебе не угроза.

– О да, они угрожают всего лишь моей стране. Какие мелочи, трон наследует необразованный мальчишка, проживший всю жизнь рядом с сумасшедшей сумрачной колдуньей, не способный не то что развить – хотя бы удержать то, что уже сделано. Право, совершенно не о чем беспокоиться, милый... а, да, я же совсем забыла, о мальчишке можно вообще не думать! У нас же есть его высочество Люкрес, воплощение добра и света! Моя сестра через полмесяца получит Цветную грамоту, выйдет за него замуж, и – вот оно, торжество справедливости. Прекрасная одаренная шера станет следующей королевой, Люкрес – королем, а мне и Каетано останется лить слезы умиления... где, Роне? В монастыре? Или сразу в Лощине Памяти?

Роне поморщился. Не столько пафосу ее речи, сколько ее правоте. Теоретической правоте, да. Дюблайн позаботится о том, чтобы Шу не вышла за Люкреса, и Роне ему в этом поможет. Или, наоборот, Дюблайн поможет Роне, без разницы. А Каетано... да пусть живет, в самом-то деле! Шуалейда его любит, у нее слабость ко всяким милым зверушкам. Да пусть даже получит корону Валанты, если она вдруг не нужна Дюбрайну! Плевать. Все равно мальчишка целиком и полностью зависим от Шуалейды – здесь она проявила себя как истинно темная шера. Правда, не совсем еще понимает, что именно сделала, но ведь сделала! Сама, без педагога, на одних только инстинктах!

О, какой она вырастет при должном руководстве!..

– Успокойся, Тайна, и забудь про Люкреса. И хватит уже этой дурацкой детской ревности и обиды. Они мешают тебе мыслить здраво.

– То есть ты предлагаешь мне возлюбить эти отродья? О, конечно, ты подаешь мне прекрасный пример братской любви с шером Дюбрайном. Ты же жизнь за него отдашь,

не так ли, Роне? Все, как завещали Двоединые!

Роне еле сдержал смех. Ристана, Ристана... Жизнь – это, предположим, немного слишком. Хотя если чужую, то легко! И не одну, милая, не одну! Дюбрайн очень дорого стоит. Намного дороже, чем ты можешь себе вообразить, бедная бездарная девочка.

– Именно, Тайна. Я люблю брата моего Дюбрайна... что за сомнение на твоём прекрасном лице? Ты не веришь мне? – Роне укоризненно покачал головой и сделал то, чего сам от себя никак не ожидал. – Я люблю Дайма шера Дюбрайна, видят Двоединые! – громко произнес он, призывая в свидетели богов.

Его пронзила боль, а может быть, наслаждение такое острое, что походило на боль. Вспышка Света и Тьмы на мгновение ослепила его, выбила дыхание, окутала нежным и насмешливым вниманием кого-то непостижимо прекрасного и далекого...

– Ты с ума сошел, Роне, – сквозь марево нечаянного просветления пробился к нему восхищенный и перепуганный шепот Ристаны.

– О нет. Я вернулся в ум, моя прелесть, – улыбнулся он, пытаясь удержать отголоски божественного присутствия. – И тебе того же советую.

– Сумасшедший, – повторила Ристана.

– Сумасшедший, душа моя, это тот, кто не способен оценить сокровища перед собственным носом. Такого, как твоя сестра. Только представь, такая сила – и на твоей стороне, а?

– Я предпочитаю видеть эту силу в мягкой траве, Роне. И поверь, ты тоже.

Роне лишь пожал плечами. По сути, не имело никакого значения, что думает обо всем этом Ристана. Она сама не имела никакого значения.

В отличие от Шуалейды Суардис и Дайма Дюбрайна...

И того, что Роне будет ему говорить. Потому что поговорить начистоту им давно пора.

А пока следует выяснить, что именно пыталась натворить Ристана и что из этого вышло. Газеты врут, но даже из их вранья можно составить правильную картину.

И нужно навестить Мастера Ткача. Куда это годится, что гильдия принимает заказ на принца, не уведомив об этом Конвент в лице Рональда шера Бастерхази? К тому же Роне задолжал любезность одному весьма самонадеянному шеру, а быть должным он очень, просто очень не любил.

Глава 2

Лощина Памяти

Родились Близнецы из океана вечности и песка времени. Были они во всем схожи и потому, играя, не могли отличить, кто есть кто. И тогда один из Близнецов сказал:

– Я – брат, и имя мое Хисс. Будет сутью моей черный океан вечности, бездна и смерть.

– Тогда я – сестра, – сказала второе дитя. – Имя мое Райна, а сутью станет белый песок времени, свет, жизнь и любовь. Давай же играть, брат!

Через какое-то время им наскучил черно-белый берег, и сказала Сестра:

– Да будет цвет!

И сотворили Брат и Сестра мир из земли, огня и воды, и назвали его Райхи.

Катрены Деуединства

21 день холодных вод, Валанта, Риль Суардис

Дамиен шер Дюбрайн

Хоть Дайм и прибыл в Суард минимум за два дня до приезда Каетано и Шуалейды, его не покидало ощущение, что он опаздывает. А так как своим ощущениям он привык доверять, то наплевал на этикет с протоколом и сразу, едва сменив дорожный френч на мундир, пошел к Тодору. И сразу же понял, что ему показалось странным, еще когда он только подъехал к дворцу.

Тишина.

Странная, глухая и словно подкрадывающаяся со всех сторон тишина.

Не то чтобы дворец вымер, нет, он жил своей обычной жизнью: тенями сновали слуги, с кухни доносились вкусные запахи, где-то играли на клавикордах, кто-то с кем-то дрался на дуэли, кто-то кого-то любил и ненавидел. Но все это – приглушенно, словно боясь потревожить... что? Или кого?

Шаги Дайма дерзко, неприлично громко отдавались в галереях и анфиладах, заставляли придворных и слуг неодобрительно коситься на него. Даже королевский секретарь – и тот нахмурился и едва удержался, чтобы не приложить палец к губам: тише, светлый шер, тише!

– Его величество не принимает.

– Именем императора, – тихо сказал Дайм.

Малочисленные придворные, по обыкновению чего-то ожидающие в королевской приемной, вздрогнули и замолкли. Или они молчали, и когда Дайм только зашел? Что-то неправильное происходит в Риль Суардисе!

– Прошу вас, – с видом крайнего неодобрения поклонился секретарь.

Прежде чем перешагнуть порог, Дайм дотронулся до бляхи Конвента, активировав защиту от подслушивания с подглядыванием, и подумал, не снять ли перчатки. Придурь придурью, но являться в перчатках к королю... да и шис с ним, с этикетом. Если все в порядке, Тодор не обратит внимания на такую мелочь. А если нет – тем более неважно.

Часы отбили полдень, и бой их разнесся по комнатам, отражаясь от стен и угасая,

угасая... Да что за наваждение!

– Светлый шер Дюблайн к вашему высочеству, – объявил секретарь, едва эхо стихло.

– Я велела меня не беспокоить, – раздался тихий и совершенно неуместный здесь голос. Ристана подняла взгляд от разложенных на столе бумаг. В одном из документов она что-то писала, и сейчас капля чернил повисла на кончике пера, грозя испачкать что-то очень, очень важное. – А, Дюблайн. Вы не вовремя. Я занята... – Только тут она обратила внимание, что открыты обе створки двери: как для самого императора Брайнона. Едва заметно вздохнула и поправилась: – Что угодно его всемогуществу?

– Где его величество Тодор? – спросил Дайм, делая знак секретарю прикрыть двери и отогнать любопытных.

– Его величество отдыхает, – холодно и официально ответила Ристана.

Теперь Дайм обратил внимание на тени под ее глазами, осунувшееся лицо и истончившиеся запястья. И темное закрытое платье, так не похожее на ее привычные, вызывающе роскошные и женственные туалеты.

Что ж, хотя бы не алое. Значит, до траура дело не дошло.

– Мне нужно немедленно его видеть, – так же холодно и официально сказал Дайм.

– Все, что касается дел государственных, его величество поручил мне.

– Ваше высочество – официальный регент Валанты?

– Нет, светлый шер, – тон Ристаны еще похолодел, – я помогаю его величеству в делах. Его величество в здравом рассудке, ему не требуется регент.

– Это, без сомнения, радует. Но вы ничего не сказали о здоровье его величества.

Мгновение Ристана смотрела на Дайма непроницаемо-равнодушно, словно на продолжение официальных бумаг, но вдруг ее плечи вздрогнули, она уронила перо и поднялась, шагнула к нему.

– Он болен. Отец болен, Дайм! Я не понимаю, что с ним. Наш целитель делает все возможное, но отец... он... – Она прерывисто вздохнула. – Иди к нему сам. Может быть, у тебя получится? Хоть что-то...

– Если все так плохо, почему ты не написала мне?

– Я писала, Дайм. Тебе, Светлейшему, лично императору. Я просила прислать в Валанту тебя или хотя бы целителя второй категории, и знаешь, что мне ответили?... – Резко развернувшись к столу, она вытащила письмо на гербовой бумаге. – Сам читай, что пишет твой добрейший, светлейший и благостнейший Парьен!

Собственно, можно было даже не читать, и так все понятно. Люкресу не нужен живой король Валанты, его устроит, если Шуалейда унаследует корону прямо перед свадьбой или сразу после. И понятно, почему Светлейший не переслал ему писем от Ристаны – сорваться из баронств в Валанту Дайм бы не смог, приказ императора не позволил бы. Так что Светлейший просто позаботился о его душевном равновесии. На некоторое время.

И сейчас Дайм имеет хоть какую-то свободу действия в Валанте только благодаря разрешению Светлейшего не отчитываться и не связываться с Конвентом без острой необходимости аж до самого окончания проверки.

Шисовы интриги!

Покрутив письмо в руках, Дайм поморщился и бросил его обратно на стол.

– Мне жаль. Ни одного твоего письма я не получил.

Ристана вздохнула, шагнула к нему и протянула руку. Дайм взял ее в обе ладони, порадовавшись, что наплевал на этикет и не снял перчаток.

- Пожалуйста, помогите нам, - глядя ему в глаза, попросила Ристана. - Мне больше не на кого надеяться. Я не знаю, что делать...

Дайму очень хотелось ответить: знаешь и сделала, но какая досада - не удалось. Несомненно, убийство Каetano и обвинение в нем Шуалейды разом бы решило твои проблемы. И возможно, сделало бы тебя женой кронпринца. А возможно - и нет.

Сказать это Ристане очень хотелось, но толку-то! Для официального обвинения доказательств нет и не будет, а пустые слова и есть пустые слова.

Ристану прервала открывшаяся дверь во внутренние покои.

- Шер Дюбрайн, - коротко поклонился герцог Альгредо, держащий в руках пухлую папку с вываливающимися бумагами.

За почти год, прошедший с их последней встречи, Альгредо осунулся, поседел и стал еще больше походить на хищную птицу. Сейчас же в черных глазах, окруженных сеточкой морщин, блестела надежда.

- Шер Альгредо, - так же коротко ответил Дайм.

- Вы к его величеству? Позвольте, я провожу вас.

- Да, ступайте, шер Альгредо. - Ристана забрала из его рук позабытую папку. - Обсудим прошение Винодельческого союза потом.

Герцог виновато пожал плечами:

- И купцы, и аристократы вконец обнаглели без королевской руки.

- Как обнаглели, так и... - Не закончив фразы, Ристана бросила папку на стол. - Ступайте к его величеству. Прошу вас!.. Шер Альгредо расскажет вам все по дороге.

- Действительно, шер Дюбрайн, - кивнул Альгредо, отворяя ту же дверь, через которую пришел. - Идемте. Это звучит, как фраза из дешевой пьесы, но сейчас вы - наша последняя надежда.

- Я был уверен, что накопителей хватит минимум на год, - хмуро сказал Дайм, следуя за Альгредо через королевские покои: здесь было холодно и мрачно, несмотря на льющееся через высокие окна солнце.

О том, что поделиться силой мог бы и шер Бастерхази, он даже не стал говорить. Мог бы. Но для лечения Тодора темная сила годилась, примерно как сок цикуты.

- Их бы хватило. - Альгредо сжал кулаки. - Три месяца назад, после того как Конвент прислал свою отписку, королевского целителя обокрали. Унесли все зелья и амулеты, в том числе - пять ваших. Остался только тот, который был при его величестве. И этот амулет уже половину месяца как пуст.

- Гильдия?

- Не наша. Мастер Ткач клянется, что не брал этого заказа, и я ему верю. Ему нет смысла врать, все равно ничего поделать с гильдией мы не можем.

- Проклятье... Альгредо, вы посылали запрос в Магбезопасность?

- Само собой. Мне вежливо ответили, что МБ не занимается мелкими кражами. Вот если полпред Конвента заявит, что в деле была использована незаконная магия, тогда МБ пришлет дознавателя.

- Шисов дысс.

- Это вы про?..

- Августейшего брата Люкреса, кого ж еще.

- Я удивлен, что приехали вы, шер Дюбрайн. Мы ждали его высочество Люкреса с

официальным визитом.

– Я сам удивлен тому, что я в Суарде, а не на Мертвых островах. Но пока я здесь совсем по другому поводу. Кстати, если кто-то попытается через вас что-то передать для меня, отправляйте все моему непосредственному начальству. У нас, видите ли, очень строгие правила субординации.

– А, разумеется. Правила нужно соблюдать, – кивнул Альгредо.

Оба замолчали, думая каждый о своем. Несмотря на ментальные амулеты, от Альгредо фонило страхом и растерянностью. И Дайм очень хорошо его понимал. Империя, гарант законности и безопасности в королевствах, вдруг превратилась в агрессора и захватчика. Пожалуй, с Валантой императорская семья что-то подобное проворачивала впервые. Да и остальные интриги были как-то поскромнее. Без смены правящей династии.

Впрочем, после того как Дайм сам посадил на трон Сашмира нового султана, не ему было квакать о законности. Но... Свами – наследник династии Пхутра, а покойный султан был записной сволочью с продутым насквозь чердаком. И вообще Дайм не тронул бы султана, если бы тот сам...

М-да.

Самооправдания, светлый шер? Он сам виноват. Конечно-конечно. Наверняка у Люкреса тоже все сами виноваты, и хочет он исключительно блага.

В точности как светлый шер Дайм Дюбрайн.

И кто выиграет – тот и добро. Как всегда.

Еще несколько минут Дайм молча следовал за герцогом Альгредо, уже догадываясь, куда тот направляется: немного в королевском парке мест, куда не позволено ступить слугам. Да и не всякого шера Фельта Сейе, как на ире-аль зовется Лес Фей, пустят в королевскую Лощину Памяти.

Лишь когда широкая аллея сменилась узкой лесной тропой, а там и вовсе пропала в густой траве, Альгредо заговорил:

– Будьте деликатны, светлый шер. Его величество не слишком хорошо помнит, какой нынче месяц. Даже какой нынче год.

– Его величество много времени проводит в Лощине?

– Его величество не выходили отсюда ни разу за последние пять дней, – старательно ровно, чтобы не показать дрожи в голосе, ответил Альгредо.

Пожалуй, его Дайму было жаль больше, чем самого Тодора. Вот так терять друга, наверное, очень больно. Не то чтобы Дайму когда-либо приходилось... не то чтобы у него были настоящие друзья...

Да. Он завидовал им обоим – и Альгредо, и умирающему королю. Им было кого терять. Дайму же... хотя нет. Он бы не хотел потерять свою Аномалию, Шуалейду Суардис, странную и удивительную девушку, совершенно ни на кого не похожую. И, пожалуй, Свами Пхутру, сашмирского Ястребенка – внезапно ставшего другом темного шера.

И... и самого Ястреба. Роне Бастерхази, хиссова интригана и эталонную сволочь.

М-да. Сумеречная и двое темных, изумительный список привязанностей. Двуетные любят пошутить над своими детьми.

Альгредо прошел между сосной, похожей на зрелого воина, и древним пожелтевшим ясенем, трава под которым была усыпана сорванными, но все еще живыми цветами, старинным оружием, книгами, кубками – среди подношений была даже мандолина. Первый король Валанты равнодушно взирал на мир заплывшими смолой глазами, в

морщинах коры пряталась улыбка.

– Мягкой травы, король Эстебано, – одними губами шепнул Дайм и склонил голову.

Ясень, выросший из костей Эстебано Суардиса, одобрительно зашелестел ветвями.

Пройдя между деревьев с лицами мужчин, женщин и детей, Альгредо остановился около яблони. Раскидистой весенней яблони, покрытой цветами и едва завязавшимися плодами. У ствола ее сидела большая фарфоровая кукла, рядом стояли деревянная лошадка и десяток солдатиков. А чуть поодаль, но в сени яблони, рос молодой тополь – всего три свежих листочка на тонком прутике и едва намеченное складками коры младенческое лицо. И лежали погремушки, множество погремушек, и детские вышитые пинетки...

Старший сын Тодора и Зефриды. Если бы он не умер через дюжину дней после рождения, сейчас ему было бы семнадцать.

Самого Тодора Дайм заметил не сразу – трава оплела его, превратив в зеленый холмик, – и едва узнал. Седой, высохший старик лежал под яблоней, заложив руки за голову, и улыбался – а ветви яблони нежно касались его лица и шелестели что-то ласковое, и крохотный тополь тоже качал ветвями, почему-то похожими на протянутые к матери детские ручки...

На миг Дайму показалось, что он видит семью Суардисов такими, какими они были сразу после свадьбы – счастливыми, полными надежд. Не старик и яблоня, я зрелый, полный сил мужчина и юная девушка, светящаяся первой любовью, и рядом – их маленький сын в колыбели.

Дайм отвел глаза, чтобы не встречаться взглядом с Зефридой-яблоней. Видеть ее в Лощине Памяти было стыдно и больно: ведь наверняка он мог бы ей помочь! Остановить, уговорить, да кто ж знает, что можно было сделать! Вот только он не сделал ничего. И его глупая, сумасшедшая и безнадежная любовь к Ристане – плохое оправдание.

Что ж. Сейчас у него есть шанс пусть не исправить прошлое, но поступить правильно в настоящем. Пока не поздно.

– Приходите через два часа, Альгредо, – тихо попросил Дайм, – и принесите что-нибудь поесть, его величество будет голоден.

Герцог молча кивнул и ушел, а Дайм, попросив помощи у Светлой, присел на траву рядом с Тодором. Будить не стал, со спящим работать проще. Не будет лишних вопросов.

Дайму потребовалось не два часа, а гораздо больше. Тодор Суардис впервые пошевелился, когда солнце уже село и Лощину Памяти освещали лишь выющиеся в воздухе фонарные жуки. В их разноцветном, дрожащем и мечущемся свете лица деревьев казались живыми, а в шелесте ветвей явственно слышались голоса.

Особенно один голос:

– Проснись, Тео, проснись! Тебе рано уходить ко мне, Тео. Вернись к нашим детям.

– Просыпайтесь, Тодор, – позвал Дайм и сам удивился, насколько хрипло звучит его голос.

Зато Тодор уже не выглядел иссохшим стариком. Дайм не мог ничего сказать о вернувшихся на его лицо красках, свет жуков слишком обманчив. Но оплетшая его трава отступила, дыхание стало глубже, и главное – его пульс снова бился ровно и сильно, а не той ускользающей паутиной, что несколько часов назад.

Слава Сестре, Дайм успел. Правда, теперь он сам едва бы смог встать без посторонней помощи, но это такие мелочи!

– Зефрида?... – Тодор потянулся к ветвям яблони, но его руки поймали лишь пустоту... а,

нет. Яблоко. Единственное спелое, желтое яблоко, сладко пахнущее летом, солнцем и счастьем.

– Мы увидимся снова, я обещаю. Не торопись, у нас впереди достаточно времени, – сказал тихий женский голос, полный нежности.

И все смолкло. На несколько мгновений в Лощине Памяти повисла тишина, не нарушаемая даже шелестом ветвей и жучиным жужжанием. И потому особенно громко и ясно прозвучали слова Тодора:

– Полковник Дюблайн? Что вы здесь делаете?

– Да вот, нарушаю ваше уединение. Не желаете ли бокал кардалонского, ваше величество? Кажется, где-то здесь был шер Альгредо... Урмано, вы здесь?

– Урмано? – Недоуменно нахмурившись, Тодор попытался сесть. Удалось ему только со второй попытки, держась за руку Дайма.

– Я здесь, ваше величество. – Альгредо вышел из тени граба, держа на сгибе локтя корзинку с торчащим бутылочным горлышком. – Боюсь, ваш ужин несколько остыл.

– Кажется, я уснул... – Опустив взгляд на свои руки, Тодор заметил желтое яблоко. На миг у него стало растерянное и незащищенное лицо, он потянулся к яблоне... но остановился, обернулся к Дайму. – Долго я спал?

– Долго, ваше величество. Послезавтра приедут ваши дети.

– Послезавтра?.. Мне казалось... Урмано! Сколько я здесь?

– Последние три месяца вы почти не покидали Лощину Памяти.

Тодор покачал головой, прижимая яблоко к груди.

– Кажется, я немного потерял счет времени. Я должен быть благодарен вам, Дюблайн, за свое пробуждение...

– Не стоит, ваше величество. Я пришел не для того, чтобы разлучить вас с королевой, а чтобы вернуть вас Каetano и Шуалейде. Они не заслуживают ваших похорон вместо праздника.

– Дюблайн! – нахмурился Альгредо. – Вы забываетесь.

– Ничуть. Будьте любезны, налейте, что там у вас. Его величеству и мне.

– Да, Урмано. – Тодор так и не выпускал драгоценное яблоко из ладоней. – Нам стоит выпить.

Они выпили кардалонского в напряженном молчании. Пожалуй, если бы Дайм был уверен в том, что Тодора можно оставить без присмотра, ушел бы сразу. Чувствовать себя лишним – то еще удовольствие. Но пришлось отыгрывать роль целителя до конца: настоять, чтобы Тодор поел, помочь ему добраться до спальни, напомнить Ристане, чтобы не вздумала сегодня же обсуждать с отцом дела и держала прессу от него подальше.

Короче говоря, покинуть королевские покои ему удалось лишь незадолго до полуночи. Усталым, голодным и злым, как свежееоткопавшийся упырь. И то не в одиночестве.

– Пожалуй, мне стоит вас проводить, светлый шер, – совершенно некстати вызвался Альгредо.

Дайм с трудом подавил желание послать его шису под хвост и напомнил сам себе: Светлейший просил поговорить с Альгредо как можно скорее. Обязательно до приезда Каetano в Суард. А это значит – сегодня или завтра. Так лучше покончить со всем сейчас.

– О чем еще вы не рассказали, светлый шер? – взял быка за рога Альгредо, едва выйдя из королевских покоев и активировав амулет «тишина».

- Теряю навык? – устало ухмыльнулся Дайм.

- Ну что вы, светлый шер, – в тон ему ответил Альгредо. – Но вы явно прибыли в Суард не как целитель и вряд ли только ради сватовства его высочества Люкреса.

При упоминании дражайшего братца Дайм поморщился. Эту проблему еще придется как-то решать, ведь приказа просить руки Шуалейды для Люкреса никто не отменял. Но не прямо сейчас. Хотя бы не прямо сейчас!

Разумеется, Альгредо заметил его реакцию. И хорошо, в этом вопросе Дайм предпочитал играть в открытую. Насколько это возможно.

- Вы правы, есть кое-что еще, касающееся лично вас, Альгредо. Вы еще не просватали дочь, не так ли?

- Нет, но... вы же не хотите?.. Таис еще совсем дитя!

Дайм невольно улыбнулся.

- Не пугайтесь так, Альгредо. Я на вашу дочь не претендую, хотя более чем уверен – она прекрасна, благовоспитанна и полна всяческих достоинств.

- Не вы, но кто?

- Каetano.

- Но... Дюблайн, ночь на дворе, я уже не в силах играть в ваши игры.

- Не мои, Альгредо. Светлейший сказал – их нужно поженить, чтобы в династии Суардисов сохранился дар. Что-то там латентное совпадает, я в этом ни шиса не понимаю.

- Я тоже не понимаю. Дюблайн, давайте начистоту. Брак Шуалейды и Люкреса – это смертный приговор для Каetano, но Светлейший планирует его потомство. Значит?..

- Это значит, что я должен сделать все возможное для того, чтобы Шуалейда ответила Люкресу согласием. Но никто не может заставить совершеннолетнюю шеру второй категории выйти замуж за того, за кого она замуж не хочет. – Альгредо явно хотел спросить что-то еще, но Дайм покачал головой. – Ничего более.

- Что ж, я подумаю, – кивнул Альгредо.

- Познакомьте их, как только Каetano приедет, и позаботьтесь о месте фрейлины при Шуалейде. Надеюсь, она ни в кого не влюблена?

- Нет, – неохотно ответил Альгредо. – Таис слишком мала для этих глупостей.

- Вот и хорошо, вот и замечательно. Альгредо, я прекрасно дойду до спальни сам. Вы же не жаждете скрасить мое одиночество этой ночью, или я ошибаюсь?

Теперь поморщился Альгредо.

- Ваши шутки, Дюблайн... Так о чем вы умолчали?

- Ну и настырность! Альгредо, я сказал все, о чем вам нужно знать. Ваша забота сейчас – здоровье и душевное равновесие короля. Никаких потрясений, только приятные новости. Ни слова о Люкресе, обнаглевших купцах и прочей дря... хм... прочем несущественном.

- Я вас понял, светлый шер, – понимающе кивнул Альгредо. – Приятных снов, светлый шер.

До конца коридора – и вожаемого одиночества и покоя – оставалось не более десяти шагов, когда мечта «упасть и уснуть» разбилась вдребезги.

– О, Магбезопасность проверяет благонадежность придворных? – раздался низкий насмешливый голос.

Проклятье! Похоже, кое-кому надо поспать суток трое и восстановить резерв, если кое-кто умудряется не заметить темную ауру размером с хороший смерч, и плевать, что ее обладатель прячется под пеленой невидимости.

– Приходится, мой темный шер. Особенно благонадежность придворного мага, – огрызнулся Дайм, из последних сил выставляя дополнительные ментальные щиты.

– Ну-ну. – Шагнувший из-за угла Бастерхази улыбнулся одними губами. Со дна его глаз полыхнуло алой злостью. – Странное место вы для этого выбрали, светлый шер. А, шер Альгредо. Вечера.

– И вам, Бастерхази, – без капли дружелюбия отозвался Альгредо.

Окинув Бастерхази быстрым взглядом с ног до головы, Дайм расправил усталые плечи и мысленно поморщился. Хиссов сын был до отвращения свеж и элегантен. Черный камзол, белоснежные кружевные манжеты и воротник, черный же короткий плащ с алым подбоем и главное – шисом драная насмешливая улыбочка. Рядом с Бастерхази Дайм почувствовал себя несвежим упырем. Очень злым и голодным упырем.

Проклятье. Как Бастерхази удается?..

– Шли бы вы... по своим делам, мой темный шер. Рабочий день Магбезопасности закончился.

Гневом полыхнуло сильнее – что по какой-то неизвестной причине Дайма порадовало, хотя провоцировать конфликт не стоило. Не сейчас, когда у него сил, как у новорожденного котенка.

– Что ж, не смею навязывать вам свое общество, мой светлый шер. – В голосе Бастерхази звенела сталь. Он кинул взгляд на ближайшую дверь, расписанную лилиями, и с ехидством добавил: – Несомненно, фрейлины ее высочества скрасят ваш вечер гораздо лучше.

Дайм сам не ожидал, что почти невинная подколка так его разозлит. Фрейлины? О да, сейчас ему для полного счастья не хватает только фрейлин, шис их дери! Мало ему было умирающего короля, паникующей Ристаны и дотошного Альгредо!

– Несомненно, мой темный шер, – Дайм выплюнул эти слова, как проклятие. – Хочется иногда отдохнуть от убийств, лжи и предательства.

– Это официальные обвинения, мой светлый шер? – Бастерхази закаменел лицом и шагнул к нему.

– О, никак вы приняли это на свой счет, мой темный шер! – зло усмехнулся Дайм, тоже делая шаг ему навстречу. – Даже странно, с чего бы.

– Ничего странного. Я же темный, а темные шеры – все без исключения лжецы, предатели и убийцы. Ваши инструкции никогда не ошибаются, не так ли, мой светлый шер?

– Насчет вас, Бастерхази – не ошибаются.

Горечи, прорвавшейся в его голосе, Дайм тоже не ожидал. Давно пережитой, забытой, совершенно неуместной горечи. Глупо было надеяться, что Бастерхази чем-то отличается от других темных. Что он внезапно начнет говорить правду, оставит свои интриги и хоть раз вспомнит о совести и верности.

Несусветная глупость!

– Как мило. Ни вопросов, ни разбирательства. Что-то случилось – виноват ближайший темный шер, и точка. Справедливость по-имперски, коронное блюдо Магбезопасности. – Бастерхази скривился, словно укусил зеленый лимон. – Я просто счастлив, что мир не рухнул, и вы, мой светлый шер – все тот же полковник МБ, что и всегда. А то я было

обознался и принял вас за человека.

- За идиота, вы хотели сказать, мой темный шер. Доверчивого идиота, готового подставить уши под вашу тину.

«Мы хотим одного, мой светлый шер. Свобода – для тебя, для меня...» – Память словно насмеялась над Даймом. Манящая, ласковая, ручная тьма – вокруг него, внутри него – и сумасшедше прекрасное ощущение единства, доверия... безопасности... понимания... Проклятье! Каким надо быть идиотом, чтобы купиться на обещания темного шера!

- Только уши? Как плохо у вас с памятью, мой светлый!..

- Хм... не возражаете выяснять отношения без меня, благородные шеры? – прервал его Альгредо, о котором Дайм совершенно позабыл. И Бастерхази – тоже забыл.

- Никаких выяснений, Альгредо, – взяв себя в руки, холодно ответил Дайм.

- Совершенно никаких, – так же холодно подтвердил Бастерхази, хотя взгляд, кинутый им на Альгредо, горел жадной убийства.

- Вот и хорошо... не будете ли вы так любезны пропустить меня, шер Бастерхази? Не хотелось бы ненароком задеть вас и нарваться на очередную жалобу в Конвент.

- Жалобы в Конвент? – Дайм перевел удивленный взгляд с Бастерхази на Альгредо.

- Рекомендую сиятельному шеру Альгредо обратиться со своей запущенной паранойей к целителю. Я тут помочь не могу.

- Довольно, темный шер, – поморщился Альгредо. – Вы уже испортили мне вечер, удовлетворитесь этой маленькой пакостью. И пропустите меня, наконец! Если вам скучно, все фрейлины ее высочества к вашим услугам.

- Мелкие уколы и фрейлины – это по вашей части, сиятельный шер. Извольте, я с удовольствием избавлю себя от созерцания вашей унылой физиономии. – Бастерхази шагнул в сторону и издевательски поклонился.

Альгредо, ничего не ответив, быстро прошел мимо и обернулся лишь в конце коридора:

- Вы идете или остаетесь с фрейлинами, Дюблайн?

Только тут Дайм поймал себя на том, что стоит столбом и пялится на темного шера – а точнее, на окутывающую его тьму, такую теплую и манящую... Шис, да что с ним творится?! Надо немедленно идти спать. Спать. Немедленно!

- Приятных снов, Бастерхази. – Дайм отвесил темному шеру преувеличенно любезный поклон. – Магбезопасность непременно вызовет вас для беседы, но не сегодня.

- Сладких снов, мой светлый шер, – так же любезно ответил Бастерхази, закутался в свой вульгарный плащ и исчез под пеленой невидимости.

Павлин шисов! Чтоб он провалился!

Впрочем, проклятиям не хватало огонька. Да и куда больше хотелось, чтобы провалился Альгредо – и желательно до того, как они столкнулись с Бастерхази. Потому что тогда...

А что тогда? Они бы поубивали друг друга? Или обнялись бы, как сто лет не видевшиеся друзья? И резерв бы восстановился... особенно если опять уснуть вместе...

Так. Все. К шисам лысым идиотские мысли о том, чего не может быть никогда. Спать. Немедленно спать. А завтра – вызвать Бастерхази для официальной беседы, выложить неопровержимые доказательства его вины и отправить в Метрополию. Конвент поставил темного мерзавца – пусть Конвент сам с ним и разбирается.

Глава 3

Танцы и маски

22 день холодных вод, Суард

Дамиен шер Дюбрайн

– Хиссов ты сын, – довольно шепнул Бастерхази и толкнул Дайма плечом.

– Сам ты, – лениво отозвался Дайм, подставляя зажмуренные глаза солнцу.

Ему было хорошо. Тепло, уютно и правильно. Да, именно правильно – здесь, на берегу дикого пруда, с одной бутылкой вина на двоих, без глупых недомолвок, лжи и обид. Плечом к плечу с Хиссовым сыном Бастерхази, в ласковых объятиях тьмы и пламени. Так хорошо, что совершенно не хотелось просыпаться.

Но просыпаться было надо. Зеркало связи сердито жужжало и вспыхивало руной вызова, просвечивающей даже сквозь закрытые веки.

– Кого там шис принес? – сев на кровати, но не открыв глаз и даже не подумав хоть что-то на себя накинуть, спросил Дайм.

– Меня шис принес, меня, – отозвалось зеркало голосом Свами Пхутры. – Наше светозарное величество. Ну вы и горазды спать, мой светлый шер.

– Ваше светозарное?.. Шис... – Дайм душераздирающе зевнул, прикрыв рот ладонью, и потянулся. Как ни странно, настроение было прекрасным, самочувствие – великолепным, а сила растекалась по венам тягучей лавой. – То есть светлого утра.

Только теперь Дайм открыл глаза – и, разумеется, увидел довольного донельзя Ястребенка. Их светозарное величество в полосатом халате и с голыми пятками развалилось в кресле, потягивало шамьет и ухмылялось. Раздетый вид Дайма их светозарное величество ничуть не смущал – не после того, как они месяц провели бок о бок, даже ночевали частенько вместе. Слишком опасно было оставлять юного султана одного в полном заговорщиков дворце.

– Полудня, мой светлый шер. – Ястребенок отсалютовал чашкой. – Отсыпaeшьcя после жаркого свидания?

– Если только со службой. – Дайм невольно улыбнулся: думалось ему категорически не о службе, а о вкусе белого вина, солнца и дружеского молчания с Бастерхази.

– Мм... если твоя служба так прекрасна, как ты сейчас улыбаешься, я тоже ее хочу. Здесь скучно до скрежета зубного. Я начинаю понимать своих придворных интриганов. Им просто больше нечем заняться!

– Еще не поздно сбежать и поступить на службу в Магбезопасность. Лейтенантом, – подмигнул Дайм. – Сбрeндившие магистры, шарлатаны и призраки, гули и вампиры не дадут тебе заскучать. А, да, и отчеты! По десять кушей отчетов на каждого упыря.

– Десять кушей отчетов для каждого упыря? – Ястребенок сделал большие глаза. – О боги! Кажется, у нас тут не так уж и скучно!

– Вообще-то гулей полно и в Сашмире. Устрой охоту – и тебе развлечение, и людям польза. Кстати, как тебе новый имперский посол?

– Обычный скучный посол, – пожал плечами Свами. – Он – не ты. Я вот думаю, чем бы таким его напугать, чтобы он сбежал и в Сашмир снова прислали тебя.

– Ну даже не знаю... Может быть, и пришлют, если ты со скуки начнешь военные

маневры и нечаянно присоединишь к Сашмиру какую-нибудь свободную деревню с плантациями гоблиновой травки... прости, не деревню, раджанат.

Свами поморщился.

– Никогда не думал, что в Сашмире гоблиновой травки растет больше, чем бамбука. Ты был прав, жечь плантации и вешать мелочь можно до бесконечности. Пока за счет травки живут свободные раджанаты, это бесполезно.

– Убеди их присоединиться к Сашмиру. Ну там защита от нашествия гулей или одичавших ракшасов, месть негодяю-соседу и прочая. Мне ли учить интригам самого светозарного?

Свами важно пошевелил бровями и задрал нос:

– Светозарного, осиявшего ничтожных подданных своей великой мудростью и неземной красотой!

– Да-да, осиявшего.

– В самом деле, а не осиять ли мне раджанат Талахчат? Через них идет столько контрабанды, что местный таможенный инспектор уже богаче меня!

– С тебя причитается за идею, – кивнул Дайм и призвал с королевской кухни кружку шамьета со сливками и корицей.

– Конечно! – обрадовался Ястребенек. – Я подарю Талахчат тебе. Будешь дважды раджа.

Дайм чуть не поперхнулся.

– Мне?!

– Прекрасный подарок, не находишь? Отличная земля, красивый дворец, мирные земледельцы в подданных. – Ястребенек так светло улыбался, что даже если бы Дайм не знал точно, что за клоака этот Талахчат – заподозрил бы подвох размером со слона. – Уйдешь с императорской службы, заведешь себе гарем... даже лучше, я тебе половину своего подарю, самую красивую! Для лучшего друга ничего не жалко!

– О боги... – простонал Дайм, не зная, плакать ему от султанской щедрости или смеяться. – Мой темный шер...

– Я хороший темный шер. Добрый, милосердный и справедливый. Осиявший!

Дайм все же засмеялся, утирая слезу умиления. Растет, растет Ястребенек!

– Светозарный... – сквозь смех простонал Дайм.

– Именно! Я вижу, ты уже счастлив, друг мой, но я нынче так щедр, так щедр... отдам тебе весь свой гарем! Если бы ты знал, как они мне надоели, эти папашины жены и наложницы! Вечно у них то кто-то отравится, то упадет с балкона, то затеет заговор, а мне разбирайся. В прошлом месяце удушили мою новую наложницу, а такая милая была девочка.

– Ты думаешь, мне тут заговоров и отравлений не хватает?

– А вдруг? – Ястребенек посмотрел на Дайма с такой наивной детской надеждой, что не смеяться было совершенно невозможно.

– О боги... – через пару минут, справившись со смехом и утерев слезы, выдохнул Дайм.

– Я рад, что сумел порадовать тебя, мой светлый шер, – церемонно склонил голову Ястребенек.

– Несказанно порадовал, мой темный шер, – так же церемонно ответил Дайм.

– Я бы хотел тебе помочь чем-то еще. Обещай, если тебе что-то понадобится, ты скажешь мне.

- Обещаю.

- И раз ты уже в Валанте, навести виконта Седейра. Он кое-что для тебя привез. Надеюсь, это кое-что тоже тебя порадует, мой светлый шер.

Дайм кивнул. Встретиться с Хавьером Седейра, помощником посла в Сашмире, будет приятно. Помнится, беседы с ним – и не только беседы – очень помогали Дайму не убить папашу Ястребенка прямо во время очередной партии в хатранж или пирушки, плавно переходящей в оргию.

Ястребенек понимающе улыбнулся и продолжил:

- И передавай мое почтение его величеству Тодору. Жаль, у него только одна младшая дочь. Будь их две – вторую я бы радостью назвал своей махарани, а тебя – братом.

- И весь твой гарем сам утопился бы от счастья.

Поправлять Ястребенка на тему брата он не стал. Пусть и дальше считает, что Дайм будет просить руки Шуалейды для себя. Не говорить же ему, в самом-то деле, что пока император не снял с него печать верности, ни на ком жениться он не сможет. И гарем ему тоже не пригодится.

- Ты так проникателен, что я тебя уже боюсь, мой светлый шер, – улыбнулся Ястребенек.

- Правильно. Магбезопасность сегодня страшна и ужасна. – Дайм печально заглянул в пустую кружку из-под шамьета. – Вот закончу дела в Валанте, возьму отпуск и приеду к тебе в Сашмир вместе охотиться на гулей.

- Твои верные подданные, о лучезарный раджа Джубрай, в честь твоего приезда будут петь и танцевать целую луну и еще один день, – с едва уловимой печалью сказал Ястребенек, и зеркало погасло.

За завтраком Дайм просмотрел последний отчет капитана Герашана: после покушения на Каетано они связывались каждый день. Отчет содержал всего пару строчек:

«Никаких чрезвычайных происшествий. Аномалия скучает.

Младший Наба ведет себя, как друг принца. Никаких подозрительных контактов. Старший Наба уже дома, под наблюдением».

Аномалия скучает... Почему-то от этих двух слов губы сами собой растянулись в улыбке. Аномалия скучает по его письмам, ждет встречи и готова сказать «да». Дайм съест свою шляпу, если она не влюбилась в него. Вот будет августейшему братцу сюрприз, когда она все поймет! И плевать, что Дайм сам не может жениться на ней – Люкресу она не достанется.

Еще бы как-то успеть встретиться с ней до официальных мероприятий! Вопрос в том, как за оставшиеся до ее прибытия в Суард три дня успеть съездить в Кардалону и замок Наба, разобраться с темными делишками Бастерхази и убедить Ристану оставить брата с сестрой в покое?! А, да, и еще подлечить Тодора, одного вчерашнего сеанса ему надолго не хватит. Какая досада, что в сокровищнице Пхутра нет артефакта, растягивающего сутки втрое! Дайм непременно выпросил бы его в подарок.

Через полчаса Дюблайн, одетый в шелковый камзол цвета старой бирюзы и с подаренной Ястребенком саблей вместо традиционной шпаги, уже подходил к покоям Ристаны. Что она у себя – он убедился заблаговременно.

- Дайм! – Ристана просияла, увидев его на пороге будуара, и велела затягивающей на ней корсаж фрейлине: – Оставь нас.

Фрейлина молча вышла. А Дайм шагнул к Ристане, вернувшейся к излюбленным ярким платьям. Сегодня на ней было нечто малиновое, изумительно оттеняющее нежную кожу и томные глаза.

- Тебе идет бледность.

- Я так тебе благодарна! Дайм... - Ристана протянула к нему руки.

- И насколько велика твоя благодарность, Тайна? - Дайм назвал ее так, как позволялось только Бастерхази, и с удовлетворением отметил на миг сжавшиеся губы.

Что ж, раньше он предпочитал не видеть ее чувств к темному шеру, сейчас же они были очевидны, как рассвет. И очевидно, как рассвет, было и то, что его собственная вымечтанная любовь растаяла, оставив... пожалуй, немножко грусти и самую малость разочарования.

- О чем ты, Дайм, любовь моя?..

Это прозвучало так фальшиво, что он поморщился.

- О неприятном, Тайна. О твоём брате и твоей сестре.

- Теперь еще и ты будешь призывать меня возлюбить этих?.. - Ее маска хрупкой нежности дала трещину, позволив проглянуть искренней усталости и злости.

- Что, сегодня я не первый глас разума?

- Ах, вокруг столько желающих позаботиться обо мне, - повела обнаженными плечами Ристана и глянула на Дайма искоса. - Отец, Альгредо, Бастерхази, теперь еще и ты. Я тронута.

- Ты серьезно насчет Бастерхази? - Дайм проигнорировал издевку.

- Я серьезно насчет «достаточно», Дайм. Я смирилась и постараюсь сделать все возможное, чтобы мой маленький братик не развалил все, что с таким трудом сделано отцом и мной. Но любить их? Нет.

- Ну и не люби, мне плевать. - Дайм с холодной усмешкой поправил левую перчатку и полюбовался блеском новенького сафьяна, как всегда черного.

- Хоть кто-то не лицемерит. - Ристана вздернула подбородок. - Итак, твоя страсть ко мне остыла, так и не загоревшись. Жаль. Действительно жаль. Но ты пришел не для того, чтобы мне об этом сказать.

- Я пришел сказать, Тайна, что если по твоей милости с Каetano что-нибудь случится, у тебя не будет возможности этому порадоваться.

- О нет, не опускайся до угроз. Это выглядит так... бессильно.

- Никаких угроз, Тайна. Я всего лишь связал твою жизнь с жизнью твоего брата. Умрет он - умрешь и ты.

- Ты не посмеешь! - Она побледнела и оперлась на туалетный столик, уронив с него несколько склянок. - Это противозаконно!

- Знаешь в чем прелесть, Тайна? Доказать мою причастность нереально. Родственные связи такая запутанная и тонкая материя, - покачал головой Дайм и светло улыбнулся. - Да, и вполне возможно, что я пошутил. Ведь я - милый, полезный, но до зевоты правильный и законопослушный светлый шер. Все, что я могу - это читать тебе стихи и ласкать твое самолюбие возвышенными чувствами. Кстати, это было прекрасно. Действительно прекрасно. Тебе отлично удастся роль хрупкой лилии, а мне очень нужно было хоть иногда чувствовать себя наивным и милым.

- Ты... ты...

- Я сделаю вид, что понятия не имею о твоём и Бастерхази покушении на Каetano. Не столько в память моей к тебе любви, сколько ради его величества Тодора. Правда его убьет. Ты же знала об этом, Ристана? Знала, что твой отец не переживет смерти сына?

- Я не виновата. - Ее губы побелели и дрожали. - Это Бастерхази, я не...

- Не думала ни о ком, кроме себя. Пожалуй, я ошибся, Бастерхази ты тоже не любишь. Жаль, вы стоите друг друга.

- У... убирайся, - совсем тихо велела Ристана, судорожно сжимая край туалетного столика.

- С удовольствием. Светлого дня, ваше высочество.

Развернувшись на каблуках, Дайм с облегчением покинул душный будуар. И хмыкнул, когда в дверь за его спиной ударилась какая-то склянка. Да хоть бы и столик. Плевать. Главное, пункт номер раз из длинного списка выполнен. Как же становится просто, когда к делу не примешиваются чувства, особенно воображаемые!

Следующим номером в списке неотложных визитов был его величество Тодор. Конечно, Дайм бы предпочел сначала забрать подарок от Ястребенка - что там, интересно? Но здоровье Тодора было важнее.

Сейчас - важнее всего.

Правда, на полпути к королевским покоям его остановили. Шер Альгредо, окруженный полудюжиной взволнованных придворных.

- Светлый шер, рад вас видеть! - отвлекшись от вопросов о здоровье короля, Альгредо окликнул Дайма.

- И вам светлого дня, - кивнул Дайм одновременно и Альгредо, и толпе шеро.

Дождавшись, пока шеры раскланяются с Даймом, Альгредо спросил:

- Вам уже передали, что его величество желает вас видеть?

- Наверное, я разминулся с посыльным. Сейчас?

- Да, сейчас. Кстати, вы, случаем, спешите не на свидание с графом Сильво? Он дожидается вас в галерее Масок с видом нетерпеливого влюбленного.

Придворные тут же наострили уши: скандал! Интрига! Или интрижка?

- О нет, надеюсь, граф Шампур не приготовил для меня сонеты и розы, - в преувеличенном ужасе отшатнулся Дайм.

- Сонеты графа Сильво весьма неплохи, в отличие от... хм... - Альгредо сделал вид, что вот только что вспомнил об окружающей их с Даймом толпе. - Но нет, роз я не заметил. Лишь трио таких же юных талантливых поэтов.

- О боги... только не хоровое пение!

Послышались одобрителные смешки: Шампура здесь явно не любили. Немудрено. Ему готовы были простить взрывной характер и превосходное владение шпагой, но не положение фаворита ее высочества Ристаны. И если о Бастерхази сиятельные шеры боялись даже непочтительно подумать, то посмеяться над графом Сильво случая не упустили. Разумеется, когда сам он этого не видел и не слышал.

- Все в воле Двуетиных, мой светлый шер, - с показным смирением осенил себя малым окруженьем Альгредо.

Дайм последовал его примеру, раскланялся с любопытными шерами - и на всякий случай оставил слабый ментальный отворот: на пару минут, не больше. Просто чтобы никому не пришлось в голову последовать за ним и сунуть нос куда не надо. Хватит одного Шампура.

Любопытно, какой клоп его укусил. Не мог же он предугадать, что Дайм именно сегодня оскорбит в лучших чувствах его возлюбленную Ристану! Тем не менее - вот он, красавец. Шампур и еще трое злых, как гули по весне, и таких же безмозглых бретеров. Лучшие

шпаги королевства, шис их дери. Их злость и отчаянное желание подраться Дайм почувствовал перед дверьми в галерею Масок – через нее следовало пройти, чтобы попасть в королевскую приемную. Это желание драки было таким сильным, что Дайм сам едва не схватился за саблю. И только через мгновение распознал такие знакомые огненные нотки...

Бастерхази! Хиссов сын! Чем ему насолил Шампур? Не может быть, чтобы темный шер вдруг приревновал Ристану к бездарному. Да и вообще ее приревновал. Только не Бастерхази.

Мысль о том, что Бастерхази натравил Шампура с банальной целью избавиться от самого Дайма, следовало отбросить как бредовую. Только не Бастерхази, который бездарных и за людей-то не считает. С другой стороны... если тут не может быть никакого серьезного подвоха – что же тогда?

Ведомый отчаянным любопытством, Дайм скрылся под пеленой невидимости и ступил в галерею: царство портретов, расписных статуй и зеркал, овеянное ароматом тайн и освещенное гирляндами фейских груш. Шампур с приятелями обернулись за звук открывшейся двери, но никого не увидели и вернулись к высокоинтеллектуальной беседе о фаворите завтрашних скачек. Дайм не успел толком рассмотреть плетение авторства Бастерхази, как услышал женский голос – которого здесь не должно было быть.

– Здравствуй, светлый шер, – поприветствовало его самое юное привидение Риль Суардиса, шагнув с семейного портрета.

На этом портрете молодой и счастливый Тодор Суардис танцевал, держа за руку пустоту. А Зефрида Суардис-Тальге танцующей походкой шла по наборному паркету галереи, лукаво улыбаясь Дайму. Разумеется, ни ее голоса, ни шагов бездарные шеры не слышали – так и продолжали обсуждать лошадей.

– Потанцуй со мной, Дамиен Брайнон. Здесь так скучно, даже не с кем поговорить. В Башню Заката никто не заходит, здесь меня никто не видит. В Суарде совсем не осталось истинных шеров. Не считать же эти недоразумения, – кивнула она в сторону Шампура и протянула Дайму руку.

Дайм усмехнулся про себя: о темном шере Бастерхази королева предпочла забыть – как всегда.

– Благодарю за честь, ваше величество.

Он склонился и поцеловал призрачные пальцы.

– Это я благодарю тебя, Брайнон. Я ужасно скучаю по своему мужу, но ему еще рано ко мне. И я еще не сделала то, что... Ах, где же музыка? Я хочу танцевать!

Зазвучал призрачный оркестр: тихо, на грани слышимости, и вместе с музыкой галерея наполнилась шелестом платьев, шорохом туфель по паркету, дыханием и звоном бокалов. А Дайм повел королеву в столь любимой ею вельсе. Именно ее Тодор и Зефрида танцевали на портрете.

– Не вздумай обидеть мою Шуалейду. – Приблизившись к Дайму в очередном па и обдав его потусторонним холодом, королева погрозила тонким, затянутым в кружево пальцем. – И не отдавай ее Люкресу. Моя дочь достойна лучшего, чем стать племенной кобылой.

– Ни за что, – почти честно ответил Дайм. То есть совсем честно, но только на вторую просьбу, больше похожую на приказ.

– Ты запутался в интригах, Брайнон. Смотри, как бы не проиграться в прах.

Королева укоризненно покачала головой и растворилась.

А Дайм пожал плечами: проиграть в интригах? Не на того напали. И занялся графом Сильво. Небольшое ментальное сканирование – самый верхний слой, кратковременная память...

Ага! Вот оно.

Шампур как раз думал о том, не разбегутся ли его приятели, увидев, кого он решил вызвать на дуэль. Но здравую мысль «а не пора ли и ему тоже разбежаться, пока не поздно» заглушила жгучая ревность. Оказывается, Ристана вчера сказала о возможном браке с Дюбрайном – вскользь, скорее чтобы услышать от любовника заверения в вечной любви, восхищении и преданности. Шампур бы забыл о вспышке ревности через полчаса, но тончайшая ало-фиолетовая нить не позволила. Ювелирная работа!

Но зачем, зачем?! Бастерхази прекрасно понимал – Дайм увидит эту нить и... Или нет? Возможно, если бы не предупреждение Альгредо, Дайм бы и приглядываться не стал. Он слишком привык не принимать бездарных всерьез.

– Зря, очень зря, Брайнон, – послышался голос королевы. – Магия уходит из мира. И если ты хочешь продолжить дело отца и вернуть божественное благословение людям, тебе придется очень постараться.

– Дело отца? – переспросил Дайм.

Конечно, ему приходило в голову, что император не просто так плодит бастардов, но таким способом вернуть в мир кровь Драконов? Бред собачий.

А вновь возникшая перед ним королева приложила пальчик к губам, а затем вложила руку в его ладонь. Снова зазвучала музыка. Королева увлекла его в танец – и к выходу из галереи, мимо ничего не подозревающего Шампура и его приятелей. Пели скрипки и гобои, звенели бокалы, Зефрида кокетливо улыбалась, и Дайму на миг показалось, что бал настоящий, что он вернулся на десяток с лишним лет назад, когда только познакомился с прекрасной королевой Зефридой и ее не менее прекрасной падчерицей Ристаной...

– До встречи, Дамиен! – Привидение засмеялось и исчезло вместе с заклинанием невидимости, оставив Дайма у дверей галереи в той же позе, что Тодор на портрете.

Вот только на этот раз музыку слышал не только Дайм. И на его появление Шампур с приятелями отреагировали мгновенно.

– Ваша светлость изволит танцевать с Маской? – Шампур уверенно шагнул к Дайму.

Его приятели замешкались: такого противника они никак не ожидали.

– Не с вами же, любезный шер Сильво, – усмехнулся Дайм, обрывая ало-фиолетовую паутину, опутавшую Шампура.

– Почему бы и не со мной?

Шампур демонстративно положил руку на эфес шпаги, но Дайм словно бы этого не заметил. Он правдоподобно удивился:

– О, Сильво... Не знал, что вы питаете ко мне нежные чувства. Какой приятный сюрприз!

Шампур чуть не споткнулся на ровном месте: он определенно ожидал какой-то другой реакции. Точно не радостной улыбки, словно Дайм сто лет мечтал об этом признании. Да и последние ало-фиолетовые паутинки растаяли. Но не ревность, о нет, ревность Шампура была самой настоящей! Вот только до него внезапно дошло, каким идиотом он выглядит перед собственными же приятелями.

Шампур нахмурился, набрал воздуха для протеста...

– Что, неужели я ошибся? Ах, какая досада, а я так надеялся на сонет! – Дайм укоризненно покачал головой. – Нехорошо, сиятельный шер, очень плохо так обманывать чужие ожидания.

Шампур почти отмер, почти вытащил шпагу из ножен, но его приятели внезапно заржали, как призовые лошади.

– Сонет... Сонет!.. – простонал кто-то из них, и Шампур вздрогнул.

А Дайм подмигнул ему и снова исчез под пеленой невидимости. Ну в самом деле, не драться же с юным влюбленным идиотом! Ревнивым идиотом. Добрые боги, это же надо – ревновать Ристану...

И только перед самыми королевскими покоем до Дайма наконец-то дошло, что хотел сказать Бастерхази этой эскападой.

Ревность. Это – ревность. Бастерхази ждет их шисом драного разговора начистоту.

Ему не все равно, что думает о нем Дайм.

«Нехорошо, мой светлый шер, очень нехорошо так обманывать мои ожидания», – почти услышал Дайм голос с отзвуками рокоющего пламени.

И шис знает, почему Дайму вдруг захотелось улыбаться. Наверное, это все танец с Зефридой... или Шампур с сонетами вместо шпаги.

Глава 4

Чудовище без красавицы

...вернется кровь Темного Хисса в Бездну, а кровь Светлой Райны – в Светлые Сады, и пребудет Равновесие до скончания времен.

Катрены Двуетинства

22 день холодных вод, Суард

Рональд шер Бастерхази

Светлый шер Дюбрайн оценил подарочек по достоинству. Увидев его улыбку, Роне невольно улыбнулся в ответ, но зеркало деактивировал. Нечего светлому шеру знать, что Роне за ним наблюдает. Да и о том, что у Роне по всему дворцу удобные точки слежения – тоже.

А вот тянуть дальше не стоит. Сейчас отличный момент, чтобы наконец-то разрешить недоразумение. Целых два недоразумения, будь они неладны. И ради этого Роне даже готов наплевать на то, что виконт Седейра привез из Сашмира. Если информатор не врет, речь идет о бумагах Андераса, самого близкого к Ману Одноглазому человека. Возможно, в этих бумагах скрыто нечто очень и очень интересное. А возможно – и нет...

Да плевать! Дюбрайн важнее!

Размашисто шагая по дворцу и задевая черно-алыми «крыльями» плаща особо любопытные носы, Роне мысленно просил Хисса: пусть сегодня все получится. Хватит глупой вражды и непонимания. Дюбрайн нужен ему, он нужен Дюбрайну, и им совершенно нечего делить!

От группы сгорающих от любопытства, но не решающихся зайти в галерею Масок придворных Роне отмахнулся. И хмыкнул про себя: а Магбезопасность тоже не рассчитывает силы. Вряд ли Дюбрайн хотел наложить на дверь в галерею отворот третьего порядка, когда хватило бы и пятого. Ладно. С кем не бывает?

Небрежно смахнув большую часть отворота, чтобы оставшегося хватило на несколько минут, Роне все же на секунду остановился под дверью. Из-за нее доносились голоса.

– ...дело чести, Шампур!

– Струсили?

– Плаха за компанию – это слишком!

Роне усмехнулся. Еще немного, и дуэль состоится, но с другими участниками. Вот идиоты! Ладно – подраться под ментальным воздействием, но добровольно, в здравом уме? Они же бездарные, а не безмозглые! Идиоты.

Распахнув дверь, Роне обвел сиятельных шеров тяжелым взглядом. Ментальное воздействие пятого уровня, с них хватит.

Сишеры предсказуемо заткнулись и поклонились. Шампур – не так низко, как требовал этикет, остальные же не стали рисковать, навлекая неудовольствие темного шера, и добросовестно подмели шляпами пол.

– Светлого дня, темный шер, – вразнобой поприветствовали его.

Роне уже был готов ответить тем же, но что-то странное в галерее привлекло его

внимание. Изменение магического фона?.. В пределах нормы, здесь только что был Дюбрайн, это могут быть следы его воздействия: свет, воздух, разум. Но что-то еще...

На мгновение забыв о графе Сильво и его друзьях, Роне внимательно прощупал галерею – и чуть не выругался вслух от внезапной боли в груди. Резкой, обжигающей, как кислота.

Зефрида! Здесь была мертвая королева!

Ее силуэт на портрете изменился. Совсем немного – лишь чуть иной поворот головы, чуть меньше улыбки, и взгляд сместился. Не заметишь, если не знаешь этот портрет лучше, чем собственное отражение в зеркале. И магический фон изменился сильнее, чем от одного только Дюбрайна.

Она была здесь.

«Зефрида?» – мысленно позвал Роне.

Никто не откликнулся, лишь Шампур едва заметно вздрогнул. Наплевав на его ментальные амулеты – пусть нажалуется Альгредо, подумаешь, еще одна паршивая бумажка! – Роне взломал его память и увидел... Да. То, на что надеялся – или чего опасался. Проклятье!

– Вон, – почти не разжимая губ, велел Роне.

– Какого... – начал было возмущаться Шампур, но дружки не позволили ему снова полезть на рожон, с двух сторон подхватили под руки и вытащили из галереи.

Звука закрывающейся двери Роне не слышал. Он уже был там, в мире воспоминаний, призраков и потерь.

– Зефрида? Ты здесь, я знаю! Иди сюда, Зефрида!

Тоска, пустота. Зеркала мутны, портреты мертвы.

– Зефрида, поговори со мной!

Мысленный крик Рональда наверняка услышали все, обладающие хоть каплей дара. Но ему было наплевать на все, кроме собственной боли. Оставив тело стоять перед портретом Тодора с женой, он чистой стихией метался по галерее, шарил по всему Риль Суардису в поисках сбежавшей королевы.

Тщетно. Башня Заката оставалась запертой наглухо, королевы нигде не было, лишь на паркете галереи голубым туманом светились следы – совсем недавно она танцевала. Она танцевала! Не с ним! С ублюдком Дюбрайном! Она опять предпочла не Роне!

Темное, жгучее пламя выло и билось, требовало: сжечь! Сровнять с землей проклятый дворец! Распять ублюдка на алтаре, вырвать из его глаз отражение ее улыбки, содрать с кожей ее прикосновение, вместе со слухом отнять звук ее голоса...

«Спокойно. Умна сон-н-н, – остатки рассудка еле удерживали готовую вырваться огненную бурю. – Все не так. Все изменилось. Я давно не люблю ее!»

Огонь и смерть, разметавшиеся по всем дворцу, резонировали чистыми обертонами ненависти и боли: «Не люблю, не люблю!»

«Умна сон-н-н...» – пели зеркала, успокаивая Роне.

«Умна сон-н-н...» – Ожившие портреты королей и магов смотрели на него, напоминая о вечной Тьме за краем и о цене ошибки.

Зажмурившись, Роне повторил вслух:

– Умна сон-н-н, – и ощутил, как буря отступает, ложится вокруг пеплом.

И что сам он – пепел. В точности, как много лет назад.

Не сейчас. Все это было много лет назад. Успокойся, Роне. Ты больше не любишь ее. Пора забыть. Отпустить.

Если бы это было так просто!

– Ты могла бы просто поговорить со мной, – хрипло прошептал он, садясь на пол и снова глядя на портрет. – Ты все еще думаешь, что я – чудовище? Но видишь, я никого не убил. Даже твой муж до сих пор жив. Твой муж и твои дети... помнишь, я обещал тебе?

Обещания и воспоминания – все, что у него осталось. Жалкие и драгоценные крупинки прошлого. То, что держит его здесь. То, что заставляет болеть сердце, которого у него нет. Ведь у чудовищ не бывает сердца.

И сейчас, вглядываясь в мертвый портрет, он видел живое прошлое. То, что берег и хранил все эти годы.

Вот он, едва вырвавшись от Паука, – четыре десятка лет притворства и интриг наконец дали плоды! – приезжает в Суард, к месту службы полпредом Конвента, его принимает королевская чета. Восторг, счастье, благословение богов: он нашел ее, свою вторую половину! В сиянии воздуха и разума, в вихрях Света – ласковая улыбка, нежность поверх оружейной стали. Прекрасная Зефрида. Супруга никчемного человека, единственное достоинство которого – трон под седалищем. О, как хорошо Роне понимал ее! Влюбить в себя короля, избавиться от королевы, получить корону самой – вот достойная цель, и Зефрида ее добилась.

Вот самые первые дни – и ее мимолетные улыбки, короткие беседы, словно случайные встречи. Он не торопился, наслаждаясь новым прекрасным чувством. Мечтал о чуде Единения, о свободе от Бездны, о могуществе – одном на двоих.

И совсем скоро – ошеломление, разочарование, ярость. Зефрида отвергла его! Испуг, отвращение вместо радости и благодарности.

Роне не мог понять – почему? Логичный следующий шаг для Зефриды – отодвинуть ненужного больше бездарного короля, взять власть в свои руки. Принять помощь и любовь единственного достойного ее, истинного шера. Вместе они бы правили Валантой несколько сотен лет, и потом трон унаследовали бы их дети – истинные шеры с драконьей кровью в жилах. Роне вовсе не собирался как-то вредить королю Тодору. Ни к чему нарушать закон там, где это необязательно. Тодор дожил бы в мире и покое оставшиеся ему два десятка лет. Сущая мелочь для почти бессмертной пары.

«Поймите, я люблю Тодора!» – набор звуков, не имеющий смысла. Истинный шер не может любить бездарного. Это против природы, против всех божеских законов. Любить можно только равного! Пара истинная шера и бездарный – это же все равно, что орел и курица! Зефрида не могла сама этого не понимать и не чувствовать.

Роне был уверен, что она лишь следует своему извращенному воспитанию: ведь она росла среди бездарных. Что она все равно никуда от него не денется, что Двуетьединные своей волей соединили их, не зря же аура Зефриды светится серебром предназначения. Роне терпеливо сносил ее капризы, всегда был рядом.

«Оставьте меня, шер Бастерхази! Мне не нужны ни вы, ни власть, ни бессмертие! Я не буду вашим спасением от Ургаша – вам, темным, там самое место».

Гнев красил ее несказанно. Особенно ярко Зефрида злилась, когда он читал ей Катрены Двуетьединства. Те самые, что звучали ему надеждой.

Нет бездны без рая,

Нет света без тьмы,

Начала без края,

Без лета – зимы.

Спасенья – без жертвы,

Без боли – любви,

Без вечности – смерти,

Без воли – судьбы.

«Нет неизбежности без выбора, – всегда добавлял он. – Вы сожалеете, что одной ногой ступили в Бездну, убив первую королеву. И вы же лишаете меня надежды выйти из Бездны только потому, что я родился темным».

«Я должна полюбить вас только потому, что вы хотите обмануть судьбу? Нет, шер Бастерхази. Вы не любите меня. Вам нужна лишь жертва вашему бессмертию».

«Я люблю вас, Зефрида. Двухединых невозможно обмануть, вы прекрасно это знаете. Я – такой же истинный шер, как и вы. У меня такое же живое сердце».

«Вы – чудовище, шер Бастерхази. Вся ваша любовь – тьма, страх и голод. Вы не можете любить. Даже если бы я могла дать вам то, что вы хотите, не стала бы. Потому что ваше место в Бездне!»

Чудовище.

Когда-то ему казалось, что в слове «чудовище» звучит страсть. Но не сейчас.

Чудовище – это страх, отвращение и ненависть.

Такая знакомая, привычная, почти родная ненависть. Надоевшая до оскомины, выедающая изнутри, проклятая ненависть.

– Ты поймешь, что ошибалась, Зефрида. Я изменю судьбу – рано или поздно, так или иначе. Обещаю тебе.

Поднявшись на ноги, Роне отдал поклон мертвому портрету – память стоит вежливости – и вышел из галереи Масок через ту же дверь, через которую и вошел. Ждать сейчас Дюбрайна – глупо. И еще глупее надеяться на дружеские чувства светлых шеров. Для кого-то темный шер навсегда останется чудовищем, и пусть. Плевать. Он в любом случае найдет способ избежать Бездны. Так или иначе.

– Эйты, подавай карету, – приказал Роне вполголоса, точно зная: немертвый слуга услышит.

Глава 5

Та сторона

22 день холодных вод, Суард

Рональд шер Бастерхази

Карету с весами Конвента горожане провожали полными любопытства и страха взглядами. Придворный маг слишком редко выезжал вот так, напоказ, чтобы стать обыденностью. На улице Второго Эльфийского Договора, тихой и респектабельной, карета остановилась у ворот с графским гербом. Слуга на козлах, рядом с кучером, протрубил в рожок, ворота с тяжелым скрипом отворились – и на этом представление для широкой публики завершилось. Зато началось лично для графа Седейра, помощника советника короны по делам внешней торговли.

Рональд подождал, пока Эйты откроет дверцу и опустит подножку, потом подождал еще полминуты, оценивая диспозицию и давая возможность графскому дворецкому добежать до парадного подъезда. И только тогда неторопливо покинул карету и позволил любопытствующим в подробностях разглядеть свой черно-алый короткий плащ, элегантный черный камзол, массивную золотую цепь с амулетом Конвента и тяжелую трость с набалдашником в виде ястреба, гербом Бастерхази.

– Светлого дня, ваша темность! Соболаговолите пожаловать!

Дворецкий кланялся чуть не до земли, провожая Роне к распахнутым двустворчатым дверям. Насмерть перепуганный граф, едва успевший нацепить парадный сюртук, самолично встречал нежданного гостя.

– Ваш визит – большая честь для нашей семьи, ваша темность. Не изволите ли отобедать с нами? У нас сегодня кабанчик по-ольберски...

Граф Седейра тянул время, а от него тянуло страхом. Разумеется, граф знал, что именно привез его сын из Сашмира, знал – для кого и знал, зачем приехал темный шер Бастерхази. И Роне знал, что поставил графа в крайне неудобное положение, но и не думал облегчать ему задачу. Иногда быть чудовищем очень удобно. Граф же спешно пытался сообразить, как бы так сманеврировать между придворным магом с жутковатой репутацией и Имперским Палачом. От тяжких раздумий граф взмок.

– С удовольствием, мой сиятельный шер. Надеюсь, к кабанчику у вас найдется «Кровь девственницы». Диета, видите ли, – без улыбки отозвался Роне.

Граф побледнел, по виску его скатилась капля, но он не посмел ее утереть.

– Э... ваша темность... мы... – замычал Седейра, спешно припоминая, есть ли у него в служанках хоть одна девственница, и отгоняя мысль о старшей дочери.

Позволив графу поужасаться вдоволь, Роне рассмеялся. Искренне, открыто, заразительно – так, что даже подслушивающие под дверьми лакеи разулыбались до ушей.

– О, я вижу, до вас еще не дошла столичная мода. – Роне похлопал облегченно вздыхающего графа по плечу. – Очаровательное название для подогретого бресконского с медом и корицей, не так ли?

Концентрация страха в особняке Седейра резко снизилась. Призрак Ужасного Темного Колдуна – для Роне он выглядел как старикашка с жидкой бородашкой и узкими цуаньскими глазами – растаял. Вместо пожара и наводнения в гости к семейству Седейра явился прекрасно знакомый всему высшему свету очаровательный шер Бастерхази, обожающий прекрасных дам и веселые шутки. Конечно, два образа резко друг другу противоречили и по логике шерам следовало бы бояться Роне всегда, но

логика и человеческие эмоции – материи слишком разные и отторгающие друг друга. «Если кто-то хочет обмануться, никто не сумеет ему помешать», как говорил Паук. Да и игра на грани помогала Роне поддерживать бодрость духа.

«И это – потомки великих шеров, – с сожалением думал Роне, отвечивая комплименты графским дочкам и целуя руку графине. – Ни капли драконьей крови, даже на Мертвым проклятую условную категорию! Лет тысячу назад они все бы отправились выращивать брюкву, а сейчас – титулованные шеры. Куда-то не туда катится этот мир».

Дождаться обеда (или возвращения в отчий дом графского сына) Роне не стал. Кабанчик по-ольберски и модный столичный напиток привлекали его куда меньше содержимого сейфа в графском кабинете. Тонкий аромат смерти, источаемый документами, однозначно говорил об их подлинности и о том, что Дюбрайн опоздал. Оставалось лишь убедиться, что нечитаемые письма – нечитаемые для необразованных тупиц, не знающих даже простейшего перекрестно-зеркального шифра и старого сашмирского – содержат не любовные вирши.

– Но они запечатаны султанской печатью! Я не могу, вы же понимаете, ваша темность, дипломатический скандал... – пытался отбрезаться граф Седейра.

– Никакого скандала, сиятельный шер, – очаровательно улыбнулся Роне. – Как представитель Конвента, я должен убедиться, что эти тетради безопасны.

– Они совершенно безопасны, ваша темность! – Граф чуть ли не грудью встал на защиту сейфа. – Прошу вас, мы не можем... это же личный подарок султана!

Упрямство графа в чем-то даже восхитило Роне. Бояться до судорог и все равно не давать темному шеру то, что темный шер желает получить – дорогого стоит. Жаль, жаль, что в семье Седейра почти не сохранилось драконьей крови. Полкапли водного дара, доставшиеся единственному графскому сыну и не дотягивающие даже до третьей категории – не в счет.

– Конечно, граф, и его следует немедленно передать шеру Дюбрайну. К сожалению, светлый шер чрезвычайно занят во дворце. Почему, кстати, виконт Седейра не отдал ему тетради еще вчера? Нет, я не желаю слушать оправданий! Непростительное промедление! Доставайте.

Роне сопроводил слова ментальным приказом. Воздействие всего лишь третьего уровня, по идее ментальный амулет графа не должен был его пропустить, но то по идее. Право, каким надо быть идиотом, чтобы надеяться на амулеты, купленные в лавке!

– А... конечно, ваша темность. – Граф Седейра облегченно выдохнул и принялся открывать сейф. – Так любезно с вашей стороны передать подарок шеру Дюбрайну!

– Так вы говорите, они хранились у?... – словно между прочим осведомился Роне.

– Виконт Седейра нашел тетради у последней из рода Саравенати. По ее словам, брат того самого Андераса приходился троюродным прапрадедом ее покойному мужу. Как жаль, что мой сын отсутствует по делам службы! Но, если ваша темность желает узнать все в подробностях, он всего через полтора часа вернется из Торговой Палаты. Их светозарное величество выкупил тетради по совету моего сына!

– Вы тоже прекрасно рассказываете, советник. Продолжайте!

– С этими тетрадями связано проклятие...

Роне вполуха слушал болтовню графа Седейра, сам же прощупывал заклинания, оплетающие шкатулку с тетрадями. Открывать ее, не предприняв необходимых мер безопасности, будет только анацефал.

Однако пальцы почти подрагивали от нетерпения. Столько лет Роне собирал по крупницам историю школы Одноглазой Рыбы, выкупал или забирал у несговорчивых дураков мемуары современников, письма, дневники, амулеты – все, что могло помочь воссоздать ритуал, с помощью которого Ману с учениками почти избежали Бездны. Роне уже догадывался, какую именно ошибку совершил величайший темный шер последнего тысячелетия. Вполне понятную ошибку. Он хотел осчастливить всех и сразу, и за

глобальностью задачи просмотрел самое важное – мир после Мертвой Войны изменился. И то, что сработало бы раньше, убило Ману и его учеников сейчас.

Однако мало догадываться. Надо знать точно, в чем ошибся Ману, и экспериментировать дальше. Без глобальных задач, Роне вполне хватит изменения собственной судьбы. Точнее, судьбы двух шеров, темного и светлого. Своей собственной – и Дюбрайна. Есть шанс, что Дайм окажется не только старше, но и умнее ее величества Зефриды. В конце концов, Имперского Палача не должен смущать союз с чудовищем. Он и сам то еще чудовище.

– Тут личная печать султана, не повредите ее, прошу вас!

– Не беспокойтесь, милейший. – Роне еле сдерживался, чтобы не выхватить драгоценность из рук графа.

Боги, о какой ерунде беспокоится этот бездарный глупец! Личная печать султана, с ума сойти, какая важность...

Разумеется, заговоренный сургуч он снял, не повредив. И достал из инкрустированной слоновой костью и бирюзой шкатулки четыре хрупкие тетрадки с обтрепанными краями.

«Какая из них? В какой – сокровище? Или все?» – Страх, надежда и предвкушение смешались в дрожи пальцев, бережно касающихся трехсотлетней бумаги.

– Но как же... – нервно шепнул Седейра.

Заклинание, высушивающее на лету назойливых мух, едва не сорвалось с губ, но Роне снова сдержался, лишь недовольно поведя плечом. Этого хватило: Седейра упал в свое кресло, сжался и затих. До него, кажется, начинало доходить, что уже никакие слова и оправдания не изменят случившегося. И если султан узнает, что виконт Седейра позволил кому-то вскрыть предназначенное Дюбрайну письмо, с его дипломатической карьерой будет покончено.

Но чья-то там карьера сейчас волновала Роне меньше всего на свете.

Глядя на знакомые каракули старосашмирского, он погружался в текст слой за слоем, разгадывая матрицу шифра, настраиваясь на перо в руке три сотни лет как почившего шера. Большая часть букв расплылась и стерлась, тетради хранились в слишком сыром месте, к тому же оболочку кто-то давно нарушил кривой попыткой прочитать текст. Но в руках умелого некроманта и мертвая книга заговорит, надо лишь восстановить из обрывков изначальное плетение.

Тетради окутались привычным темным туманом возвращенного времени, из бестолковых штрихов начали вырисовываться буквы и всплывать лоскуты смысла:

«...недели, как я ушел с Ману. Он так увлечен исследованиями, что не видит...»

«...брат Ястреба идет на поправку. Странно, не думал, что мне удастся...»

«...погиб Эспада. В клинке остался лишь крохотный осколок души, без памяти и разума. Ману сказал, этот путь ведет в тупик. У нас недостаточно...»

«...считает это выдумкой Слепого Барда. Для Ману существует лишь разум, воля и сила. Смешно было надеяться, что...»

«...храм Карума. Мертвый дом мертвого бога, страшно...»

«...Ману говорит, что старый трактат надо запретить и сжечь. Все равно не понимают...»

«...с тех пор как нашел кристаллы. Безумная затея, но я все равно пойду с ним. Может быть, когда-нибудь удастся вернуться в Сашмир. Ястреб получил вести из дома, их с братом считают мертвыми. Младший стал главой рода...»

Роне еле подавил дрожь. Значит, Ястреб Бастерхази не погиб в стычке с имперскими войсками. Слава Двуетиным, ему хватило ума обезопасить семью. Но в самом тексте что-то странное, написано в мужском роде, но пахнет женщиной. Не может же быть, что

чудовище Андерас – не просто светлый шер, а светлая шера!

«...пишет в книге, не показывает... странное название...»

«Утром идем в Ирсиду, Ласло не может сдержать их сам, а Ману не хочет бросать ученика...»

Из коротких строк, из обрывков мыслей проступала история Ману Одноглазого и его школы. Та сторона, что не изучается в гимназиях: юным шерам не полагается знать, что злодей Андерас, жестокостью превосходящий самого Ману, родился светлым. И, похоже, не только это не изучается в гимназиях – судя по дневнику Андераса, мятеж в Ирсиде поднял вовсе не Ману, а один из его учеников, чесландский князь Ласло. И живым богом Ману называли темные шеры, а не сам Ману. Очень интересные дневники для историка, но о сути экспериментов – почти ничего.

С трудом вынырнув из времен молодости своей прапрабабки Магды, той, что отдала его в обучение к Пауку, Роне поднял взгляд на Седейра. Граф сидел, подняв плечи и сжав руки в замок, не смея моргнуть.

– Что ж, благодарность Конвента и лично шера Дюбрайна вашему сыну обеспечена. Весьма ценные исторические документы, – равнодушно сказал Роне.

Граф молчал. Страх сковал его разум, а жалкий ошметок шера глубоко внутри него впал в животный ужас перед хищником и притворялсядохлым.

«Шисов слабак!» – выругался про себя Роне. Пришлось не меньше пяти минут потратить на успокоительную иллюзию и подчистку памяти, чтобы советник не сошел с ума или не умер, упаси Двоединые. Да и скандал с султаном Роне тоже совершенно не нужен, пусть считает, что шкатулку никто не вскрывал.

– Выпейте, дорогой мой. Вы утомились, здесь так душно. – Роне поднес ко рту графа бокал бренди и заставил выпить. – Вы же видите, шкатулка запечатана, султанские печати не тронуты. Я всего лишь убедился, что все безопасно, а то в этих старых документах бывают ужасные ловушки. Вы же не хотели, чтобы шер Дюбрайн пострадал.

В глаза графа постепенно возвращалась осмысленность, бледное до зелени лицо розовело. Успокоительная чушь, иллюзия и горячительное сработали.

– Я что-то могу для вас сделать, дорогой мой шер Седейра?

Последние слова оказали на графа волшебное действие: он оживился и попробовал что-то сказать.

– Да, дорогой советник? – От ласковой улыбки уже немели губы, но Роне не мог себе позволить оставить графа недовольным. Только не тогда, когда он может наговорить лишнего герцогу Альгредо или, хуже того, сообщить о дневниках Андераса непосредственно в Конвент. – Вы про вашу старшую дочь?

Титулованный проныра, даже при смерти не забывающий о шкурных интересах, кивнул.

– Несомненно, сложный случай. Но... – Роне сделал паузу, словно фокусник перед тем, как вынуть из шляпы живого ширхаба. – Для вас, любезнейший советник, Конвент сделает все возможное и даже невозможное!

Седейра оживал на глазах, послушно впитывая крохи собственной жизненной силы, рассеянные в воздухе и заботливо собранные для него Роне.

– Ваша све... темность так добры!

Роне чуть не рассмеялся: граф не зря запнулся. Темный и доброта! Да, темным несвойственно подрабатывать целителями душ. Но правилам следуют только неудачники.

– Вы что-то говорили о кабанчике по-ольберски?

– О да! – Граф глянул на старинные напольные часы, показывающие без десяти минут

три. – Самое время отобедать! Извольте, ваша темность.

– Надеюсь, вы не возражаете, если я сейчас же заберу документы для шера Дюбрайна? Они требуют особой осторожности.

– Разумеется, ваша темность. Счастлив служить империи!

В верноподданническом восторге графа пронзительной нотой звенела надежда на устройство судьбы дочери, и лишь глухим обертоном диссонировала опаска: сын же должен был отдать бумаги Дюбрайну лично в руки. Но шер Бастерхази обещал, а слово шера – нерушимо...

– Вы отдадите их шеру Дюбрайну сегодня же, не так ли?

– Шер Дюбрайн получит эту шкатулку сегодня же, видят Двоединые! – без малейшей опаски поклялся Роне.

Во-первых, он в самом деле собирался отдать тетради Дюбрайну. А во-вторых, шкатулка была пуста, а тетради уже лежали в заговоренном ящике дома у Роне. На всякий случай.

За обедом он присмотрелся к старшей графской дочке. Свежее, всего-то во втором поколении, проклятье сделало ее совершенно непривлекательной ни для мужчин, ни для женщин. Внешне она была хороша: с правильными чертами, стройна, в меру округла, ухожена, со вкусом одета. Но при взгляде на нее, если не подниматься над примитивным животным, коим и является обычный человек, возникало стойкое отвращение. Конечно, Роне бы мог снять проклятие и подкорректировать ее ауру до нормального состояния. Даже, если постараться, наделить ее звериной притягательностью Ристаны. Но зачем портить такую прекрасную работу? Лучше использовать с толком. Исполнению желания графа Седейра это не повредит, ведь он всего-то и хочет, что удачно выдать дочь замуж за шера не ниже его самого по титулу. Какая, право же, ерунда!

Через час обжорства и неумеренных восторгов со стороны семейства Седейра Роне наконец-то проводили к карете. С почти королевскими почестями и фейерверками эмоций.

Старшая дочь графа искрилась радостью пополам с недоверием. Услышав, что красавец граф Сильво, фаворит принцессы и мечта всех придворных дам, тайно влюблен в нее и попросил шера Бастерхази высватать ему невесту, она сначала чуть не расплакалась, думая, что шер Бастерхази над ней издевается. Она была недалеко от истины, но издевался Роне не над ней, а над Шампуром. Конечно же, не потому что ревновал Ристану к бездарному недошеру, еще чего. А потому что любой, кто посмеет перейти Роне дорогу, должен быть наказан. Хотя бы так, в шутку, но чтобы все об этом знали.

Графиня Седейра разрывалась между острой потребностью немедленно похвастаться новостью всему свету, страхом перед недовольством ее высочества Ристаны и предсвадебной лихорадкой. Шер Бастерхази обещал сам объявить о помолвке на Весеннем балу и просил как можно скорее обвенчать молодых, ведь граф Сильво так влюблен, так влюблен! Ах, как это мило!

Младшая дочь графа не могла понять, завидует она старшей сестре или радуется за нее. Она мысленно примеряла платье, как у Ристаны на последнем балу, и представляла себя у алтаря с графом Сильво.

Один лишь глава семьи, улыбаясь и кланяясь, сходил с ума от страха. Вдруг султан узнает, что Седейра посмели отдать султанский подарок не лично в руки Дюбрайну? Вдруг сам Дюбрайн рассердится? Вдруг шер Бастерхази готовит подвох? И почему шер Бастерхази так подозрительно добр и щедр?

Роне от таких мыслей графа Седейра не знал, что ли смеяться, то ли... смеяться. Без вариантов. Этим людям не угодишь! Злой – плохо, добрый – тоже плохо. А какой хорошо? Сами не знают.

Ну и Мертвый с ними. Пусть сами разбираются, а Роне следует поспешить домой и

заняться переводом тетрадей. Наверняка Дюбрайн опять проторчит у короля до позднего вечера и потратится до дна. Интересно, он-то сделал правильные выводы? Или списал утренний прилив сил на погоду и положение звезд?

А еще крайне интересно, зачем Дюбрайну дневники Андераса. То есть до Роне долетали слухи о том, что Дюбрайн интересуется старинными документами, но как-то он не похож ни на коллекционера, ни на ученого-экспериментатора. Так зачем?

Терпения Роне хватило ровно до того момента, как карета отъехала от особняка Седейра. Тетради буквально требовали как можно скорее вытащить на белый свет все свои секреты. Если они там есть! Пока Роне видел по большей части сопли и слезы влюбленного светлого, Мертвый его дери. И, кроме слез с соплями, недвусмысленное указание на то, что Ману совершил не одну, а целых две серьезные ошибки. Причем, что самое досадное, избежать второй из них любому темному почти невозможно.

«Путь тьмы не усыпан розами, Бастерхази, – вспомнились слова Паука, сказанные полвека назад, когда Магда Бастерхази только отдала пятнадцатилетнего “дубину” в обучение. – Сумеешь выжить – твое счастье. Не сумеешь – горевать не буду. Первый совет: забудь все то, чему тебя учила бабка, и вспомни, как смотрит на мир ребенок. Тогда твои шансы не попасть в Бездну, возможно, вырастут».

За дневником Роне просидел до позднего вечера. Он прочитал все четыре тетради, а заодно сделал перевод для Дюбрайна, предусмотрительно вымарав в оригинале несколько слов – не стоит даже через три сотни лет связывать имя Бастерхази с маньяком и еретиком. Больше половины строк так и остались не прочтенными, даже погружение в ментальное пространство Андераса не дало ничего, кроме больной головы, отвратительного настроения и путаницы в мыслях.

Конечно, если бы у Роне было достаточно времени, он бы вытащил из дневников все, что там есть, еще немного сверх. Но не за несколько же часов! Ему и так пришлось использовать одно условно запрещенное заклинание, ускоряющее восприятие. Условно – потому что без толку запрещать то, что не под силу шерам ниже второй категории, а запрещать что-то шерам второй категории и выше – тем более толку ноль. Однако это заклинание имело массу побочных эффектов и прежде всего сжирало прорву энергии.

«Стихийный диссонанс, неконгруэнтность понятий и эмоциональных образов, магическое истощение, – поставил сам себе диагноз Роне. – Каким надо быть идиотом, чтобы влюбиться в Ману!»

Он с отвращением отбросил последнюю тетрадь, зажмурился и потер виски.

– Эйты, крепкого шамьета, меду и ве... тьфу! – Мысль о ветчине отозвалась приступом тошноты. – Только шамьета и меду!

Слуга аккуратно положил поднятую с пола тетрадь на стол и быстрой рысью отправился на кухню, а Рональд снова поморщился: казалось, мертвые топают прямо по голове.

Через четверть часа и три чашки шамьета головная боль утихла, но дурное расположение духа никуда не делось. Мысли крутились вокруг шести Глаз Ургаша, как светлые победители назвали найденные во дворце ирсидских королей результаты последнего опыта Ману. Историю штурма дворца как раз преподавали и в гимназиях, и в Магадемии: великая победа сил света над силами тьмы, шис их багдыр! А что ради этой великой победы воины света превратили большую часть Ирсиды в пустыню – право, несущественные мелочи. И вообще виноват во всех бедах исключительно Ману.

Кусочки головоломки никак не хотели вставать на место. Почему после серии неудач с сохранением души и личности в артефактах Ману решился снова? И что же на самом деле такое эти Глаза Ургаша? Как они связаны с загадочными кристаллами из храма Мертвого? И что стало с теми тремя учениками Ману, чьи артефакты светлые фанатики успели разбить прямо там, на алтаре среди семи иссохших трупов? Куда делся седьмой Глаз? И к чему пришел бы Ману, если бы не бросил все силы на трансформацию, а отбил нападение объединенных сил империи и продолжил изыскания? Сотни вопросов без

ответов.

Лет двадцать назад Роне попытался уговорить Паука добиться разрешения на исследование единственного имеющегося в распоряжении Конвента артефакта. Но Паук даже разговаривать не стал, обозвал дурнем, велел забыть о Ману Одноглазом во имя Равновесия и выгнал. И на всякий случай навесил на хранилище еще полдюжины охранных заклинаний. Добраться до Глаза, который сразу после победы забрал себе хмирский Дракон, не стоило и мечтать. А следы последнего артефакта затерялись на мерзлых просторах Ледяных баронств еще век назад, и поиски не дали ни малейших результатов.

Что ж, дневники Андераса не помогут найти Глаз Ургаша, но они уже помогли лучше понять Ману. А кроме того, они принесут пользу прямо здесь и сейчас. Дюбрайн должен увидеть, что Роне мог бы забрать дневники себе, но не сделал этого. Потому что он – не чудовище.

По крайней мере, для Дюбрайна.

Роне оставил недопитой третью чашку шамьета, откинулся на спинку кресла и потянулся. Стрекот ночных сверчков за окном уже не казался карой небесной, а промелькнувший перед глазами образ запеченных рябчиков – изобретением хмирских палачей. Улыбнувшись, Роне мысленно протянул руку к ближайшей тарелке с рябчиками, вдохнул вкусный запах...

Через пару минут после того, как один из пятнадцати постоянно готовых для придворного мага подносов исчез с кухни, главный повар вздохнул с облегчением: его темнота не гневается. Уловив радость кухонной челяди, Роне усмехнулся. Как полезна репутация чудовища! Стоило разок подменить нерадивого повара бараном в поварском колпаке, и вот уже двенадцать лет кушанья для него готовит лучший королевский повар, причем старается больше, чем для монарха.

Ограничившись лишь одним рябчиком в апельсиновом суфле, Роне глянул в зеркало – Дюбрайн как раз покидал королевские покои. Разумеется, усталый и вымотанный донельзя. Ох уж эти идейные альтруисты! Вот что бы он сейчас делал, не будь поблизости Роне? Свалился бы с магическим истощением дней так на десять? Светлый идиот, Мертвый его дерит.

– Эйты! Отдай это Дюбрайну и пригласи ко мне отужинать, – велел Роне, кладя дневники вместе с переводом в шкатулку. – Сейчас же.

Глава 6

От заката до рассвета

22 день холодных вод, Суард

Дайм шер Дюбрайн

Дайм покинул королевские покои ближе к полуночи. Разумеется, усталым и злым. И, разумеется, забрать подарок Ястребенка у Хавьера Седейра он не успел. Когда? Если надо не только лечить короля, но и вести очищающие разум беседы с королевскими советниками, за время болезни Тодора вообразившими себе невесть что. Не без помощи нежной, хрупкой и беззащитной Ристаны. Последним и самым настойчивым был канцлер Сальепус. Он на полном серьезе предлагал Дайму признать Тодора недееспособным и назначить Ристану регентом. Вот прямо на Весеннем балу. И тогда же объявить наконец о помолвке самого Дайма с Ристаной, ведь он же собирался! Все знают, что шер Дюбрайн близко к сердцу принимает судьбу Валанты, и все знают, что он будет прекрасным королем!

На все уверения Дайма, что Тодор вполне здоров и может дальше править Валантой, а сам Дайм не имеет ни малейшего желания взваливать на себя королевство, герцог Сальепус лишь понимающе кивал, ухмылялся в усы и продолжал заверять в своей полнейшей лояльности и готовности поддержать любые решения светлого шера Дюбрайна. И судя по всему, собирался прямо сейчас проводить Дайма до его покоев.

От проклятия вроде чесотки или поноса канцлера спасло умертвие по имени Эйты. Едва Дайм с канцлером вышли из королевских покоев в приемную, как умертвие выскочило им наперерез и скрипуче заявило:

– Пакет для светлого шера Дюбрайна от темного шера Бастерхази.

В пакете была шкатулка с печатью Сашмирского султана, и к ней прилагалась карточка с подписью Бастерхази:

«Прошу вас, мой светлый шер, почтить меня беседой по крайне важному вопросу. Незамедлительно».

– Прошу прощения, мои дела на сегодня еще не окончены, – испытывая к Бастерхази нечто, подозрительно похожее на благодарность, отбрехался от навязчивого канцлера Дайм.

Сальепус с видимой неохотой отвязался, а Дайм про себя посмеялся: как старательно канцлер отводит глаза от умертвия! И страшно ему, и мерзко, и любопытно, и досадно, и все эти эмоции отлично подпитывают само умертвие. Все же Бастерхази – мастер. Если б этот талант, да на пользу Дайму... хм... то есть отечеству. Да, именно отечеству. И Дайм вовсе даже не думает о том, что вместе с Бастерхази у него гораздо больше шансов избавиться от печати верности, да продлятся дни императора вечно. Совсем-совсем не думает. Потому что сдохнуть, пытаться кому-то рассказать о печати, ему не хочется. А хочется ему банально повернуть к своим покоям, а не к башне Рассвета, где живет Бастерхази, и в своих покоях упасть и уснуть. Можно даже без ужина.

Кажется, это уже входит в привычку. Как и вечерний скандал с Бастерхази. Тянуть лапы к подарку от Ястребенка – слишком большая наглость даже для него.

И ему крупно повезло, что злиться на него уже нет сил. Нет сил даже посмотреть, что в шкатулке.

Честно говоря, Дайм сам не очень понял, почему все же дошел до башни Рассвета, а не до собственной кровати. Возможно, потому, что на красной роже умертвия читалось злорадное нетерпение: ну же, светлый шер, проигнорируй приглашение моего ненавистного хозяина! Тебе не трудно, а мне приятно.

Чувствовать себя марионеткой немертвого полузурга Дайм хотел еще меньше, чем прямо сейчас что-то выяснять с Бастерхази. Наверное, поэтому он и оказался в башне Рассвета. И только шагая через порог гостиной, подумал: а ведь он здесь впервые. За все четырнадцать лет, что Бастерхази живет в Суарде, он впервые позвал Дайма к себе. И Дайму, как офицеру МБ, прежде всего следовало предположить, что это ловушка. Раньше предположить. До того, как он вообще сюда поперся.

А, к шисам лысым. Хватит с него на сегодня паранойи. И так скоро от собственной тени станет шараться.

Шараться от Бастерхази сегодня определенно не хотелось. Не потому, что темный шер выглядел таким же усталым, как и сам Дайм. И не потому, что видеть его не в привычном черном камзоле, застегнутом на все пуговицы, а в бархатном длинном халате поверх полурасстегнутой сорочки было очень странно. И не потому, что в его гостиной сумасшедше вкусно пахло печеными рябчиками и апельсинами. А потому что... а просто так! Назло всему.

«Это называется подростковый бунт, светлый шер, – тоном Светлейшего поставил себе диагноз Дайм. – Поздновато вы до него доросли».

Сам поставил – и сам послал. В болото.

– Мой светлый шер. – Бастерхази встал навстречу, сделал пару шагов и остановился, словно сам не мог решить: то ли поклониться согласно этикету, то ли подколоть согласно традиции. – Я уже не ожидал увидеть вас сегодня.

Кинув взгляд на монструозные напольные часы с тремя циферблатами, Дайм устало усмехнулся. Да уж, десять минут до полуночи – самое время ходить в гости...

...а эти часы надо будет как-нибудь исследовать, интереснейший артефакт... Потом, и не забыть бы...

– Не мог же я отказать вам в просьбе, мой темный шер.

– Это было бы невежливо, мой светлый шер.

Бастерхази едва заметно, словно неуверенно, улыбнулся и сделал к Дайму еще шаг, протянул руку. Наверное, он первый. А может быть, и Дайм. По крайней мере, через миг Дайм почувствовал прикосновение тьмы – горячим потоком вливающейся в его ладони из чужих ладоней.

Это было так хорошо, так правильно и необходимо, что Дайм испугался. Почти год он убеждал себя, что в Тавоссе и потом, в таверне под Суардом, ему показалось. Что странности с его даром – случайное совпадение, последствия грозовой аномалии, да что угодно, главное, Дайм отлично может без всего этого обойтись! Обойтись без Бастерхази, дери его...

Нет. Он может и сейчас. Обойтись. Разорвать контакт, обрубить поток неведь откуда берущейся силы, задавить к шисам лысым собственную потребность брать, нет, жадно поглощать эту сладкую отраву! Может!

И делает.

– Вы говорили о важном деле, мой темный шер. – Голос подвел его, и вместо официальной холодности в нем прозвучала жажда. Искренняя, откровенная до неприличия жажда. – Рабочий день Магбезопасности...

– Давно окончен, – продолжил за него Бастерхази. Дайм всей кожей ощущал его тепло, пульсацию драконьей крови в его жилах и ответную жажду. – Я помню, мой светлый шер.

Глядя Дайму в глаза, Бастерхази улыбнулся. Без привычного сарказма или высокомерия, а неуверенно, словно опасаясь отказа.

Почему-то Дайму показалось невероятно важным именно это опасение. Неуверенность.

Почти робость. Важным и неправильным, словно...

Словно это обман и подвох. Подвох и обман! Темный шер не может и не должен! Должен... подвох... ловушка?... Наваждение?

Дайм не успел отступить – Бастерхази выпустил его руки первым, на полмгновения раньше, чем это сделал бы Дайм.

– Прошу вас, отужинайте со мной, светлый шер, – ровно сказал Бастерхази, и только на дне его глаз по-прежнему полыхала жажда.

Так глубоко, что Дайм позволил себе списать алые всполохи на отблески каминного пламени.

И вообще хотя бы оглядеться по сторонам. Хорош полковник МБ, даже не оценил расположения входов-выходов и количества магических ловушек... которых не было.

Вот так просто – не было! В жилище темного шера! Камин, в котором потрескивали яблоневого поленья – был. Высокие окна, открытые настежь и пропускающие в гостиную ночную свежесть и пение цикад – тоже. И глубокие кресла, обитые лиловым бархатом, и писанные маслом химеры на стенах, и столик для шатранджа с неоконченной партией, и драгоценный шелковый ковер с затейливым рисунком, и пара десятков зловещих предметов вроде черепов со светящимися глазами или зазубренного черного ножа. Такие ножи Дайм и сам видел на ирсидском базаре – по утверждениям торговцев, ими резали светлых шервов во время Черного Бунта. Правда, ножей этих продавалось раз в сто больше, чем жило светлых шервов в то время, но это такие мелочи.

И ровным счетом ничего опасного или хотя бы содержащего магию. В смысле – в гостиной. Кроме...

Дайм еще раз присмотрелся к скелету гоблина, скалящему зубы с книжного шкафа. Вот он был настоящим, а кроме того, вряд ли бы Бастерхази поставил его туда, в композицию не вписывался.

Когда скелет подпрыгнул, клацнул зубами в полете и подкатился Дайму под ноги, Дайм даже не вздрогнул. Он лишь спокойно подвесил умертвие перед собой, позволяя ему дергаться и скалиться, но не трогать себя.

– Интересный экземпляр. Шаман?

– Шаман-недоучка. Совершенно дурной, – усмехнулся Бастерхази. – Смерть не добавила ему мозгов.

Скелет гоблина яростно дернулся и щелкнул зубами, пытаясь зацепить хоть какой-нибудь из магических потоков Дайма. Разумеется, промазал.

– Зачем он тебе?

– Он забавный, – пожал плечами Бастерхази. – Жалованья не просит, любопытных слуг отгоняет, на глаза лишний раз не попадается.

На этом месте гоблин вжал череп в плечи и обиженно заскрипел.

– Бедненький, голодненький? – передразнил его Дайм.

Гоблин очень правдоподобно изобразил тяжкий вздох и жалобно посветил мертвенно-синими глазами, а Дайм неожиданно для себя засмеялся.

– Он будет жрать, пока не взорвется. Глупая тварь.

– Зато забавная, – парировал Дайм и отпустил гоблина.

Тот извернулся в воздухе и приземлился на все четыре лапы, но не сбежал – явно не в силах отойти от такого вкусного, такого сочного, такого светлого шера!

– Дай-дай-дай! – заскрипел он, и Дайм почти увидел длинный зеленый язык, мелькнувший в полной игольчатых зубов пасти. – Дай-дай!

Отделив немножко энергии, Дайм сотворил из нее петушка на палочке и бросил гоблина. Тот немедленно вцепился в угощение, прижал одной лапой к груди, а вторую протянул в извечном жесте попрошайки.

– Дай-дай-дай!

– Не наглей, – оборвал его Дайм, добавив к словам ментальную картинку рассыпающегося прахом скелета.

Гоблин отскочил к столику для шатранжа, из-за него показал Дайму неприличный жест из трех пальцев и тут же сунул «леденец» в пасть.

– Бу, – сказал Дайм, на что гоблин подпрыгнул, выронил «леденец», скрипуче выругался и сбежал в стену.

Ровно через секунду из стены высунулась неестественно длинная лапа, цапнула потерявший форму сгусток энергии и втянулась обратно.

А Бастерхази рассмеялся. И Дайм тоже. Невероятно забавное существо! И Бастерхази – отличный парень, даром что темный! Даже об ужине для Дайма позаботился.

Кстати, об ужине! Пора бы им заняться.

– Откуда ты взял эту тварь? – спросил Дайм, прикончив третьего рябчика и приглядываясь к четвертому.

– Сам завелся. – Бастерхази тоже внимательно разглядывал пару оставшихся на блюде рябчиков.

– Размышляешь, не обзавестись ли еще домашней живностью... хм... или правильно сказать мертвостью?

– Очень смешно, – высокомерно поднял бровь Бастерхази... и не удержался, фыркнул и расплылся в улыбке.

Дайм тоже.

И чуть не прозевал момент, когда из ближайшей стены выметнулась длиннющая костяная лапа, цапнула рябчика... и оказалась пригвожденной к столешнице серебряной вилкой. Ну, так получилось. Привычка.

От скрипучего визга Дайм едва не оглох, но вилку из лапы не выдернул. Вообще-то ему стоило некоторого труда сдержаться и не развоплотить мерзко орущую тварь.

А Бастерхази, сволочь такая, только заржал, как полковая лошадь.

– Ай-ай-ай-ай! – орал целиком проявившийся у стола гоблин, дергая пригвожденной лапой и дымясь. Дым почему-то был сине-зеленым, видимо, убедительности балагана ради. – Пусти-пусти-пусти! Ай-ай!

– Я ж говорил, глупая тварь. – Отсмеявшись, Бастерхази тоже потыкал гоблина вилкой. Тот заверещал еще громче и жалобнее, а дым стал гуще и пожелтел. – Хватит притворяться, Тюф, этому светлому ты на совесть не надавишь.

Гоблин заткнулся и перестал дымиться, зато возмущенно зыркнул на Дайма.

– Извини, не хотел портить твоё имущество, – Дайм улыбнулся со всей любезностью. – Хоть оно и тупое. Хочешь, подарю тебе ручного вурдалака? Говорят, они намного умнее. А этого заберу в музей МБ, такой редкой дряни у нас еще нет.

– Ай-ай-ай-ай! – совсем тихо, но очень злобно проскрипел гоблин и попытался сам выдернуть вилку из лапы.

Что ему, разумеется, не удалось. Еще чего не хватало, чтобы какие-то мертвые

гоблинские шаманы – и запросто сбегали от полковника МБ!

– Почему бы и нет. Если высунется еще раз, забирай. Тюф как раз мечтал о добром светлом хозяине.

– Добром и светлом? Ах вот оно что... – Дайм понимающе кивнул и выдернул наконец вилку, но гоблина не отпустил, удерживая его уже чистыми потоками силы. – Высунешься или вякнешь, будет тебе светлый хозяин. Светлее некуда.

– Добрее некуда, – почти неслышно добавил Бастерхази, с неподдельным интересом наблюдая сцену дрессировки нежити.

Впрочем, точно классифицировать тварь Дайм бы не взялся, по теоретической некромантии у него никогда не было высшего бала. Но какая разница, как называется тварь, если Дайм точно знает, как именно ее упокоить. Быстро и надежно.

– Пусти-пусти, Тюф хороший, Тюф умный! Тюф больше не будет! – заискивающе проскрипел гоблин.

– Брысь, – велел Дайм.

Бастерхази присвистнул, провожая взглядом исчезающую в стене тварь, и поднял бокал с кардалонским.

– Bravo, мой светлый шер. Еще полчаса общения с тобой, и Тюф так поумнеет, что напишет диссертацию.

– Надо же, ты не предложил мне пойти выступать в уличный балаган, мой темный шер. – Дайм тоже отсалютовал Бастерхази полным бокалом.

– Упс. Я не успел. Но ты можешь показывать фокусы здесь. Мне очень нравится.

Бастерхази осиял его улыбкой – странной, одновременно насмешливой, вопросительной и восхищенной, и еще что-то было в ней непонятное, но такое щекотное... теплое... манящее...

– Благодарю. – Дайм поклонился, с трудом заставив себя отвести взгляд от Бастерхази. – Мне не встречалось настолько впечатлительной публики. Я еще умею доставать ширхаба из шляпы. Хочешь? Для тебя, мой темный шер, любой каприз.

– Любой каприз... Мне нравится, как это звучит, мой светлый шер.

Разумеется, не смотреть на него у Дайма не вышло. В конце концов, это невежливо – не смотреть. И не хочется. Хиссов сын слишком хорош – именно такой, домашний и расслабленный, совершенно не опасный.

– Твое здоровье, мой темный шер.

Дайм отпил из бокала, глядя Бастерхази в глаза и видя в них отражение собственной потребности – в доверии, понимании. Дружбе. И, чего уж лукавить, в той шальной, пьяной и животворящей силе, что словно льется с неба, стоит им оказаться рядом.

Бастерхази последовал его примеру, а Дайм, как замороженный, смотрел на бурлящую, пронизанную алыми и фиолетовыми жилами тьму – ласковую, игривую, ручную тьму. Надо лишь протянуть руку и взять.

– Я не хочу ширхаба из шляпы. Я хочу свет, – словно эхом его собственных мыслей сказал Бастерхази.

И, наплевав на все инструкции, правила и здравый смысл, Дайм позволил своим щитам упасть, потянулся к Бастерхази – даром, всей сутью, раскрылся сам, впуская в себя такую прекрасную, такую манящую тьму...

На миг показалось, что его пронзило тысячей игл, острых и раскаленных. Но в следующий миг на смену боли пришла чистая, сладкая волна силы, затопила его целиком, расплавила последние мысли – и Дайм стал невесомым, прозрачным, словно сосуд для темного пламени. Нет, не только темного. Он стал сосудом для тьмы и света,

света и тьмы, вместе, одним целым... и за его спиной распахнулись драконьи крылья, подняли их обоих, Дайма и Бастерхази, куда-то... куда-то... где Дайм бы хотел остаться вечно.

Вместе.

Это был не оргазм, нет. Это было что-то совсем другое, большее, не вмещающееся в обычного человека. Оно выплеснулось вовне, снесло все сомнения и преграды, разлилось, затопило бесконечным счастьем и свободой... и схлынуло, оставив его маленьким и растерянным. Он не сразу понял, что Роне обнимает его, прижимаясь щекой к его щеке – почему-то мокрой, – и что-то шепчет. Кажется, какое-то имя... его собственное имя. Оно казалось шумом волн, шелестом ветра и шорохом песчаной осыпи. Оно не имело смысла. Но имели смысл прикосновения – дыхания, ладоней и тьмы, такой родной, необходимой, правильной тьмы. Той тьмы, что другая сторона его собственного света.

И Дайм послушался ее. Поднялся, когда его потянули за руку, обнял, когда обняли его. Позволил отвести себя вверх по лестнице – наверное, в спальню.

Он даже начал понимать смысл слов. Не сразу и не всех, но...

– ...видеть тебя в моем доме, – рокотали волны, и море улыбалось, глядя на него невозможными бездонными глазами, и тьма ласкала его, сплеталась и смешивалась с ним. – Мой светлый шер, – шептала тьма, – останься со мной...

Да, теперь он понимал – и это было прекрасно. Понимать тьму. Слышать, видеть, чувствовать тьму, трогать тьму. Самому быть тьмой.

– Да, – у него даже получилось сказать вслух это и что-то еще, наверняка очень важное, только он пока не совсем понимал, что именно, – мой темный шер.

Тьма засияла – золотом и кармином, счастьем и доверием, шелестом крыльев и прохладой облаков. И в этом сиянии он наконец-то вспомнил имя. Самое важное, единственное имя. Необходимое – ему, им обоим, свету и тьме.

– Шуалейда, – сказал он, счастливый этим знанием.

– Да, – кивнула тьма, не переставая сиять. – Я знал, ты поймешь. Дайм, мой свет.

– Я останусь... – Ему показалось, что тут тоже нужно имя, еще одно, и он даже вспомнил его: – Роне.

Роне. Красивое имя для тьмы и пламени.

Роне и Шуалейда. Шуалейда и Роне. Прекрасно звучит. Почти как счастье и свобода.

– Завтра, мой свет, – шепнула тьма, коснувшись дыханием его глаз, и глаза закрылись. – Помни об этом завтра.

Глава 7

От рассвета до заката

23 день холодных вод, Риль Суардис

Дамиен шер Дюбрайн

О важном деле Дайм вспомнил лишь к концу завтрака. Неторопливого, почти домашнего завтрака на плоской крыше башни Рассвета. К завтраку, кроме шамьета и разнообразных вкусов с королевской кухни полагался роскошный вид на Королевский парк, разноцветные городские крыши и бескрайнюю синюю гладь Вали-Эр с белоснежными лепестками парусов.

Корабли и напомнили Дайму о подарке от Ястребенка, позабытом во внутреннем кармане камзола.

– Ты зовешь султана Ястребенком? – поднял бровь Роне.

– Я не говорил этого вслух, – не в силах злиться на беспардонность темного шер, но и не желая пропускать ее мимо ушей, сказал Дайм. – Ты мог бы хоть сделать вид, что не гуляешь по моим мыслям. Из вежливости.

– Ну что ты, мой светлый шер. Я не суюсь, куда меня не приглашали. Но о Ястребенке ты подумал слишком громко. Он в самом деле похож на меня?

– Ты ревнуешь, Бастерхази.

– Нет.

– Это был не вопрос. – Дайм насмешливо улынулся и налил себе еще шамьет из серебряного кувшинчика.

– А на вопрос ты не ответил.

– Похож, – кивнул Дайм и неторопливо отпил горячего, изумительно пахнущего корицей шамьета.

Этот запах нравился ему почти так же, как запах ревности темного шер. Дайм бы ни за что не признался вслух, но что-то в этом было бодрящее. Почти как запах притаившегося в древних развалинах мантикора – быстрого, непредсказуемого, ядовитого, смертельно опасного и прекрасного.

– Сколько комплиментов, и все – мне, – раздул ноздри Бастерхази. – Но в отличие от мантикора, я не нападаю из-за угла.

– Ты не представляешь, как меня это радует, мой темный шер. Кстати, очень любезно с твоей стороны передать мне подарок от Ястребенка. Благодарю.

– Не за что, мой светлый шер. Кстати, я добавил кое-что от себя.

– Ну кто бы сомневался... – Все прочие колкости, так и просящиеся на язык, Дайм придержал.

Да, темный шер – беспардонная сволочь, он даже не думает скрывать, что совал нос в шкатулку. Но ведь это лучше, чем если бы он просто забрал ее содержимое. Шис. Нет, он не стал бы. Только не Роне.

Проклятье. Почему так хочется доверять тому, кому доверять нельзя?!

– Ты доверил мне свою жизнь, мой светлый шер, – в голосе Роне не было и намека на улыбку. И ни следа того сияния и расслабленности, что утром, когда они проснулись

рядом. – А теперь боишься за сохранность каких-то старых бумажек.

– Я не боюсь.

– Это был не вопрос. – Роне вернул Дайму насмешливую ухмылку. – Но если ты спросишь, Дюбрайн, я отвечу правду.

Первое, что просилось на язык, Дайм проглотил. Второе – тоже. Вообще ему пришлось отвлечься на шамьет, чтобы не высказать Бастерхази все о лживых порождениях Ургаша. Не стоит. Бастерхази пока не сделал ничего ужасного и непоправимого.

Может быть, и не сделает дальше? Могут же Двуетиные явить чудо?!

Ведь вчера, да и сегодня утром, пока не вспомнили о важном – им было так хорошо вместе! Как будто и не светлый с темным.

Вернув пустую чашку на стол, Дайм призвал шкатулку из гостиной. Именно там он вчера оставил свой камзол, а с ним и шкатулку. Зря, конечно, оставил – от того, что Бастерхази предложил ему с утра свой халат, они не стали друзьями. И сейчас, в сибаритском шелке, расписанном цветами и птицами, Дайм чувствовал себя неуютно. Надо было надеть мундир. Он же приехал в Суард не чтобы распивать с темным шером шамьет.

Шис. Как же не хочется слышать от Бастерхази ложь! Почти так же, как неприглядную правду, будь прокляты муторные политические игры! И где уже эти проклятые ментальные щиты?! Хватит Хиссову сыну бродить в его мыслях, как в собственной гостиной.

Возвращать на место ментальные щиты было нетрудно, но почему-то больно. Как будто Дайм рубил по живому связавшие их с Роне нити – и каждая из них, даже самая тонкая и неважная, рвалась с обиженным звоном и била отдачей, словно лопнувшая гитарная струна.

Хорошо, что Дайм больше не чувствовал Роне – хотя все равно знал, что ему тоже больно. Может быть, даже сильнее, ведь он-то щитов не ставил.

– Дюбрайн, довольно тянуть. – Голос Бастерхази был идеально ровен. – Открывай уже и убедись, что все на месте.

Не отвечая, Дайм открыл шкатулку. Дотронулся до четырех старых тетрадей, проверил на свежие воздействия, но ничего, кроме того, что их недавно читали, не обнаружил. Взял их в руки, заглянул внутрь, даже сумел с разобрать, что написаны они на старосаширском и что писал их светлый шер.

Светлый? Очень странно. И это не Бастерхази намудрил, это так и было.

Достав и бегло просмотрев четыре старые тетради, Дайм осторожно коснулся еще одной, новой, лежащей на дне шкатулки. На ее обложке было написано хорошо знакомым почерком, на современном едином: «Дневники с. ш. Джета Андераса. Перевел т. ш. Рональд Бастерхази».

В горле образовался комок, никакого отношения не имеющий к завтраку. И, пожалуй, к с. ш. Андерасу.

Не поднимая взгляда на Роне, Дайм вернул старые тетради на место и раскрыл новую, прочитал несколько строк, даже провел по ним пальцем – чтобы убедиться, что ему не мерещится. Это в самом деле было написано вчера вечером, и тот, кто это писал, применил сразу полдюжины сильнейших ментальных и некрозаклятий, а кроме них – мерзость под названием «длинное время». Очень полезную для дела и очень вредную для самого шера мерзость.

– Зачем, Роне? – спросил Дайм и тут же пожалел о глупом вопросе. Он вовсе не хочет услышать в ответ подколку или ложь и тем более не хочет услышать правду. Проклятье, да что с ним такое творится?! – Можешь не отвечать, Бастерхази. Я... я благодарен тебе.

Да, вот так – правильно. Бастерхази ничего не присвоил и сделал перевод для него. И

несмотря на то, что Дайм чувствовал себя униженным, он оценил подарок. Восстановить и перевести эти дневники – долгая, сложная работа. Без помощи некроманта Дайм бы провозился с ней не меньше месяца. Именно это и было унижительным. То, что у Дайма бы заняло месяц (которого у него, как обычно, не было), темный шер сделал за несколько часов.

– Могу, но не буду, – покачал головой Бастерхази. – Я хотел знать, что в дневниках Андераса. Ты вряд ли бы предложил мне их прочитать.

Дайм нехотя кивнул: да, он бы не дал их Бастерхази. Вообще бы не показал. И не потому, что считает их содержимое такой уж опасной тайной. А потому что дневники – для императора, еще одно подношение в надежде купить свободу. Наверняка тщетной надежде. И упаси Двуетные, чтобы темный шер догадался об этом! Это слишком лично. Слишком... унижительно. Одно дело, когда Бастерхази дразнит его цепным псом, не зная, насколько он близок к истине, и совсем другое – если знает точно, как сильно жмет Дайму строгий ошейник и как коротка его цепь.

– И если ты спросишь, какого екая я вообще сказал, что видел эти дневники, я тоже отвечу, Дюблайн, – продолжил Бастерхази с тем же высокомерно-непроницаемым видом. – Я не хочу тебе лгать и не хочу ничего от тебя скрывать. Мне надоели глупая вражда и ложь.

– Мне тоже, Бастерхази. Но это не я вскрываю чужие письма.

– Это письмо настолько важно, Дюблайн? Важнее, чем... – невозмутимое высокомерие дало трещину, и сквозь эту трещину полыхнуло такой болью, что у Дайма сбилось дыхание. А Бастерхази осекся, не договорил...

– Нет. – Дайм подался к нему, накрыл его руку своей. – Нет, Роне. Не важнее.

Что не надо было его касаться, Дайм понял сразу – но поздно. Ментальные щиты снова слетели к шисовой бабушке, и на Дайма хлынула чужая боль, чужое одиночество, чужая обида... Или не чужая? Ведь он сам ощущал то же самое. Он так же привык прятать одиночество, боль и зависть к тем счастливицам, которым повезло не носить строгого ошейника, к тем, кто был свободен любить или ненавидеть кого вздумается.

– Прости, Дюблайн. Ты прав, эти дневники не стоили... – Бастерхази снова замолк, и лишь одними губами закончил: – Тебя.

– Не стоили, – едва совладав с непослушным голосом, отозвался Дайм и сжал его руку. – Бастерхази... если тебе что-то нужно, просто скажи об этом.

– Да, мне нужно, Дюблайн. – Так же подавшись к нему над столом, Бастерхази зло сверкнул глазами. – Мне нужно, чтобы ты не подозревал меня Мертвый знает в чем!

– Ну так скажи, что не ты сделал амулет, который Шуалейда нашла у мастера теней! Давай, Бастерхази!

Дайм так и не разорвал контакта, несмотря на обжигающий гнев Бастерхази – физически обжигающий, не хуже огня в камине. Но сейчас Дайму нужна была эта боль, нужны были все его эмоции, чтобы шисом драный мозгокрут не смог ничего скрыть.

И сам он не желал скрывать, насколько больно было ему обмануться.

– Я не собираюсь тебе врать, тем более так по-идиотски. – Бастерхази чуть сбавил накал гнева, и из-под него проступила все та же обида. Он доверился, а его предали. Прямо как в зеркале. – Амулет и еще два таких же сделал я четыре года назад по заказу Тодора. В архивах Конвента есть завизированная Светлейшим заявка. И если тебе очень любопытно, можешь проверить, один из них пропал, и брал их не я.

– Проверю, не сомневайся. Но это не говорит о том, что ты ни при чем.

– Ты уж договаривай, Дюблайн – при чем? Что я, по-твоему, сделал?

- Покушение на Каetano, Бастерхази.

Бастерхази криво и зло усмехнулся:

- Ты попустил одно слово, Дюбрайн. Ключевое слово. Знаешь какое?

- И какое же?

- «Неудачное», Дюбрайн. Ты сам веришь, что если бы я хотел убить Каetano, мальчишка был бы до сих пор жив?

О да. Это был аргумент. Единственный веский аргумент, когда речь шла о таком хитром и сильном мерзавце, как Бастерхази. Подделать улики, замести следы, обмануть всех и вся он бы мог. Легко. Но ошибиться и проиграть? Нет. Но это может значить лишь одно: Бастерхази на самом деле не хотел убивать Каetano или Шуалейду. Но чего тогда он добивался?

- Так скажи мне, чего ты хотел, Хиссов ты сын? Скандала? Смерти Тодора?

- Представь себе, Дюбрайн, ничего. Ни-че-го! Я вообще не знал, что Ристана затевает эту глупость.

- И ты хочешь, чтобы я поверил, что покушение на Каetano прошло мимо тебя?

- Я узнал о нем на следующее утро, Дюбрайн. Как ни отвратительно это признавать, но Ристана провернула всю интригу без меня. И знаешь почему?

- Ну?..

- Потому что знала, я ее не поддержу. Мало того, я бы не позволил ей этой феерической глупости. Подумай сам, за каким екаем мне смерть Каetano или Тодора и тем более смерть Шуалейды? Чтобы Магбезопасность пришла по мою душу? Или чтобы Конвент снял меня с должности только за то, что я темный и виноват во всем по определению? Да к Мертвому Конвент, ты серьезно считаешь, что я бы стал мешать тебе получить шисову корону или надеть ее на ту голову, на которую ты хочешь ее надеть? Что какая-то мышиная возня может быть важнее тебя? Ты... ты идиот, Дюбрайн.

Это прозвучало так, словно Дайм и в самом деле был идиотом. Идиотом, готовым поверить темному шеру. Не просто готовым, а мечтающим поверить. В то, что Дайм может быть важен. Что кто-то может не плевать на его интересы. Что он может быть не инструментом для достижения чьих-то целей, а сам быть целью.

Или же он – все равно инструмент, просто цель Бастерхази где-то близко, ее достижение зависит от Дайма. Ритуал единения по Ману?

Проклятье. Что-то здесь не сходится. Бастерхази не похож на сумасшедшего фанатика. Да что там, если бы ему нужен был Дайм для такого ритуала, сегодняшняя ночь подошла бы идеально. Дайм настолько потерял бдительность, что уснул не просто рядом с темным шером, а в его доме, в каких-то локтях от алтаря Хисса. Но Бастерхази ничего не сделал... то есть... ничего, чего не хотел сам Дайм.

Проклятье. Бастерхази же может говорить правду? Пожалуйста, Светлая, пусть это будет правдой.

- Поклянись, что ты не причастен, Бастерхази, – устало попросил Дайм.

- Я клянусь, Дюбрайн, драконьей кровью в моих венах и моей жизнью. Я понятия не имел о покушении, пока оно не провалилось. Видят Двоединые!

Вспышка Света и Тьмы ослепила Дайма, пронизала миллионом ледяных игл, и показалось – кто-то посмотрел на них обоих с насмешливой укоризной.

Плевать. На слепоту, на иглы, на укоризну, на все плевать, пусть только, когда Дайм снова сможет видеть, Бастерхази по-прежнему будет жив. Пожалуйста.

- Ты... ты идиот, Дюбрайн, – послышалось тихое, и сухие теплые пальцы коснулись его скулы. – Параноик шисов. Вы все в Магбезопасности такие?

- Нет, - Дайм с трудом улыбнулся, - намного хуже.

Из разноцветных пятен наконец-то поступило лицо Роне.

- А знаешь, мне нравится твоя паранойя. Ты же мне не доверяешь ни на динг, не так ли, мой светлый шер... Чш-ш, не отвечай. Мы сегодня договорились говорить только правду, а ты уже готов вежливо соврать. - Бастерхази понимающе и грустно улыбнулся. - Так вот, мой светлый шер. Так как ты не доверяешь ни на динг этому хитрому и опасному мерзавцу, тебе следовало бы внимательно за ним присматривать. Держи друзей близко, а врагов еще ближе, хорошо ведь сказано, а?

- Отлично сказано, - кивнул Дайм, накрыв ладонь Бастерхази своей ладонью и прижавшись к ней щекой.

- Ну вот, ты можешь быть близко. Совсем близко. В моем доме, в моей постели. В моем сердце. Ты можешь узнать обо мне все, что захочешь. Главное, не оставляй меня без присмотра надолго, вдруг я затею что-нибудь ужасно коварное и опасное для безопасности империи? Отечество тебе не простит, если ты что-то упустишь.

- У тебя на чердаке полный сквозняк, Бастерхази.

- Да. Очень опасный сквозняк. Ты даже не представляешь насколько.

- И ты всерьез предлагаешь мне...

- ...спать в моей постели. Держать твой шисов мундир в моем шкафу. Надевать утром этот халат и пить со мной шамьет. Спорим, ты у себя в Метрополии так и не завел шелкового халата? А я буду рассказывать тебе обо всех своих коварных планах и спрашивать совета. Кто, как не будущий глава МБ, лучше всех разбирается в коварстве и интригах? Думаю, тебе тоже будет интересен мой богатый опыт. Кстати, если ты позовешь меня поохотиться на упырей или заговорщиков, я даже составлю тебе компанию. Ну, знаешь, втереться в доверие к коллегам и все такое.

- Втереться в доверие вампирам, о да, ты сможешь.

- Конечно. Для тебя, мой светлый шер, хоть к зуржым шаманам. - Бастерхази бережно поднес руку Дайма ко рту, прижался губами к костяшкам пальцев. - Любой каприз.

- Тогда еще два вопроса, Бастерхази, раз уж сегодня день правдивых ответов. Что за ритуал ты начал с Шуалейдой перед тем, как убил мою птицу, и что было потом?

- Это не было ритуалом, Дюбрайн. Я всего лишь хотел, чтобы она понимала, с кем целуется, и произнесла вслух, что мы можем быть вместе.

- Ты и Шуалейда?

- Ты, я и Шуалейда. Она, безусловно, прекрасна, я бы сказал - единственная женщина, ради которой я готов бодаться с Пауком, и единственная, кого я готов учить всему, что знаю. Но без тебя это не то, Дюбрайн.

- Сиренам можно у тебя учиться чарующим песням, Бастерхази.

- Нет. - Бастерхази усмехнулся, глядя Дайму в глаза. - У них так не получится. Ни одну сирену ты не подпустишь так близко, Дамиен шер Дюбрайн. Это азарт, да? обнажить сердце перед тем, кто охотится на тебя. Пройти по самому краю Бездны, зная, что один неверный шаг, и ты упадешь. Но выигрыш слишком велик, чтобы не рискнуть. И ты сейчас чувствуешь себя живым как никогда. Потому что Бездна дышит тебе в затылок.

- Это ты сейчас обо мне или о себе, Бастерхази?

- Разве не очевидно, Дюбрайн, что о нас обоих? Но я обещал рассказать тебе, что случилось дальше. Кстати, я был уверен, что Шуалейда поделилась с тобой в подробностях, как коварно я ее напугал поездкой домой.

- Ты умудрился напугать Аномалию? Я тобой восхищаюсь, мой темный шер.

Бастерхази поморщился.

- Не издевайся. Понятия не имею, с чего она взяла, что я собираюсь ее похитить. И главное, как бы я это сделал, если ее несли ее собственная химера? У ее высочества не пробелы в образовании, а зияющие дыры.

- И кому, как не тебе, их заполнить.

- Ты так хорошо понимаешь меня, мой светлый шер.

- Именно поэтому я проверю, кто взял амулет из сокровищницы, и сам допрошу барона Наба.

- Надеюсь, ты узнаешь что-нибудь полезное.

- Узнаю. А ты узнал что-нибудь полезное из дневников Андераса?

- Да. К примеру, что Андерас - не мужчина, а женщина. Светлая шера Джетта Андерас, по самую макушку влюбленная в Ману. Причем взаимно.

Дайм только покачал головой. Историки сойдут с ума, если это прочитают. Только кто ж им даст-то! Пока все, что Дайм добывал для императора, так и оседало в тайниках - императора или Светлейшего, не суть. А еще Дайм сильно жалел, что большую часть документов сам толком не изучил. В основном - потому что не хватало времени и навыков, он же не некромант, чтобы поднимать старые бумаги. Быть может, если бы он не так надеялся на императорскую милость, а занялся бы изысканиями сам, сейчас он бы гораздо лучше понимал Бастерхази.

Но ведь можно просто спросить? И плевать, что он сам будет выглядеть невежественным щенком. Иногда это не так уж важно.

Вот только время, шис его дери, время! Завтра приедет Шуалейда, и если пустить все на самотек, то есть позволить ей узнать о том, что он - не Люкрес, от кого-то еще, ее реакция непредсказуема. А рисковать он не имеет права.

- Хочешь, я оставлю их тебе на несколько дней, Бастерхази?

- Конечно хочу.

- Я бы с удовольствием занялся ими вместе с тобой, но у меня еще до шиса срочных дел.

- Ну кто бы сомневался, что рабочий день Магбезопасности уже давно начался, - хмыкнул Бастерхази.

- Нет. Это личное. Мне нужно встретиться с Шуалейдой до официальных мероприятий.

- Ты собираешься сказать ей о себе правду? Кстати, мне тоже интересно, зачем эта глупая ложь. Она же все поймет, как только увидит тебя в мундире, полковник Дюбрайн.

- Правду... Это очень опасная штука, правда. - Дайм откинулся на спинку кресла, прищурился на поднимающееся к полудню солнце. - Иногда она убивает, Роне. Кому, как не тебе, это знать.

- Вот как... - еле слышно пробормотал Бастерхази, и Дайм снова ощутил прикосновение тьмы: на этот раз окрашенное менталом, изучающее. - Я бы не хотел, чтобы правда убила тебя, мой светлый шер.

Разумеется, плетений печати Бастерхази не увидел - печать умела отлично притворяться частью естественной ауры. И, пожалуй, сейчас Дайм об этом жалел. Впервые он рискнул и доверился кому-то, но у него не вышло. Может быть, оно и к лучшему.

- Я просто кое о чем умолчу и не отвечу на некоторые твои вопросы. Не потому, что я тебе не доверяю.

- Мне поехать с тобой, Дайм?

- Не в этот раз. Завтра тебе нужно быть здесь и достойно встретить их высочества.

Бастерхази лишь пожал плечами, оставив при себе «екая с два ты мне доверяешь», за что Дайм был ему искренне признателен. Доверие такая штука... Иногда оно убивает. И дай Двоединые, чтобы не на этот раз.

Глава 8

Маленькая ночная серенада

...исключением являются урожденные сумрачные шеры.

Изначально принадлежащие и Свету, и Тьме, но не обретшие Равновесия, сумрачные либо склоняются к одной из сторон самое раннее к двенадцати годам, либо сходят с ума, ибо противоположные устремления не могут ужиться в незрелом рассудке. К сумрачным равновесным шерам, познавшим суть Двуетности, урожденные сумрачные не имеют никакого отношения.

К счастью, шеры рождаются сумрачными достаточно редко, чтобы данная проблема представляла скорее академический интерес.

«Введение в систематизацию стихий», с. ш. Парьен

Уго-дель-Риу, 23 день холодных вод

Шуалейда шера Суардис

«Скромный» ужин пришлось высидеть до конца, чтобы не обижать барона Уго. Он же специально приехал в свое поместье из Суарда, чтобы встретить королевских детей и сопроводить их во дворец.

Честно говоря, благодарности к старому королевскому сенешалю Шу не испытывала ни на динг. Она бы прекрасно обошлась без всего этого утомительного протокола и двух сотен гостей. Милейший барон позаботился о том, чтобы те дворяне, которым не хватило приглашений на завтрашний королевский обед, были представлены наследнику и его сестре сегодня.

Так что к тому моменту, как Шу наконец-то добралась до своих покоев, у нее в голове звенело и гудело от обилия лиц, имен, славословий и просьб.

С просьбами все было совсем плохо. Если бы Шу только могла предположить, во что превратят газеты исцеление Мануэля Наба, она бы сто раз подумала, прежде чем вербовать его именно таким образом. Потому что за один только сегодняшний вечер ее двадцать два раза попросили о чуде, причем самой прелестной была просьба воскресить чью-то невероятно породистую свинью, лучше всех искавшую трюфели.

Свинья и трюфели! У этих шеров на чердаке полный сквозняк!

Разумеется, за чудесами Шу всех вежливо отправляла в храм Сестры, а за поднятием почивших родственников – к темному шеру Бастерхази. Единственное, за что она взялась, это за исцеление ослепшего мальчика, но только потому, что там требовалось не чудо, а самая обычная работа целителя. Ну ладно, может быть, не самого обычного, потому что случай был тяжелым, но никаких же чудес!

Но для благородной публики и этого хватило, несмотря на то что Шу прямо сказала: это смог бы сделать любой целитель второй категории, и наверняка лучше нее. Родители мальчика рыдали, экзальтированные дамы рыдали, а кто не рыдал – тот быстро прикидывал, какую пользу можно извлечь из наивной принцессы.

Да-да. Именно наивной. На военном совете – Суардисы, Герашаны и Альбарра – решили, что этот образ подойдет Шу лучше всего. На «прелесть, какую дурочку» можно списать очень многое, а стать «ужасной сумрачной колдуньей» она всегда успеет.

В общем, после этого всего упасть на кровать, в процессе падения избавившись от неудобного платья, и прикрыть глаза было истинным счастьем. Которое длилось совсем

недолго.

Счастливого ничегонеделания прервал стук в распахнутое окно. Такой стук, словно от мелких камешков.

Надо было открыть глаза и посмотреть, кого там принесло. Вряд ли Кая или Зако, они бы вошли через дверь. Может быть, Мануэля Наба с серенадой?

После собственного «воскрешения» в замке Ландеха Мануэль трогательно ухаживал за Шу, носил ей цветы, целовал руки, посвящал сонеты ее неземной красоте и даже делился тонкостями столичной моды. Ужасно трогательно! По счастью, его чувства к Шу были скорее благодарностью и любопытством, нежели страстью. Куда более яркие чувства у шера Наба вызывал Энрике, вот настоящим капитаном МБ он искренне и неподдельно восхищался. А уж когда Энрике взялся дать свите принца несколько уроков фехтования, то счастью Мануэля не было предела.

Ну вот почему бы ему не спеть серенаду Энрике? А Шу бы спокойно выспалась, все же последняя ночь перед возвращением домой.

- Баль, кто там? - не желая открывать глаз, жалобно спросила Шу.

- Это твой кавалер, не мой, - отозвалась Бален с соседней кровати.

- А вдруг твой? Этот лысый граф так на тебя смотрел, так смотрел. И как только не покусал.

- Не-а. С графом поздоровался Энрике, - бессовестно довольным голосом парировала Бален.

Шу только вздохнула. Вот почему у нее нет никого, кто мог бы вежливо поздороваться с надоедливym кавалером, и кавалера бы сдуло к ширхабу под хвост? Мануэль Наба для этой цели не годится, его никто не принимает всерьез. И прежде всего сама Шу. Он милый, с ним приятно поговорить, но на этом - все. И серенады... Светлая, пусть сегодня обойдется без серенад!

- Морковка, хоть ты глянь, кого там принесло.

Рысь, притворяющаяся спящей в изножье кровати, даже ухом не повела, ленивая скотина. Так что пришлось самой, все самой! Открыть глаза, посмотреть за окно - и с удивлением не обнаружить там никого.

Причем ровно в тот момент, когда в стекло снова ударились мелкие камешки.

Усталость и лень слетели с Шу в мгновение ока. Она подскочила на кровати, активируя дополнительные щиты, и бросилась к окну. Вряд ли кто-то сумеет войти, даром что обе створки окна раскрыты - щиты на ее покой и покой Каetano они с Энрике ставили на совесть, не жалея сил. Значит, ее пытаются выманить! И наверняка не с целью почитать стихи, тогда бы кавалер не стал прятаться...

Кто может спрятаться так, чтобы Шу его не увидела? Убийца? Заговорщик?

- Бален, быстро зови Энрике, - шепотом велела Шу и добавила громче, для убийцы или заговорщика: - Покажитесь сейчас же, или я зову стражу.

В ее ладонях уже налилась силой ловчая сеть, так что если он сейчас скажет что-то вроде «спустись ко мне, прекрасное видение», и не покажется - сам будет виноват.

- Вы великолепно бдительны, моя прекрасная Гроза, - раздалось из-под балкона, и одновременно там же вспыхнула бело-лилово-голубая аура.

Шу обдало запахом сосен, мокрого песка и самую чуточку оружейного масла.

А через секунду светлый шер шагнул на дорожку под балконом и поклонился Шу, подметая шляпой с пером и так чистую брусчатку.

- Люкá! Ты... ты приехал! - Шу не завизжала от восторга только потому, что голос внезапно сел, а коленки ослабли.

Она уже не ждала его. Смирилась с тем, что дела не позволят ему приехать раньше официального праздника. Да и не только дела – протокол, как показала недолгая практика, это такая кошмарная жуть! Сюда не ходи, туда не смотри, то нельзя и это нельзя. Чувствуешь себя не сумрачной шерой, а дрессированной мартышкой в никогда не закрывающемся балагане. Но Люка приехал! Несмотря ни на что!

– Чш-ш, не будем будить сиятельных шеров, – улыбнулся Люка и подставил руки. – Иди сюда, я поймаю.

Она бы прыгнула ему в руки прямо так, в ночной сорочке, но вовремя кинула взгляд в темное стекло – и увидела там... ой, нет. Если Люка не боится этого – он очень, очень смелый. Безрассудно смелый. Но проверять границы его безрассудства Шу не стала, благо приводить себя в приличный вид единственным жестом она уже научилась. Ей это стоило полугода ежедневных тренировок, и это не считая изучения отвратительно скучных модных журналов. Зато – какой эффект!

Так что в руки светлому шеру прыгнула одетая и причесанная принцесса, а не взъерошенное пугало. Наверняка шера Исельда бы от такой вольности упала в обморок, но она же не видит!

Попраение приличий того стоило. Вот так прыгнуть из окна, и чтобы тебя поймали на лету сильные мужские руки, и не опустили на землю, а прижали, и губы нежно коснулись волос...

– Моя прекрасная Гроза, наконец-то! – В бархатном голосе отчетливо слышалось счастье, и не только в голосе – радость Люка окутывала Шу теплым и щекотным коконом. – Ты не представляешь, как я ждал этой встречи!

– Я тоже, – наплевав на все поучения шеры Исельды, как должна себя вести благовоспитанная девушка, призналась Шу. К ширхабу глупое притворство, оно – не для истинных шеров. – Люка-а...

Но почему-то вместо его радости Шу ощутила что-то совсем неуместное. Не то сомнение, не то досаду, не то стыд – одно она поняла точно: ему не нравится, когда она зовет его по имени. От этого вдруг стало неуютно, и вспомнились нотации шеры Исельды. Благородная шера никогда не навязывается. Благородная шера никогда не фамильярничаает. Благородная шера держится строго и недоступно, иначе ее не станут уважать. Благородная шера блюдет свою репутацию... бла-бла-бла! Но... может быть, в чем-то она и права? И при первой же встрече позволить кавалеру – пусть даже почти жениху! – брать себя на руки и целовать... наверное, это слишком. Наверное, невеста кронпринца должна вести себя как-то иначе.

Наверное, надо слезть. Хоть и ужасно не хочется. Но надо.

Шу слегка толкнула Люка в плечо, требуя, чтобы он поставил ее на ноги. Но он не послушался, лишь прижал ее к себе крепче.

– Не зови меня этим именем, – попросил он. – Терпеть его не могу. Давай до официального представления я останусь твоим светлым шером. А ты – моей Грозой.

– Ладно... мой светлый шер.

Шу снова обвила его шею руками и уткнулась лицом в него: шелковый платок так приятно пах! И на ощупь тоже... Хотя ей ужасно хотелось ощутить не ткань, пусть и самую нежную, а обнаженную кожу. Вот здесь, где ее губы – на шее, прямо над бьющейся жилкой... и тут, где под тонким сукном френча – горячая кожа и твердые мышцы... провести бы губами и ладонями по ним...

Светлый шер прерывисто выдохнул и прижал ее к себе теснее.

А ей почему-то – совершенно неуместно! – вспомнилось, как она целовала темного шеру Бастерхази. Единственный раз, когда она вообще трогала мужчину. Ну, не считать же брата, Зако или Энрике! Это совсем, совсем другое.

Но и темный шер Бастерхази – совсем другое! Он не принц. С ним можно... можно трогать его всего, можно укусить его за губу и слизнуть кровь...

Ширхаб, что за глупые мысли! Она совсем запуталась. Нельзя, ничего нельзя с темным шером Бастерхази! Он – враг, он пытался убить Каetano. Она не будет вспоминать его поцелуи, тем более когда рядом Лю... светлый шер. Да. Ее светлый шер. Только совсем распутная девица будет думать о поцелуях с другим, когда ее обнимает любимый.

И вообще, надо вести себя прилично.

– Не думай эту ерунду, – насмешливо шепнул светлый шер.

Шу вздрогнула от обжегшего ее стыда и страха: как она могла забыть, что светлый шер – менталист и запросто может слышать ее мысли! О злые боги, неужели он услышал о Бастерхази... нет... как же стыдно... Ему должно быть стыдно – лезть в чужие мысли без приглашения!

А он, вместо того чтобы раскаяться и извиниться, засмеялся. Совсем тихо и не зло, а... нежно?

– Не смейся надо мной! – упрямо потребовала Шу.

– Ну что ты, моя грозная сумрачная колдунья, я смеюсь не над тобой. И я не читаю твоих мыслей, я же не... хам какой-то.

Шу показалось, что он собирался сказать не «хам», а что-то другое. Какое-то имя. Но передумал. Почему?..

– Маленькая любопытная тучка, – он снова смеялся. – Ты совсем другая, чем в письмах.

– Это хорошо или плохо?

– Это – прекрасно. Изумительно. Невероятно.

– Ну... тогда ладно. А где твоя свита? И почему ты пришел под балкон, а не на ужин? А ты меня поцелуешь?.. Ой... – Шу залилась жаром и зажмурилась. Почему, почему она сказала это вслух?! Она же... – Я вовсе не хотела... то есть хотела... то есть...

Она замолчала, смутившись вконец. Что она несет? Что вообще с ней такое? Разжижение мозга, как грозился Кай?! О злые боги, светлый шер подумает, что она совершенно невоспитанная идиотка, и ни за что на ней не женится! Никому не нужна дура.

– Эй, твое сумрачное высочество не собирается превратиться в мышку? – Светлый шер ласково провел губами по ее волосам и глубоко вдохнул. – Ты так пахнешь... Дождем и молниями...

Шу выдохнула. Он смеется, он просто смеется. И не ставит ее на землю. Значит, ему нравится? И он ее поцелует?.. Боги, она вообще может думать хоть о чем-то еще? Хоть о том, какая у него красивая и теплая аура. Он обнимает ее не только руками – а всей сутью, и жемчужные потоки ласкают ее, вплетаются в ее собственный дар, и от этого она горит и плавится, словно ее касается не магия, а нежные мужские губы...

О боги! Он же чувствует... чувствует все ее эмоции! Что он подумает о ней?

– Ты... самая прекрасная девушка в мире, – шепнул он, его голос прервался.

И до Шу вдруг дошло: это не только ее эмоции и желания. Его сердце так же выпрыгивает из груди, как и ее, и он дышит так же быстро и неглубоко, и... этот жар, обволакивающий все тело, эта истома, дрожь, эта потребность в прикосновениях – теснее, еще теснее...

Она совершенно естественно соскользнула с его рук – в его объятия. Прижалась сама, невероятно остро ощущая жар его тела, да что там, каждую его мышцу, каждую каплю крови в его венах, каждый удар его сердца. И его желание, сводящее с ума, требующее слиться в одно целое – сейчас же, сию секунду...

– Кхм... Кхм!

Шу вздрогнула, услышав посторонний звук и одновременно ощутив, как вокруг нее

сомкнулись чужие щиты, оберегая и защищая. Она едва успела подумать – как же это приятно, когда тебя готовы защищать от кого угодно и чего угодно! – как посторонний звук превратился в знакомый голос:

– Полко... кхм... – Энрике поперхнулся и продолжил: – Мой светлый шер! Какая приятная неожиданность.

– Приятно видеть столь... кхм... похвальную бдительность, – соврал светлый шер, частично опуская щиты.

Приятно ему вовсе не было, а хотелось послать капитана Герашана простым солдатским словом. Не то чтобы Шу читала его мысли – ее туда никто не звал, а взламывать ментальные блоки было бы хамством. Но своих эмоций светлый шер не скрывал, так что Шу их чувствовала почти как свои собственные.

И была с ним совершенно согласна. Какой ширхаб принес Энрике в такой момент?! Светлый шер почти поцеловал ее! Вот еще бы секунду, и...

Ей так отчетливо представилась картинка, что это было бы за «и», что колени подкосились, и пришлось крепче уцепиться за плечи светлого шера. А ему – обнять ее и медленно, медленно выдохнуть и успокоить собственные потоки, уж готовые смять и отшвырнуть досадную помеху.

– А... я просто прогуливался, ваша светлость. Не обращайтесь внимания.

Энрике отступил – это Шу почувствовала, не оборачиваясь. Вообще она сейчас могла бы увидеть весь сад, примыкающий к баронскому замку, даже не открывая глаз. Почти как было в Олойском ущелье, разве что сейчас ей вовсе не хотелось убивать. Ну, почти. Возможно, потому что ее добыча и не пыталась сбежать...

О боги. Добыча. Она что, воспринимает светлого шера как добычу? Она с ума сошла.

– Шли бы вы, Гер-рашан, – с прорывающимся в голосе рычанием велел светлый шер; кажется, ее тоже воспринимают как добычу, и это удивительно приятно.

– Ухожу, ухожу... – отступая еще дальше, отозвался Энрике... и совершенно непочтительно хмыкнул. – Меня здесь вообще нет, шер инкогнито.

– Вот и...

– Уже провалился!

Шу не выдержала, рассмеялась. Она слишком хорошо знала Энрике, так что ей даже не обязательно было его видеть, чтобы знать, какое у него сейчас лицо. И еще чтобы сообразить: с балкона на них смотрит Бален. Чтобы маленькая, беззащитная Белочка пропустила развлечение? Да ни за что.

Ох же, ширхаб дери!

С балкона фыркнули, мол, делать мне больше нечего, только подглядывать.

– О боги... – выдохнула Шу в обтянутое сукном мужское плечо и почему-то подумала: а в императорском дворце все будет намного хуже. Там за ней будут подглядывать всегда, и не из чистого дружеского любопытства, как Белочка.

– Пойдем к реке, – предложил светлый шер, нежно погладив ее по голове. – Я приехал к тебе, а не к сотне любопытных нахалов.

– Бален не нахалка! – тут же возмутилась Шу. – Она... она обо мне заботится.

Светлый шер хмыкнул, а Шу мысленно показала Белочке кулак.

«Даже не думай за нами ходить!»

Белочка сделала вид, что ровным счетом ничего не увидела и не услышала, и вообще давно уже легла спать, как все благовоспитанные шеры. Правда, когда шера Исельда зайдет пожелать Шуалейде сладких снов и проверить, не унесло ли ее сумрачное

высочество на поиски очередных приключений, Белочка ее прикроет. Ну там подушки под одеялом, сонное сопение и все такое. Шера Исельда поверит.

А о том, что ушла со своим женихом на берег, Шу ей не расскажет. Ни к чему расстраивать шеру Исельду, она и так ужасно нервничает перед приездом в столицу.

Глава 9

С небес на землю

Уго-дель-Риу, 23 день холодных вод

Шуалейда шера Суардис

По садовой дорожке они шли молча. Светлый шер обнимал Шу за плечи, и ей было невероятно тепло и уютно – просто рядом с ним, чувствуя тепло его тела, его запах и ласковые потоки его дара. Ей так много хотелось ему сказать, стольким поделиться и спросить, и... Все это было не таким уж важным по сравнению с самым прекрасным ощущением на свете: он – рядом. Какой глупой она была, опасаясь подвоха! Он же – светлый шер, он не станет ей лгать и интриговать за ее спиной. И она не станет. И если нужно, она научится жить в императорском дворце и играть в придворные игры. Даже в политику. Она уже почти научилась! Светлый шер сам сказал, что придуманная ей комбинация с бароном Наба – гениальна!

И сегодня он совершенно точно ее поцелует. А может быть, и не только поцелует. Он хочет, это невозможно не чувствовать. Просто не торопится, потому что в замковом саду слишком много любопытных нахалов.

Стоило подумать о любопытных нахалах, как из кустов выскользнуло мохнатое нечто... и недоуменно ткнулось мордой в воздушный щит.

– Мр-ряф! – возмутилась Морковка, ткнулась в щит еще раз, чихнула и принялась сердито отплевываться.

– Кому-то надоело охранять тебя из кустов, – смеясь, прокомментировал светлый шер.

– Морковка хорошая, – вздохнула Шу и строго велела: – Иди поймай мышь.

– Она ест мышей?

– Она ест все, но предпочитает газеты.

На слове «газеты» Морковка прекратила плевать и заинтересованно повела ухом. А светлый шер усмехнулся, вынул из воздуха газету, смял и бросил в кусты. Морковка тут же прижалась к земле и поползла к добыче, подрагивая от азарта коротеньким хвостом. Но когда Морковка уже готова была прыгнуть – газета отрастила тонкие ножки и с паническим шелестом припустила прочь.

Шу рассмеялась, а светлый шер поднес ее руку к губам и поцеловал. По всему телу прошла волна мурашек, стало горячо и щеотно где-то внутри... И очень захотелось снять перчатки и ощутить мужские губы кожей. Вот что ей стоило забыть о перчатках к вечернему платью!

– Мне нравится, как ты смеешься, – не отпуская ее руки, шепнул светлый шер.

Жар бросился в лицо, из головы вылетели все мысли, и она шагнула к нему ближе, совсем близко. Вплотную. Сглотнула невесть откуда взявшийся в горле комок – и дотронулась до уголка его губ. Светлый шер раздул крылья носа, накрыл ее руку ладонью и улыбнулся так... хищно, горячо и...

Она сама привстала на цыпочки и потянулась к нему поцеловать, и почти дотянулась. Но он почему-то вздрогнул и поймал ее за плечи, уже без улыбки заглянул ей в глаза. На миг показалось, что в его глазах бушует штормовой океан, даже послышался рокот волн и грохот молний... Шу замерла в страхе и недоумении. Что она сделала не так? Он же хотел, она чувствовала, нет, чувствует прямо сейчас – он хочет ее поцеловать! Но почему не делает этого?

- Ты умеешь хранить тайны, Гроза?

Шу обрадованно кивнула: да, она права, он хочет, но что-то ему мешает. И сейчас он ей расскажет! Это будет их общая тайна!

- Когда я тебя поцелую, мне будет больно. Очень.

- Почему больно? Это... это проклятие? - Сотня самых невероятных предположений уже рвалась с языка, но Шу его прикусила. Она - не какая-то болтливая клуша вроде ее фрейлин, она... да, она умеет серьезно относиться к серьезным вещам.

- Я не могу этого сказать, никому и никогда. Обещай, что не будешь спрашивать почему.

- Хорошо, я не буду... а... я могу тебе помочь?

Эта идея целиком и полностью захватила ее. Да, она поможет своему светлому шеру снять проклятие, в точности как в сказках! Только она не будет ждать, надеяться и плакать, как глупые принцессы в башнях, а подойдет к делу серьезно. Научно! Для начала - рассмотрит потоки, ведь проклятие всегда видно, она точно знает, она уже снимала проклятия! Настоящее смертельное проклятие с Зако, когда они влезли в развалины древнего замка неподалеку от Сойки. Но об этом Шу расскажет потом, сейчас светлому шеру вряд ли интересны их детские проделки.

Он погладил ее по щеке - и только сейчас Шу обратила внимание, что он тоже в перчатках. Мягких лайковых перчатках. Значит... ну же, что подсказывает логика?

Логика упорно молчала. Логике хотелось нежиться в объятиях светлого шера, впитывать его тепло и ни о чем не думать. Ну... ну и ладно. Совсем немножко можно. Еще несколько секунд, и Шу начнет думать головой. Сразу, как только светлый шер отступит хоть на шаг.

Но он не отступил, а склонился к ней - и коснулся губами ее губ.

Это было похоже на удар молнии. Так же ослепительно прекрасно и больно, словно они оба горели в небесном огне.

Боль оказалась короткой. Шу не поняла, как так получилось. Просто боль вспыхнула - и тут же переплавилась в острое, яркое, пронизывающее насквозь наслаждение. Оно кипящей лавой растеклась по венам - и вырвалось наружу тихим стоном. Ее стоном или его, она тоже не поняла. Она вообще перестала понимать - кто она, где, зачем...

- Моя Аномалия, - нежно шепнул светлый шер и, едва переведя дыхание, снова поцеловал ее.

Его сердце билось как сумасшедшее, в такт ее сердцу, выпрыгивающему из груди, рвущемуся куда-то в небо, чтобы там петь, кувыркаться в воздушных потоках и смеяться от счастья... чтобы танцевать на облаках под звуки гитары и снова целоваться, и танцевать...

Она поняла, что земли давно нет под ногами, только когда что-то с душераздирающим писком дернуло ее за волосы и в них запуталось. Шу вскрикнула от неожиданности и приникла к Люка. А он со смехом выпутал из ее волос летучую мышь. Крохотный, дрожащий от ужаса горячий комочек с полупрозрачными крыльями и огромными ушами. Только отпустив мышь, Шу посмотрела вокруг - и тоже рассмеялась.

Вокруг было... а ничего не было. Только прозрачно-голубые потоки ветра, глубокая синева тумана и сиреневые искры иллюзорной музыки. Где-то внизу, под ногами, светился замок Уго-дель-Риу и прилегающий городок, в зеркальной глади реки отражалось бархатное небо и крупные, с яблоко, звезды. А напротив, держа ее за обе руки, счастливо смеялся Люка, и звезды путались в его волосах, и невероятной глубины морские глаза светились, словно ночной океан.

- Моя Аномалия, ты невероятна! - Светлый шер притянул ее к себе, запустил обе руки в ее растрепавшуюся прическу, и шпильки разлетелись драгоценным звездопадом, а локоны тут же подхватил ласковый ветер. - Ты - самая прекрасная девушка на свете.

– И я сниму с тебя проклятие, вот увидишь! – Шу потерлась губами о его подбородок, впитывая новую вспышку боли до того, как Люка успел ее почувствовать. – Тебе больше не будет больно.

– Если это у кого-то и получится, то только у тебя.

– Ты поэтому хочешь жениться на мне? Из-за проклятия?

Люка вздрогнул, и Шу явственно почувствовала, как внутри него взвилась буря. Ярость, боль, отчаяние, надежда и снова ярость – ее чуть не сбило с ног волной его эмоций. Но вспышка была совсем короткой. Секунда, и Люка снова был почти спокоен, только очень глубоко внутри kloкотал шторм.

– Нет, не поэтому.

Он распустил держащие их воздушные потоки, обнял Шу, и они быстро заскользили вниз, к Уго-дель-Риу. Через несколько секунд трава мягко спружинила под их ногами: они приземлились на зеленом склоне холма, между замком и Вали-Эр. Здесь, в саду, тоже было красиво и пахло ночной рекой, но волшебство закончилось, и от этого Шу загрустила. Не только от этого. На самом деле Шу ждала, что Люка скажет: я люблю тебя. Это же так просто, и для этого совсем необязательно спускаться с небес на землю. Но что-то опять пошло не так. Опять между ними встали какие-то тайны.

Или не тайны? Может быть, Люка передумал на ней жениться? Да нет, какая чушь, он бы сказал сразу и не стал бы ее целовать. Наверное.

Ширхаб, как все сложно! И она совершенно его не понимает.

– Я не хочу ничего от тебя скрывать, моя Гроза, – только ступив на мощеную галькой дорожку и взяв Шу за плечи, светлый шер снова заговорил. – Я хочу на тебе жениться, потому что ты – это ты. Прекрасное чудо. Дар богов. С тобой я вспоминаю о том, что у меня есть сердце. С тобой я счастлив. Для тебя мне хочется творить безумства, носить тебя на руках и ради тебя побеждать чудовищ. С тобой я сам – человек, а не чудовище... Ну что ты? Зачем ты плачешь?

Он губами коснулся ее лица, собирая слезы. Откуда они взялись, Шу не знала. И не знала, что она сейчас чувствует. Мир вокруг почему-то стал прозрачно-хрупким, словно стеклянным, и звонким-звонким. И она сама стала прозрачно-хрупкой, готовой разбиться от единственного неосторожного движения. Или слова. И внутри этой прозрачной хрупкости родилось и сейчас росло что-то странное, непонятное, готовое обнять весь мир, пролиться дождем над пустыней и солнечным светом над снегами, готовое любить всех без исключения, просто так, потому что...

– Потому что я люблю тебя, Люка, – тихо-тихо сказала она.

Он на миг замер, и она снова впитала вспышку ослепительной боли – не понимая, откуда она, почему? Спросить она не успела, да и не нужно было. Она же обещала не спрашивать почему.

– Посмотри на меня, Гроза, – попросил он, чуть отстранившись и глядя ей в глаза. – На меня, а не на имена и титулы. Ты бы вышла за меня, не будь я из императорской семьи? За меня, со всеми моими тайнами и проклятиями? За того, кто не сделает тебя ни императрицей, ни королевой, но кто будет любить тебя не за твое наследство или драгоценный дар, а потому что ты – это ты? Ты простишь мне неволь...

– Вот вы где! – ворвался в их хрупкий стеклянный мир чужой голос, и стекло со звоном рассыпалось.

Люка вздрогнул, замолк... и исчез. Шу едва-едва чувствовала его присутствие под пеленой невидимости.

– Барон Уго, – больше всего на свете желая убить королевского сенешаля на месте, обернулась к нему Шу.

– Все ли с вами хорошо, ваше высочество? – Старый барон придирчиво осмотрел Шу, словно выискивая свидетельство ее неприличного поведения.

- Со мной все прекрасно, барон. Как видите, я просто прогуливаюсь перед сном.

- Конечно же, ваше высочество. Прогулки перед сном... вам бы стоило взять сопровождающих. Юная шера в саду, одна! - Барон недовольно пошевелил бровями. - Позвольте, я провожу вас.

- Не стоит за меня беспокоиться, шер Уго. В вашем саду совершенно безопасно.

- Разумеется, безопасно, но ваше высочество наверняка заметили нечто странное над замком? Весьма подозрительная воздушная аномалия.

Шу пожала плечами, мысленно прося: Люка, не уходи! Я сейчас отделаюсь от надоедливого старикашки и отвечу тебе. Ты же знаешь, что я тебе отвечу! Боги, как же не вовремя этот сенешаль!

- Всего лишь воздушные элементали, ничего особенного. Ступайте, барон, я желаю еще погулять в одиночестве.

От ментального приказа барон покачнулся, словно потерял ориентацию в пространстве, но устоял. И - не ушел, только разозлился.

- Если вашему высочеству угодно прогуляться, я буду сопровождать ваше высочество. Прошу прощения, но его величество доверил мне безопасность и репутацию вашего высочества.

Ах ты, старый пенъ! Обвешался ментальными амулетами и доволен! Да я тебя!..

Мягкое касание такой знакомой, такой родной светлой ауры остановило готовое сорваться проклятие, успокоило гнев.

«Мой светлый шер, не уходи, прошу тебя!»

«Мы скоро увидимся, моя Гроза. Я обещаю».

«Я люблю тебя! Мне чихать, кто ты - принц или нищий, я люблю тебя!»

«Я люблю тебя, моя Гроза», - шепнул прохладный ветерок с реки и растаял.

- Нашему высочеству угодно пойти спать, шер Уго, - вздохнула Шу. - Проводите меня, сегодня был непростой день.

Там же и тогда же

Дайм шер Дюбрайн

«Я люблю тебя, моя Гроза», - шептал ночной бриз, шелестели листья, шуршали галькой речные волны у его ног.

«Я люблю тебя», - рвано, болезненно бился пульс в висках, и пальцы в перчатках сжимались, словно желая порвать лайковую кожу и вырваться из оков.

Оков императорской воли. Оков лжи. Оков проклятой печати.

Дайм сам не понимал, правду ли он сказал. То, что он чувствовал к Шуалейде, совсем не походило на рафинированную любовь к Ристане. Скорее - на жажду, на эйфорию, на штурм и сумасшествие...

Спасибо Каменному Садовнику, обучающему кадетов Магбезопасности тактике и стратегии разведывательных операций! Он так крепко вбил в кадетов правило «прежде чем лезть в пасть демону, подготовьте пути отступления», что Дайму и в голову не пришло понадеяться на счастливый случай. Прежде чем идти к Аномалии под балкон, он

взломал ментальную защиту барона Уго и велел ему спрятаться в саду и караулить подопечную принцессу.

«Эти юные ветреные шеры, никогда не знаешь, что у них на уме, за ними глаз да глаз!»

Барон Уго явился вовремя, хоть Дайм в тот момент и готов был его убить. Еще немного, и Дайм рассказал бы Аномалии правду – не только о Люкресе, но и о приказах императора, и о печати. И сдох бы, как подзаборная шавка. В лучшем случае – один, в худшем – утащив ее с собой. Шис знает, какой запас прочности заложили Светлейший и Темнейший в его печать верности, и что будет с тем, кто попытается ее снять.

Проклятие. Вот правильное название – проклятие. Аномалия не ошиблась.

«Я сниму с тебя проклятие».

Как же хочется поверить в сказку! Так хочется, что сердце рвется на части от сумасшедшей, отчаянной надежды – и от понимания, какой он на самом деле мерзавец, раз втягивает наивную доверчивую девушку в эту отвратительную историю. Обманом втягивает. Что бы она ни говорила, но влюблена-то она в кронпринца, а не цепного пса. Шис. Еще немного, и цепной пес завоюет!

Сжав виски пальцами, Дайм трижды повторил умну отрешения. Выть – нельзя. Страдать – некогда. Раз уж ввязался в игру, будь любезен идти до конца, светлый, мать твою, шер. Займись делом, и дурь как рукой снимет.

– Герашан! – успокоив дыхание и отрешившись от привычной боли, (нечего было непочтительно думать о печати!) позвал Дайм.

– Я здесь, полковник. – Капитан Герашан неслышно подошел и встал рядом, также глядя на едва угадывающийся вдаль левый берег Вали-Эр.

– Мне нужно точно знать, есть ли еще какие-то улики против Бастерхази и не тянется ли след в Метрополию.

– Бастерхази изготовил амулет, об этом я вам докладывал, больше его с этим покушением ничего не связывает. Все остальное сделал барон Наба. Мне не удалось вытащить из него воспоминаний о контактах с самим Люкресом или его людьми.

– Даже если воспоминания стерты, я их достану, – зло усмехнулся Дайм: как приятно, когда есть противник, с которым ты можешь хоть что-то сделать!

– Сомневаюсь, что эти контакты были. Покушение – чистой воды дилетантство, – пожал плечами Герашан.

– И мой братец, как всегда, чище самой Светлой. Ладно, что ты навесил на барона Наба?

– Как обычно, полковник. Охрана, слежение, клятва о неразглашении с граничным условием «офицер МБ». Так что откровенный разговор с вами ему никак не повредит.

– Что ж, будем надеяться, что гильдия ткачей еще до него не добралась. Герашан, ты должен знать: Бастерхази последний раз прикасался к амулету больше трех лет назад. Из сокровищницы его достал мальчишка с псарни, сам мальчишка пропал после того, как всем под большим секретом рассказал, что его берет на службу очень высокопоставленная особа. Он похоронен в Лощине Памяти, так что допросить его не сможет даже Бастерхази.

Герашан тихо выругался, помянув слишком умных дилетантов. А Дайм усмехнулся про себя: когда Ристана не строит из себя невинную беспомощную овечку, она достойна уважения. Не любви, нет. Но уважения и понимания – да. Из нее вышла бы прекрасная королева или не менее прекрасная маркиза Дюблайн, но не судьба. И если она не внемлет голосу разума и продолжит строить интриги против Каетано и Шуалейды, придется удалить ее с политической арены, а возможно, и отправить на внеочередное перерождение. Вряд ли Бастерхази станет ее защищать, раз уж он сделал ставку на Шуалейду и самого Дайма.

Так же, как сам Дайм, он поставил на Шуалейду все. Даже больше, чем все.

Жаль, нельзя прямо попросить Бастерхази объяснить ситуацию Шуалейде! Ни Бастерхази, ни Герашана, никого. Император был достаточно предусмотрителен, чтобы отдать четкий приказ. Тот разговор, еще до поездки в Сашмир, Дайм запомнил дословно. Да что там, он мог в любой момент вернуться в него и просмотреть, как движущиеся картинки из писем Шуалейде. И, чего уж врать самому себе, жалел, что тот разговор не состоялся на месяц раньше – до того, как Дайм впервые увидел Аномалию. Тогда все могло бы повернуться совсем иначе...

Впрочем, все и сейчас еще может повернуться иначе. Стать простым, понятным – и привести Дайма к вожаденной свободе от печати верности.

– ...Ты ни в коем случае, никоим образом не раскроешь Шуалейде тайну своего имени, пока она не выйдет за Люкреса. – Император удостоил своего бастарда приватной беседой в Малой гостиной, за утренним шамьетом. – Ни ты сам, ни твои подчиненные или друзья. Ни вслух, ни мысленно, ни письменно. Надеюсь, ты хорошо понимаешь, Дамиен, насколько важен этот брак для империи.

От доброй отеческой улыбки хотелось кричать и крушить все вокруг, но Дайм лишь почтительно кивнул:

– Хорошо понимаю, ваше всемогущество.

– Твой брат планирует сам просить ее руки после Весеннего бала, как только она получит Цветную грамоту. Подготовь почву и сделай все возможное, чтобы Шуалейда согласилась. Если она откажет Люкресу, я буду крайне тобой недоволен.

Дайм снова склонил голову и мысленно повторил умну отрешения. Он дважды вызывал неудовольствие императора – не крайнее, а так, легкое. И оба раза молил Сестру, чтобы она позволила ему сдохнуть. О том, на что будет похоже «крайнее неудовольствие», он не желал даже думать.

– Если ты все сделаешь как должно, я дам тебе герцогский титул и позволю взять старшую Суардис в супруги. Подданным понравится двойная свадьба. А когда Шуалейда родит Люкресу одаренного наследника, ваш с Ристаной сын станет его наперсником, защитником и опорой. Кровь Брайнонов должна быть едина, Дамиен.

Злые, насмешливые боги!

Дайм много лет мечтал о том, что ему сейчас обещал император, готов был горы свернуть, чтобы снять второй слой печати, жениться на Ристане и обзавестись наследниками. Служить и поддерживать единственного из своих братьев, кто относился к нему как к брату, а не как к цепному псу.

Дайм искренне верил в братские чувства Люкреса – пока не услышал его разговора со Светлейшим и не понял, что Люкрес лишь прикармливал пса, но никогда не считал его братом. Дайм искренне верил в возможность семейного счастья с Ристаной – пока не встретил Шуалейду и не увидел свою бывшую возлюбленную такой, какая она есть.

И вот самая заветная, сама главная его мечта перед ним. Протяни руку и возьми. Всего-то и надо, что немного обмануть неискушенную в интригах сумрачную шеру, забыть все лишнее – в том числе страстную мечту темного шера Бастерхази о свободе для них обоих – и наслаждаться заслуженной наградой. Всего-то отказаться от глупой и нереальной надежды, не пытаться пройти по краю бездны, наплевать на смутное предчувствие счастья.

Всего-то. Сущая мелочь, когда речь идет об избавлении от строгого ошейника и блистательном будущем опоры трона!

– Ваше всемогущество очень щедры, – ответил Дайм чистую правду.

– Я прекрасно вижу, как искренне ты служишь империи, Дамиен, и я доволен вашей дружбой с Люкресом. Держитесь вместе, как должно братьям, и я со спокойным сердцем оставляю империю вам. Как в старые времена Роланда Святого и Рогнеды Светлейшей.

Всего месяц назад, услышав от императора, что тот прочит его в преемники Светлейшему Парьену, Дайм бы летал на крыльях восторга. Его наконец-то оценили по

достоинству, его не считают лишь цепным псом, ему готовы доверить ответственность за всю империю. Сейчас же...

– Благодарю, ваше всемогущество. Видят Двуетины, я сделаю все, чтобы быть достойным вашего доверия. – Восторг и благоговение в его голосе были настоящими, но месячной давности. До встречи с Шуалейдой.

– Я в тебе не сомневаюсь, сын мой, – улыбнулся император. – Да пребудет с тобой благословение Двуетиных.

О да. Благословение Двуетиных ему очень, очень понадобится. Отказаться от гарантированной свободы, от великолепной карьеры, от всего, о чем он мечтал, ради призрачного шанса на чудо будет непросто. Да что там, до сумасшествия сложно, тем более что какое бы решение он не принял сейчас – до Весеннего бала еще десять месяцев, и все эти десять месяцев ему придется исполнять приказ отца. Со всем старанием и послушанием.

Дайм вынырнул из воспоминаний лишь около единственной в Пуэбло-дель-Уго таверны. Той самой, где они с Бастерхази ночевали десять месяцев назад. Сейчас Дайм бы не отказался от еще одной беседы с темным шером. Если бы только он мог сказать ему правду, поделиться сомнениями и спросить совета! Вот только «приказы императора не обсуждаются» – не фигуральное выражение. Это часть его клятвы верности, и за нарушение он заплатит жизнью.

И за свою встречу с Шуалейдой сегодня, за свой первый поцелуй с женщиной – тоже, если об этом узнает император.

«Бездна дышит тебе в затылок».

Слава Двуетиным, что Бастерхази даже не догадывается, насколько он прав.

Глава 10

О родительской любви и братской ненависти

24 день холодных вод, Суард

Шуалейда шера Суардис

До столицы торжественный обоз добрался к четырем часам пополудни, когда жара только начала спадать. Сама Шу не особо обращала внимание на погоду – после вчерашней встречи с Люка ей вообще было наплевать на все, кроме одного вопроса: что же Люка недоговорил? В чем хотел ей признаться, но не успел?

Поэтому ей пришлось изо всех сил сдерживаться, чтобы не шепнуть Муаре: «Ищи!» Что-то Шу подсказывало, что химера способна взять след не хуже ищейки, и светлому шеру не скрыться. Но он просил доверять ему, и Шу доверяла. Изо всех сил, да. Утренняя записка, принесенная пустельгой, ей в этом очень помогала.

«Прости, что исчез вчера. Барону Уго не стоило видеть нас вместе. Я обязательно приеду в Суард к Весеннему балу. Люблю тебя, твой светлый шер».

– Мой светлый шер, – шепнула она, счастливо улыбаясь солнцу, ветру и облачкам на горизонте. – Мой светлый, светлый, светлый шер!..

Муаре под ней тонко заржала и загарцевала, словно танцевала вельсу, а Морковка ревниво мрякнула, требуя восхищаться не каким-то там светлым шером, а исключительно ею, пушистой и прекрасной.

– Иди сюда, капризное животное! – Шу похлопала по колену.

Рысь тут же запрыгнула на ручки, вызвав у барона Уго отчетливый приступ мигрени. Почему-то ему казалось, что ручная рысь – неподходящая спутница для принцессы. Он утром даже попробовал убедить Шу надеть на Морковку ошейник и поводок, а лучше и вовсе везти ее в клетке. Она же хищное, неразумное и опасное животное! Вдруг она испугается скопления людей и набросится на его высочество!

«Чушь!» – возразили в один голос Шу и Каetano, и ошейник с поводком были убраны. Правда, Морковка после этого категорически не доверяла барону Уго, и стоило ему подъехать к Шуалейде – прижимала уши и шипела, всем своим видом показывая, что если тут и надо на кого-то надеть поводок, так это на дикого неразумного барона. Вдруг он на кого-то набросится, как попытался наброситься на нее?

И слава Двуетиным! Если бы Морковка не шипела, барон Уго бы всю дорогу третировал Шу и Кая тонкостями протокола. Словно это они – дикие и неразумные существа, не способные запомнить порядок действий с одного раза. Он бы еще затеял рассказывать, какой вилок кушать рыбу, а какой – пирожные...

Интересно, а Люка любит пирожные? И когда он приедет? Наверняка с ним будет свита не меньше, чем сейчас тащится с ней и Каем. Или нет? Ведь может же Люка себе позволить путешествовать так, как нравится ему, а не как велит этикет!

Оглянувшись на растянувшийся пыльной змеей обоз, Шу только вздохнула. Из Уго-дель-Касте с ними увязалось еще два десятка карет и под сотню всадников, и вся эта толпа пылила, галдела, сверкала начищенными кирасами и драгоценностями. А ведь меньше года назад ей казалось, что на импровизированный праздник в Кардалоне, в особняке графа Ландеха, собралось ужасно много людей, не меньше трех десятков родовитых шеров. Теперь ей было смешно об этом вспоминать. И немного страшно смотреть вперед, на золотящиеся в солнечных лучах стены Старого города, а дальше и выше, на вершине пологого холма – шпили, купола и башни Риль Суардиса.

Под ярким послепопуденным солнцем сплетения энергетических потоков, защищающие

Риль Суардис, казались продолжением небесного света, лишь слабо окрашенного в цвета стихий. И немножко походили на мыльный пузырь, только очень большой. Из пузыря вырастали две башни: черно-алая с фиолетовыми и голубыми прожилками – восточная, обитель темного шера Бастерхази, и белая – с переливом в голубизну. Вот от второй из них, западной башни, Шу никак не могла оторвать взгляда. Что-то в ней манило и завораживало. Может быть, таинственная история рождения Кая, которую рассказал темный шер Бастерхази?..

Долго грезить о таинственных историях не вышло. В предместьях Суарда принца с принцессой уже встречали высыпавшие на обочины люди – горожане, селяне, взрослые и дети, все вперемешку. Они явно пришли, а то и приехали заранее, чтобы первыми увидеть наследника престола. И теперь, когда обоз приблизился – они галдели, махали флажками и платками, кидали на дорогу перед Каetano цветы и радостно вопили приветствия.

Кай тоже махал своим будущим подданным, улыбался и осенял их знаком Светлой. И Шуалейда улыбалась, не забывая держать вокруг Кая щиты. Любовь подданных прекрасна, но кто не заботится о безопасности – сам себе болотный гoblin.

Там же и тогда же

Каetano шер Суардис

К трем часам пополудни Каetano успел проклясть и жару, и бархатный, в самоцветах и золоте наряд, и тяжеленную цепь с амулетом. И собственную гордость, она же ослиное упрямство. Надо было соглашаться, когда Шу предлагала сделать прохладный ветерок в личное пользование. Он, видите ли, не пожелал недостойных настоящего воина привилегий: раз Зако и Мануэль не жалуются на жару, то и он не будет! Второй раз сестра не предложила, у нее – та же фамильная гордость, достойная каравана ослов, а у самого Кая после полумесяца дороги уже не хватало сил на баловство.

– ...важным гостям положено въезжать в столицу через Драконьи ворота, – нудел под ухом дру Бродерик. – Традиция родилась после того, как Родриго Суардис вынудил предателя Эспада проехать под решетчатыми гарпиями...

Глядя на массивные башни сливочного, в золотистых прожилках камня, Кай пропускал мимо ушей историю городских стен: их строили больше тысячи лет назад люди вместе с гномами. Дру Бродерик не упустил случая еще раз прочитать лекцию и напомнить будущему королю о важности единства всех народов Валанты. Кай и сам не забыл: на сотрудничестве с гномами и на договоре с ире зиждилось благополучие Валанты и власть Суардисов. Но именно сейчас, прикидывая размеры и массу венчающего арку дракона, – переливчатый оникс славился не только прочностью и красотой, но и огромным удельным весом, почти как золото, – Кай думал о том, стали бы гарпии визжать и сбрасывать решетку на барона Наба? Конечно, покушение на наследника – это еще не заговор против короля, но против крови Суардисов – определенно.

Хорошо, что Мануэль Наба непричастен к делам отца. Он отлично вписался в теплую компанию, как и шер Галесья – тот самый, с кем Зако дрался первым. Благодаря Мануэлю, негласному лидеру юных шеров, и к самому Каю его же приближенные стали относиться совершенно иначе. Не все, конечно же, но и это уже очень и очень много.

– ...эти трехголовые виверры никогда не выходят на поверхность, потому что не переносят солнечного света, – продолжал лекцию гном, указывая на барельефы по сторонам от арки, через которую им предстояло проехать. – Проверить огненные руны в деле за десять веков не удалось ни разу...

Кай усмехнулся: в голосе Берри слышалось искреннее сожаление. Разумеется, если бы Драконьи ворота показали себя во всей смертоносной красе, гномы могли гордиться ими еще больше. А для ученых вроде самого Бродерика даже нашествие зургов – повод для

очередных великих теорий и смелых экспериментов.

Уже за воротами, среди приветственных воплей толпы, осыпанный цветочными лепестками с ног до головы, Кай прервал гнома. Ученый наставник в третий, наверное, раз объяснял, откуда в Суарде взялась традиция мостить площади цветной плиткой и украшать стены мозаиками, а крыши – шпилями.

– Берри, давай ты расскажешь о влиянии восточной архитектуры потом. Боюсь, я совсем тебя не слышу, – сказал Кай и в очередной раз помахал рукой горожанам: собравшимся на площади, высывающимся из окон, сидящим на крышах и на деревьях.

Гном недовольно умолк и поморщился: торжественные мероприятия и народные гуляния он считал наипустейшей тратой времени. Зако, ехавший по правую руку от Кая, пробормотал что-то насчет церемоний и вшивых зургов, к которым эти церемонии могут катиться. Шу промолчала и расширила защитный купол, так что теперь ветви цветущих каштанов, акаций и слив не долетали до всадников не на два локтя, а на четыре.

Они оба беспрекословно следовали инструкциям барона Уго: улыбались, раскидывали в толпу монеты, кивали старшинам цехов, благодарили за речи и подарки – их складывали в отдельную повозку. Приветственные речи, отрепетированные все с тем же бароном Уго, Кай тоже сказал, ни разу не запнувшись и не показав будущим подданным, как он устал. Особенно его утомила длинная и путаная речь бургомистра, который пытался одновременно и выразить восторг от приезда наследника, и подольститься к ее высочеству Ристане.

Наконец последние благодарности с обещаниями были розданы, последние монеты брошены горожанам, последние шаги до окруженной гвардейцами площадки перед воротами Риль Суардиса пройдены. Кортёж остановился: Кай с Шу впереди, по сторонам и чуть позади от них Энрике и Бален, а вторым рядом полковник Бертран, Зако и Мануэль Наба. С привратных башен запели трубы, и следом над площадью Согласия разнесся усиленный воздушной магией голос герольда:

– Его величество Тодор Суардис, милостью Двуетных король Валанты!

Узорные ворота Риль Суардиса отворились, и на площадь выехал король со свитой. Кроме Ристаны и придворного мага Кай узнал Альгредо, Сальепуса и остальных советников. Еще пару десятков придворных он просто запомнил в лицо – кто они, можно будет разобраться потом. Придворные, кроме Ристаны, шли пешком, даже Бастерхази.

Толпа радостно загомонила, в воздух снова полетели цветы, флажки и шапки. А Кай, забыв обо всем, что ему талдычил барон Уго, прилип взглядом к отцу.

Трудно было поверить, что этот седой, как снег на вершинах гор, высохший старик – тот самый большой и сильный папа, который со смехом подбрасывал маленького Кая в воздух, а потом сажал его на колени и рассказывал волшебные сказки. Что именно рассказывал отец, Кай уже не помнил, да и образ его почти стерся, оставив лишь ощущение безопасности, любви и счастья.

Сейчас ничего этого не было и в помине. Может быть, потому что рядом с королем стояли старшая принцесса и придворный маг. Ристану Кай ненавидел – и в ее глазах читал не меньшую ненависть, неубедительно прикрытую благостной улыбкой. А от Бастерхази он просто хотел держаться как можно дальше. Темное чудовище может сколько угодно улыбаться и прикидываться законопослушным подданным империи, оно от этого не посветлеет и чудовищем быть не перестанет.

«Кай, проснись! – мысленно пихнула его в бок Шу. – Насмотришься еще!»

Точно. Надо же спешиться и приветствовать короля, как подобает послушному сыну.

Каetano почтительно спешил, отдав повод коня Энрике, сделал шаг навстречу королю и остановился, ожидая, когда король приблизится. Сердце колотилось как бешеное, и в голове роились сотни страхов и сомнений. На миг даже подумалось: что, если отец передумал делать его наследником и сейчас велит отправляться обратно в Сойку? Или вдруг разочаруется в Каetano? Или вдруг окажется, что отец совсем-совсем не помнит его и посмотрит как на чужого? Ведь все эти годы рядом с ним была другая его дочь.

Ристана. Может быть, ему на самом деле достаточно ее одной?..

Чем ближе подъезжал король, а с ним Ристана и придворный маг, тем страшнее становилось Каю. словно на него надвигалась тьма, огромная и подавляющая, способная раскатать его в лепешку и не заметить...

Кай скосил взгляд на Шу, ища у нее поддержки. Сестра ответила ободряющей улыбкой, но он чувствовал, что ей тоже страшно.

«Все будет хорошо, братишка. Никто нас не съест, а попробуют – подавятся!»

Привычный вызов в тоне Шу и ощущение сестринских объятий помогло успокоиться. А может быть, он просто привык к присутствию темного шера Бастерхази. В конце концов, даже если Ристана и Бастерхази собираются избавиться от него прямо сегодня – вряд ли они решатся сделать это на глазах у короля и тысяч людей.

А ментальные амулеты надо будет обновить. Принц короны не должен чувствовать себя перед придворным магом, как кролик перед волком.

– ...Да здравствует его величество! Слава королю! – крики горожан доносились словно сквозь толстый слой воды, и мелькнула мысль: неужели никто из толпы не видит этой черной тени, нависшей над королем?

Наверняка – нет. Или не видят, или привыкли. А плевать.

Собрав волю в кулак, Кай коротко взглянул в глаза шеру Бастерхази: «Тебе не запугать меня!» – и чуть не споткнулся от удивления. Темный шер не обращал на Кая ни малейшего внимания, он безотрывно смотрел на Шу... и он подмигнул ей! Тепло, по-дружески, словно обещая быть на ее стороне.

Подвох? Обман?.. Но иррациональный страх почему-то сменился спокойствием и уверенностью, что все будет хорошо.

Наконец отец остановился, и темный шер Бастерхази помог ему спешиться, а затем отступил, словно выцвел, стал неважным и незаметным. Каю вообще показалось, что на площади они остались вдвоем – он и отец.

Король улыбнулся, глядя на Кая. Протянул руку. Позвал:

– Идите сюда, дети мои.

Его голос донесся до Кая так отчетливо, словно не было тысячной толпы вокруг.

И Кай сделал первый шаг, второй... Он бы пробежал эти жалкие две дюжины шагов, как бегал когда-то давно – когда большой, сильный, надежный папа приседал на корточки и распаивал объятия для сынишки, чтобы поймать его, прижать к себе и смеяться вместе с ним... Кай еле справился с невесть откуда взявшимся детским желанием броситься ему на руки, обнять за шею...

Он прошел эти две дюжины шагов степенно, как подобает принцу, преклонил перед отцом колени и склонил голову. Присутствие Шу он ощущал спиной – сестра шла на полшага позади, как и велел барон Уго. Зачем, Кай уже не помнил, и это было совсем неважно.

Приветственные крики толпы смолкли. Стал слышен шелест листьев благоухающего у самых ворот каштана.

– Каetano, мальчик мой, наконец, – шепнул отец, поднял Кая с колен, обнял.

И тут же протянул руку Шуалейде – позволил ей поцеловать королевский перстень – и тоже привлек к себе, обнял. Всего миг он обнимал обоих своих детей, и Каю казалось: сейчас большой, любимый папа снова подбросит их обоих в воздух, поймает и закружит, и все будет хорошо. Всегда. Потому что они с Шу наконец-то дома.

А через секунду – ужасно короткую и невероятно прекрасную секунду – король развернул их обоих лицом к народу.

– Приветствуйте Каetano шера Суардиса, моего сына и вашего будущего короля! Приветствуйте Шуалейду Суардис, мою дочь и вашу принцессу!

Толпа взорвалась воплями, еще более громкими, чем раньше. И Кай впервые настоящему ощутил волну восторга и любви, исходящую от горожан. Эта волна щекотала, наполняла радостью и силой, и хотелось что-то очень хорошее сделать для этих людей.

– Это твой народ, мой мальчик, – тихо сказал отец, сжав его плечо. – Они уже любят тебя.

Кай хотел ответить что-нибудь значительное и подходящее к случаю, но не смог. Помешал комок в горле. И пустота в голове. Ни единого значительного и подходящего слова не осталось, все кончилось на приветственных речах. И ширхаб с ними!

– Спасибо, отец, – шепнул Кай одними губами.

Король, держа Кая и Шу за руки, повел их сквозь расступившийся строй придворных к парадному крыльцу Риль Суардиса. От сладких цветочных ароматов у Кая кружилась голова... а может, голова кружилась от счастья: он наконец-то вернулся домой, и дома его ждали!

Светлые резные колонны, цветные окна, круглая серебряная крыша со шпилем, высокие башни по концам крыльев, широкие ступени темно-синего мрамора – Риль Суардис словно всплывал из глубин памяти, только почему-то казался маленьким. Или же просто кто-то вырос за тринадцать лет так.

Кай снова глянул на отца – глаза в глаза. Вровень. Показалось, на ресницах короля что-то блеснуло... Но нет, вряд ли. Строгое, резкое лицо Тодора Суардиса не позволяло заподозрить его в слабости и слезах.

Зато слуги, столпившиеся по сторонам от парадного входа, слез и не скрывали. Кто-то из женщин даже всхлипывал и сморкался в платочек. Наверное, они помнили, как Кай и Шу покидали дворец – но вот Кай их не помнил. Совсем.

Что ж, у него будет масса времени, чтобы узнать свой дом и своих людей заново.

Кстати, Народный зал, начинающийся сразу за холлом, Кай помнил. Этот недостижимо высокий витражный потолок, мраморные статуи и воркование голубей не раз снились ему. Именно тут король остановился.

– Через два часа в кабинете, а пока отдыхайте, дети мои.

– Как будет угодно вашему величеству, – поклонился в ответ Кай.

Официальный тон отца больше не страшил его: все равно в морщинках вокруг глаз, в улыбке он видел ту же любовь и радость. И за эту улыбку он готов был справиться с любыми трудностями. Подумаешь, интриги и покушения! Да он выйдет один на один с Мертвым, лишь бы отец гордился им!

Король ушел, сопровождаемый Ристаной и толпой придворных. Кай и Шу остались в Народном зале – оглядываясь и заново привыкая к пространству и роскоши дворца.

– Извольте следовать за мной, ваше высочество, – напыщенно провещал барон Уго, отвечивая Каю церемонный поклон. – Ваши покои рядом с королевскими.

– А покои Шуалейды? – спросил Кай, не трогаясь с места.

– Для вашего высочества подготовлены покои королевы Зефриды, – так же церемонно поклонился Шуалейде барон Уго. – Если позволите, вас проводит мой помощник.

Шу прикусила губу, явно подавляя желание пойти вперед всех, досконально проверить покои Кая и на всякий случай остаться с ним. Каю тоже совершенно не хотелось расставаться с сестрой – в родном доме он не чувствовал себя в безопасности.

– Энрике, Зако и Мануэль будут с тобой, – сказала она, больше чтобы успокоиться самой,

чем для успокоения Кая. – Встретимся у его величества.

Кай лишь кивнул в ответ. На значительные, подходящие наследнику короны фразы уже не было никаких сил. Он устал так, что готов был рухнуть прямо здесь, на инкрустированные яшмой и опалом полы, и тут же уснуть.

Позволив барону Уго проводить себя и показать, где что находится, Кай велел всем покинуть комнату и упал на кровать. Ни расшитые шелком покрывала, ни расписные потолки, ни высокие, от пола до потолка окна с выходом на балкон, ни распространяющая умопомрачительные запахи еда не интересовали его так, как возможность хоть на полчаса закрыть глаза. Но Зако не позволил уснуть.

– Давай-ка, твое высочество, не расслабляйся раньше времени. В ванную и обедать.

Друг помог Каю избавиться от пропыленных, потных одежд и затолкал в роскошный бассейн, заменяющий ванну.

– А, шис! – заорал Кай, когда Зако направил на него струю ледяной воды из душа. – Ты что?!

Успевший и сам раздеться Зако только пожал плечами и сделал невинные глаза: мол, прости, так вышло.

После обливания холодной водой запах жареной дичи буквально вытащил Кая из бассейна. Зако выпрыгнул впереди него и устремился к накрытому на одну персону столу. Отсутствие второго прибора ничуть его не смутило – он схватил с ближайшей тарелки поджаристую птичью ножку и захрустел корочкой.

– Мм... вкусно, – промычал он, закатывая глаза.

Кай немедленно последовал его примеру: отломил вторую ножку и вгрызся в нее, напроць забыв о приборах, этикете и прочей ерунде.

Зако, как всегда, оказался прав. После купания и еды усталость отступила. К отцовскому кабинету Кай подошел снова готовым к подвигам и приключениям – и ни секунды не сомневаясь в том, что и того, и другого в ближайшее время будет в избытке, даже если со стороны жизнь наследника престола кажется сплошным медом.

Глава 11

Дом, милый дом

24 день холодных вод, Риль Суардис

Шуалейда шера Суардис

Зря Шу надеялась, что во дворце все будет так же просто, как в замке Ландеха или Угодель-Касте. Там она встречалась в основном со сторонниками Каetano или хотя бы не с его противниками. Здесь же, в родном доме, большая часть придворных смотрела на нее, как на угрозу собственному благополучию и благополучию Валанты. Ведь она и Каetano покушались на власть Ристаны, их кормилицы, благодетельницы и владычицы сердец.

Разумеется, не все придворные ее боялись и ненавидели, и не на всех придворных жмущаяся к ее ногам Морковка грозно скалила клыки. Один из ближней королевской свиты (истинный шер, третья «нижняя» категория, синяя водная аура) остался после ухода короля и подошел к ней, жестом велел помощнику сенешаля погодить и поклонился. На него, кстати, Морковка посмотрела почти благосклонно, хоть под руку и не полезла.

– Счастлив приветствовать ваше высочество в столице! Может быть, вы даже меня помните?

– Конечно же, герцог Альгредо, – улыбнулась Шу, протягивая ближайшему другу отца руку для поцелуя. – Помнится, вы рассказывали удивительно интересные истории!

Пока герцог рассыпался в комплиментах и восторгах, Шу кивала, почесывала Морковке ушки и разглядывала своего собеседника. Насколько она помнила, Альгредо был старше короля лет на пять, но выглядел намного моложе. Высокий, крепкий, хоть и полноватый, слегка лысеющий, но сохранивший естественный черный цвет шевелюры. Как и все придворные, кроме Бастерхази, одет по современной моде, в коричневый двубортный сюртук, из украшений лишь герцогский перстень-печатка и три амулета – два ментальных и один охранный. Хорошие амулеты, так просто не взломаешь.

– ...всегда готов служить вашему высочеству. Вы – истинная Суардис, и вы не представляете, как верные подданные короны счастливы вашему возвращению!

– Что-то я не очень замечаю счастья на этих лицах. – На самом деле Шу стоило некоторого труда не ежиться под взглядами придворных: несмотря на ментальные барьеры, их отношение она чувствовала кожей.

– А, пустое, – отмахнулся герцог. – Сисеры немножко побесятся и успокоятся, их интриги для вас, что сухие листья. Позвольте, я сопровожу вас. Наверняка вы утомились с дороги.

Шу позволила. Она надеялась, что Альгредо поделится хоть какой-то важной информацией. Может, для него дворцовые интриги и пустяк, а Шу пока в них ровным счетом ничего не понимала.

Но ее надежды почти не оправдались, если не считать просьбы Альгредо никогда, ни в коем случае не доверять темному шеру Бастерхази.

– ...ему не удалось совратить вашу матушку, и он удовольствовался вашей старшей сестрой. Но несмотря на его скандальную связь с Ристаной, я более чем уверен, сейчас он сосредоточит все силы на вашем высочестве. Не верьте Бастерхази, каким бы искренним он ни казался! Эти менталисты... простите, я не вас имел в виду... Просто всегда помните: темный шер никогда и ничего не делает для кого-то другого, только для себя. И никогда не открывает своих истинных целей. И если вам вдруг покажется, что вы его понимаете, тут же бейте тревогу и бегите! Потому что это значит только одно: ему удалось заморочить вам голову.

– Ему удалось заморочить голову вам, светлый шер?

– И не раз, ваше высочество. Увы, не поддаться тьме – сложная задача. Но я надеюсь, у вас получится лучше, чем у меня.

– Вы так в меня верите, что мне, право же, неловко.

– А, оставьте! Все мы знаем, что сейчас именно от вас зависит судьба Валанты. Его высочество Каетано, без сомнения, весьма разумный юноша, полный всяческих достоинств, но ваш дар – безусловное преимущество, а вы сами – самый ценный приз во всей этой игре.

– Не слишком приятно это слышать.

– Вы способны взглянуть правде в глаза, не так ли?

– Надеюсь. Так скажите же мне еще немного правды, шер Альгредо. Есть ли здесь хоть кто-то, для кого я – не приз?

– Разумеется, есть. Один-единственный человек.

– И кто же этот уникум?

– Вы сами, ваше высочество. О, вот мы и пришли. Смею надеяться, вам будет уютно в покоех вашей матушки.

Альгредо откланялся перед высокими дверьми из темного дерева, оставив Шу в компании Морковки, Бален, помощника сенешаля и дюжины фрейлин, с которыми за время дороги она так и не удосужилась познакомиться поближе.

– Ступайте, сиятельные, сегодня мне ваши услуги не потребуются.

Фрейлины дружно присели в реверансах и удалились, не скрывая облегчения. Жаль, ужасно жаль, что среди них не нашлось никого, с кем Шу захотелось бы сблизиться. Или хотя бы с кем ей интересно было бы поговорить. Но она обязательно найдет себе кого-нибудь в свиту, кто не будет ее бояться и станет интересоваться хоть чем-то, кроме женихов и мод. Потом.

– Покои вашего высочества, – объявил щуплый, лысый, разряженный в бархат и кружева помощник сенешаля, не забыв покоситься на так и льнушую к ногам Шу рысь.

Судя по его гордому тону, внутри Шу ожидали как минимум сокровища сашмирских султанов. Однако почему-то ей отчаянно не хотелось переступать порог. Даже заглядывать в покои и то не хотелось.

Странно, почему? Еще более странно, что Морковка не задрала хвост и не рванула исследовать новое место, а прижала уши и зашипела.

Первой в покои зашла Бален. Ей полагалось проверить комнаты на безопасность, прежде чем пускать в них Шуалейду. На эту тему Шу даже изрядно поспорила с ней и Энрике, но отступила под давлением неоспоримого аргумента: если Бален попадет в ловушку, Шу ее вытащит. А вот наоборот будет намного сложнее.

Ровно через секунду после того, как Бален переступила порог, послышалось сердитое шипение, а еще через секунду – чих. Шу вскинулась и, не обращая внимания на растерянного сишера, влетела в комнату. И тут же чихнула. Пыль, пыль и снова пыль! Как будто в этой комнате собралась вся пыль Риль Суардиса, да что там, всей Валанты!

– Выйди, я открою окна, – велела Бален, и Шу подчинилась.

Шагнула обратно, едва не сбив с ног помощника сенешаля, еще раз чихнула и гневно на него уставилась, поднимая вокруг себя вихрь: проклятая пыль теперь покрывала ее саму с ног до головы.

- Что за ширхабовы песни?! А-апчхи!

Беднягу сишера чуть не сбило с ног и тоже обдало пылью. И его, и притаившуюся у двери рысь. Она, обиженно чихая, тут же удрала в конец галереи и спряталась от пыльного безобразия за кадку с пальмой. А бедняга сишер удрать не мог и теперь чихал как заведенный, утирался кружевным платком и как заведенный же кланялся и извинялся, извинялся и кланялся:

- Не знаю, ваше высочество, апчхи! Простите, ваше... апчхи!.. высочество, здесь сейчас же приберут, ваше высочество! Апчхи! Я не виноват, ваше высочество! А-апчхи-чхи-чхи!

- А кто? Как вы посмели привести меня в этот... апчхи! В этот кошмар! - потеряв несчастный нос, Шу сделала в носу воздушный фильтр, не пропускающий пыль. Отвратительное свербение и щекотка в горле тут же прекратились.

- Я не знаю, ваше высочество! Сегодня утром здесь было чисто! Клянусь, ваше высочество, я ни при чем!

- Так кто при чем? Кто вам приказал сделать это, Ристана?..

Ну кто ж еще-то! Если не удалось убить Кая, так хоть мелко напакостить, чтобы деморализовать противника! А может быть, и не только мелко напакостить, но и испортить отношения Шу с сенешалем. Окончательно испортить. Он и так смотрит на младшую дочь короля как на божеское наказание.

- Я ни при чем, ваше высочество! - Сишер чуть не рыдал от страха.

- Не пугай бедняжку. - Из комнаты вышла Бален, посеревшая от пыли и со слезящимися глазами, но уже не чихающая. - Сиятельный бы не смог сотворить такого непотребства. Только истинный шер, воздушник.

- Шер воздуха?.. - переспросила Шу, и тут же ее осенило. - Конечно, она приказала Бастерхази! Хиссов сын! Ну-ка, скажите мне, сишер, а не заходили ли сюда их темность?

- Заходили! - радостно закивал сишер: нашлось, на кого спихнуть вину. - Сегодня и заходили!

Правда, кивать и радоваться тут же перестал, а вместо этого попятился. Несмотря на ментальные амулеты, до Шу донеслась его паническая мысль: только бы Бастерхази не узнал, что я показал на него! О боги, только не обозленный Бастерхази! О боги, что это?!

- Бастерхас-си... - прошипела Бален из-за спины Шу.

Шу оглянулась - и поняла, почему бедняга сишер побледнел еще сильнее и даже позабыл про ужасного Бастерхази. Зеленые светящиеся глаза, оскаленные клыки, волосы дыбом во все стороны и кривые кинжалы в обеих руках Бален произвели на него неизгладимое впечатление. На Шу - тоже.

- Не пугай бедняжку, - усмехнулась она, повторяя слова самой Бален. - Подумаешь, пыль. Глупости. Ерунда. Шутки, подходящие деревенскому дурачку! Я была о Бастерхази лучшего мнения!

Решительно шагнув в комнату, Шу потоком воздуха выгнала пыль в раскрытые окна. А потом прошла еще раз, и еще... Но странное дело, комната так и оставалась серой! И некогда зеленые обои с растительным орнаментом, и секретер светлого дерева, и шелковая обивка кресел и диванов, даже расписной потолок, и тот был гнусно-серым, словно пыль въелась намертво.

- Я не понимаю... - пробормотала Шу, устало падая на одно из серых кресел и щупая резной бук кончиками пальцев. - Здесь нет ничего опасного, да вообще ничего активного. Но пыль... или это не пыль?

Бален, осматривающая и обнюхивающая оконную раму, по-солдатски емко пояснила, что это не пыль, а ширхаб знает что. Возможно, зуржье дерьмо.

Шу попробовала применить к соседнему креслу те же самые бытовые заклинания, что

помогали ей с платьями – цвет, форма, фактура... И ничего не вышло. Стихийные потоки соскользнули с дерева и ткани, ничего не изменив. Разозлившись, Шу попробовала еще раз, не трогая суть предмета, только наложением иллюзии – и это сработало. Теперь кресло выглядело так же, как любимое кресло Бертрана, стоящее в его кабинете. Вот только прикинув, сколько сил и времени придется потратить на иллюзии, чтобы вся комната стала похожей на человеческое жилье, а не обитель пыльных демонов, Шу пришла в ужас.

– Не стоит, – сказала Белочка, рухнув в «кресло Бертрана». – Будем смотреть, что в других комнатах? Их, если не ошибаюсь, три.

– Не будем, – покачала головой Шу и позвала: – Сиятельный шер, вы тут? Как ваше имя, напомните!

– Здесь, ваше высочество. – Бледный сишер бочком вошел в гостиную и остановился у порога. – Шер Вондьяс, если позволите.

– Так, говорите, утром здесь все было?..

– Идеально, ваше высочество! Новая обивка, навощенный паркет, свежие цветы в вазах! Фрески на потолке обновлял лучший придворный мастер! Ни единой пылинки, Двоединые не дадут соврать! Я лично проверял, ваше высочество, лично!..

– Тише, тише, шер Вондьяс. Я вам верю.

– Если ваше высочество прикажет, я сию же секунду позову темного шера Бастерхази, пусть исправляет это... это...

Сишер так явственно представил, как отомстит шер Бастерхази, если его позвать, что едва не упал в обморок. А Шу мысленно поставила плюс к словам Альгредо: темному шеру доверять нельзя.

– Нет, – милосердно оборвала шера Вондьяса Шу. – Я не желаю, чтобы в мои комнаты заходил шер Бастерхази. И оставаться здесь я тоже не желаю.

– Но... ваше высочество... – у сишера сделались совершенно несчастные глаза, – это единственные достойные вас покои... ох, простите...

– Достойные? – Шу поморщилась, еще раз оглядев серые стены. – Найдите недостойные, только чистые и светлые.

– А... как же... – сишер нервно сглотнул, – что скажет барон Уго...

– ...если узнает, что нашему высочеству приходится жить в этом ужасе? Думаю, ничего хорошего. Но ведь барон Уго не так страшен, как шер Бастерхази?

– А... что ваше высочество... при чем тут... вовсе не страшен, нет! – отчаянно соврал сишер.

– Вот и правильно. Не надо бояться...

– ...того, кого здесь нет, – продолжила за ней Бален и покрутила в пальцах кривой кинжал. – Ее высочество желает другие покои.

Сишер мелко закивал, не отрывая взгляда от кинжала в руках Бален. Его паника снесла напрочь все ментальные амулеты, и теперь Шу видела его поверхностные мысли совершенно ясно. Сейчас сишер прикидывал, удастся ли ему выйти отсюда живым, и сожалел, что не ушел в отставку два года назад.

– Есть покои рядом с библиотекой, две комнаты, там только мебель заменить...

Образ маленьких комнаток со щелястыми окнами и рассохшейся кроватью Шу не вдохновил, и она покачала головой.

– Не годится. Еще? – потребовала Бален.

– Гостиные... – обрадовался было сишер, припомнив большие и светлые комнаты с видом

на парк, но тут же в ужасе погас, – их приготовили для его высочества Люкреса... но если ваше высочество желает...

– Желает! – кивнула Бален и для убедительности уронила кинжал так, что он вонзился в паркет на половину длины лезвия.

Сишер тут же перестал бояться того, что скажет барон Уго и принялся бояться бешеной дикарки с клыками.

– Конечно, ваше вы...

– Нет, – оборвала его Шу. – Комнаты его высочества я занимать не стану.

– Почему это? – нахмурилась Бален.

– Потому это! – Шу надменно задрала нос и сунулась обратно в мысли шера Вондьяса.

– Ну как знаешь, – пожала плечами Бален.

Ничего особо интересного в образах, мелькающих в его голове, не находилось... хотя нет! Нашлось! Образ торчащей, как гвоздь в сапоге, башни Заката. Запертой на все замки, позабытой башни, которую все, кому здравый рассудок дорог, обходят стороной. Даже шер Бастерхази, чтоб его наконец Хисс побрал!

– Еще как знаю! – обрубив ментальную связь так резко, что у самой закружилась голова, Шу откинулась на подголовник кресла и мечтательно уставилась в серый потолок с едва проступающей росписью. – Я возьму себе башню Заката. Мамину башню!

– Ты с ума сошла? – вежливо поинтересовалась Баль.

«Она с ума сошла!» – очень отчетливо подумал шер Вондьяс.

– Нельзя сойти с того, что гвоздями приколочено, – усмехнулась Шу. – Место, куда не рискует соваться сам Бастерхази, что может быть лучше? Слышите, сиятельный шер? Скажите барону Уго, пусть даст ключи от башни. И пусть без меня туда никто не заходит, хватит сюрпризов.

– Туда невозможно зайти, ваше высочество, даже с ключами. Прошу вас, возьмите покой в восточном крыле! Мы приготовим для его высочества Люкреса другие, нам хватит суток. Прошу, ваше высочество!..

– Не волнуйтесь так, шер Вондьяс. Барон Уго не станет вас ругать за то, что вы сказали мне о западной башне. Вы же не говорили, не так ли?

– Не говорил...

– Правильно. Я сама решила их взять. Вы меня уговаривали одуматься, а я не уговорила. Так?

– Так...

– Вот и хорошо. Вы ни в чем не виноваты.

– Не виноват... ваше высочество... без приказа короля нельзя...

– Приказ короля будет. Так и скажите барону Уго, что король прикажет открыть для меня башню Заката. Сегодня я останусь тут... может быть. В общем, ступайте, сишер, и велите немедленно подать нам обед. Немедленно, вы поняли?

– Понял, ваше высочество. Сию секунду!

Кланяясь, сишер попятился к двери, промахнулся и едва не свалился на пол. Но все же, неловко нашаривая позади себя дверь и извиняясь, вышел. И дверь прикрыл.

– Ментальное воздействие третьего порядка. Тебе не ай-ай-ай? – вытащившая свой кинжал из паркета Бален с любопытством наблюдала, как затягивается дыра в полу.

- Не ай-ай-ай.

Шу было не до дыры в полу и не до уровней ментального воздействия. Ей отчаянно хотелось есть и спать. Или спать и есть. В любой последовательности. Но надо было приводить себя в порядок и идти к отцу через...

Она огляделась, но часов в гостиной не нашла.

- У нас час с небольшим, - сказала Бален, глянув на клонящееся к горизонту солнце. - Предлагаю наплевать на серость, принять ванну и поесть. А там видно будет.

- Отличный план, мой генерал! - с фальшивой бодростью отозвалась Шу. - Добавить к нему полчаса сна, и будет просто гениальный план!

- Ладно-ладно, спи. Через полчаса разбужу, а пока гляну, что там у нас в гардеро...

Последнее слово потонуло в шелесте прибоя, уносящего Шу к прекрасным светлым снам о прекрасном светлом принце Люка, которого она увидит совсем-совсем скоро.

Глава 12

Кошка и любопытство

24 день холодных вод, Риль Суардис

Шуалейда шера Суардис

Через час с небольшим Шуалейда вместе с Бален зашли в королевский кабинет. Платья на них были те же самые, что и в дороге – по словам Бален, на приготовленный для Шу гардероб даже смотреть не стоило, чтобы не расстраиваться. Ничего. Бытовых заклинаний хватило, чтобы измятое и пропыленное платье стало как новенькое, а с переменной туалета можно разобраться потом.

Их уже ждали. Во главе стола расположился отец – он о чем-то тихо переговаривался с Каetano, выглядя при этом довольным жизнью. Судя по улыбке Кая и упоминанию Мануэля Наба, они обсуждали путешествие из Сойки и новых друзей Кая. Рядом с ним по обыкновению сел Зако. Следом за ним – полковник Бертран Альбарра. Он первым поднялся и поклонился, приветствуя Шуалейду. Поднялись и все прочие, кроме короля.

– Прошу, ваше высочество, – указал ей на место между собой и королем герцог Альгредо, расположившийся напротив Бертрана.

По другую руку от него поднялся с места Энрике. Его спокойная улыбка говорила о том, что Кая никакие сюрпризы от сладкой парочки Ристана-Бастерхази не коснулись, и в целом с безопасностью наследника пока все хорошо.

– Ты помнишь Урмано, девочка моя? – спросил отец, едва Шу села в кресло по левую руку от него.

Бален заняла место с краю, рядом с Энрике.

– Конечно, отец. Мы с герцогом Альгредо уже возобновили знакомство.

– Прекрасно, – кивнул король. – Итак, все в сборе. Начнем с дел прошлых. Бертран, теперь ты расскажи, что же произошло в замке Ландеха?

Шу под столом сцепила пальцы в замок. Только бы Бертрану не пришло в голову поделиться своими подозрениями! Разумеется, о покушении ему не сказали – даже Зако пришлось молчать. Но Бертран не дурак, он прекрасно понял, что суета вокруг барона Наба и его сына была не только ради пополнения свиты Каetano верным вассалом.

– Досадная небрежность моего сына, ваше величество, чуть не повлекла за собой гибель младшего шера Наба, – укоризненно поглядев на Шуалейду, сказал Бертран. От него снова тянуло досадой и беспокойством, но уже не так сильно, как сразу после общего наглого вранья в глаза. – Ее высочество исцелила юношу, но у барона Наба случился нервический припадок от беспокойства за наследника. Вскрылись кое-какие его неприглядные делишки, ничего, что могло бы угрожать безопасности короны, поэтому их высочества отослали барона в поместье. Все прочее – мелкие шалости их высочеств и выдумки газетчиков.

Шу выдохнула. Ура, Бертран озвучил официальную версию и даже не попросился в отставку, как грозился в замке Ландеха! Мол, если ему нельзя знать правду – значит, он не годится на должность главы лейб-гвардии наследника.

Интересно, что он рассказал Альгредо? Хотя тому наверняка обо всем доложил Энрике, ведь Магбезопасность и внутренняя СБ Валанты работают в тесном сотрудничестве. Кажется. Наверное. Что у них за игры между конторами, Шу даже предполагать не хотелось. Главное, никто не стал тревожить короля недоказанными подозрениями в адрес Ристаны и угрозой жизни наследника. Спасибо Сестре за эту милость.

- Ты уверен, что Ландеха благонадежен? Его интервью было... - Король поморщился.

- Словами экзальтированного идиота, - продолжил за королем Альгредо.

- Граф Ландеха под наблюдением, - ответил на королевский вопрос Бертран. - Капитан Герашан уже об этом позаботился.

- Кстати, я бы рекомендовал одну из дочерей графа взять в свиту принцессы. - Альгредо перевел взгляд на Шуалейду. - Это в случае прогрессирующего идиотизма поможет графу держаться в рамках.

Король только покачал головой, явно сомневаясь, может ли хоть что-то удержат человека от идиотизма.

- Что ж, шера Ландеха ничем не хуже всех тех, кто сейчас называется моими фрейлинами, - отозвалась Шу.

- Неужели все так плохо, дочь моя?

- Не то чтобы плохо... - Шу отвела глаза, не желая ныть. - Я просто не привыкла.

- Думаю, по крайней мере одна из будущих фрейлин тебя порадует. Урмано, хватит твоей дочери отсиживаться дома.

Альгредо не выглядел обрадованным такой честью, и Шуалейда его очень понимала: нормальной юной шере, озабоченной поисками жениха и нарядами, рядом с сумрачной колдуньей не слишком-то весело. Но с другой стороны, шера Альгредо хотя бы не станет интриговать против Шу, докладывать Ристане и вступать в заговоры. Должен же быть рядом хоть кто-то, кому можно доверять. В пределах разумного, само собой.

- Уверена, мы найдем общий язык, - кивнула Шу. - Разумеется, если шера Альгредо сама пожелает стать моей фрейлиной.

- Я представлю вашему высочеству свою дочь на Весеннем балу, если не возражаете. Она несколько младше остальных ваших дам, ей еще нет четырнадцати.

- Право, это совершенно неважно, - махнул рукой король. - Таис - чудесная милая девочка. Урмано, наши дети непременно подружатся!

- Конечно, отец. - Шу постаралась сказать это спокойно и уверенно, хотя уверенности вовсе не ощущала.

Сам Альгредо ей нравился как минимум смелостью и честностью. И своим отношением к королю - тоже. Возможно, снять перед встречей ментальные амулеты было хитрым планом, но Шу предпочитала не лезть в дебри паранойи. Она просто считала его эмоции и кое-какие поверхностные мысли, включая опасение за Таис и... ой, вот это неожиданность! Что за предсказания Светлейшего? Откуда? Полковник Дюбрайн сказал, надо же... Значит, брак Кая и Таис, вот почему отец настаивает на новой фрейлине. Ему понравилась идея. А Каю, получается, пока не говорят. Что ж, логично. Кай - упрямец, каких поискать. И упаси Светлая, чтобы ему показалось, что его к чему-то принуждают.

Кое-какие еще образы из сознания Альгредо она отложила на потом. Обдумать на досуге. Пока же ей было достаточно уверенности в том, что герцог ставит благополучие короля и его наследника выше собственного и скорее умрет, чем предаст друга.

Пока Шу отвлеклась на размышления о Кае и Таис, отец, кажется, о чем-то Кая спросил. Вроде бы о комнатах. По крайней мере, брат уже делился восторгами со всей своей детской непосредственностью.

- А ты довольна ли, Шуалейда? - спросил отец ее.

Шу очень хотелось сказать правду о проделках Ристаны и Бастерхази, но волновать отца такой ерундой - категорически нельзя. Категорически! Поэтому Шу постаралась улыбнуться как можно непринужденнее.

- Из окон прекрасный вид, отец.

– Что-то не так, девочка моя? – забеспокоился король. – Может быть, тебе не по вкусу мебель или фрески?

– О, мебель и фрески произвели на меня неизгладимое впечатление, – сказала она чистую правду. – Но если вы позволите, я хочу другие покои. Тут... – Шу замялась, пытаясь придумать нейтральную отговорку. – Тут...

Отец не дал ей закончить. Он погрузился, сгорбился и вздохнул:

– Я понимаю, девочка моя. Прости, как же я сразу не подумал, что тебе будет нелегко жить там, где... твоя мать...

Он даже не смог произнести вслух «умерла», а Шуaleyду окатило такой волной тоски и одиночества, что она вздрогнула.

– Не беспокойтесь, отец, я понимаю, вы хотели порадовать меня. Просто я займу другие покои, хорошо?

– Конечно, девочка моя. Бертран, распорядись, пусть барон Уго подыщет что-нибудь удобное и достойное моей дочери.

– Будет исполнено, ваше величество.

– О, не стоит беспокоить любезного барона, отец. Я уже выбрала себе другие комнаты. Правда, там потребуются некоторые переделки... наверное... – совсем тихо и скромно закончила она.

– Конечно. Занимай любые покои, которые тебе понравятся. Распоряжайся как хочешь, это же твой дом! Все счета пусть присылают казначею.

– Благодарю вас, отец! – просияла Шу, мысленно попросив прощения у Светлой за умолчание. Ведь умолчание – не ложь, а волновать отца совсем-совсем не нужно. – И счета за платья тоже?

– Разумеется. На твое содержание положено пять тысяч золотых в год. Надеюсь, этого хватит на девичьи капризы?

– Конечно, – неуверенно ответила Шу.

Она понятия не имела, сколько это – пять тысяч империалов. Единственная ее крупная покупка обошлась ей всего в пять, и то было очень давно и не в магазине. В общем, неважно. Она разберется потом.

– На счету вашего высочества в Первом Гномьем банке около пятидесяти тысяч, – уточнил Альгредо. – Как только пожелаете, отчеты управляющего будут предоставлены в распоряжение вашего высочества.

– Драгоценности матери тоже твои, Шуaleyда, – опередил ее просьбу отец. – Они хранятся у меня... – Он замялся, и на Шу опять дохнуло тоской по ушедшей возлюбленной. – Ты можешь брать их, когда пожелаешь. А это тебе к балу.

Отец протянул обитую бархатом коробочку. Шу сдержала нервный смех: цвета коробочка была нежно-розового, самого модного в этом сезоне. Как наряды юных шер Ландеха и еще нескольких десятков юных шер, включая ее собственных фрейлин. А внутри наверняка жемчуга, как и подобает невинной юной шере.

– Какие чудесные жемчуга! – восторженно ахнула она, доставая ожерелье и серьги. – Спасибо, отец! Я непременно закажу подходящее к ним платье. А на бал можно мне мамины сапфиры? Вот эти, в белом золоте. – Шу кивнула на висящий над столом портрет матери: юной, красивой, счастливой.

– Сапфиры с розовым? – удивился король.

– Видите ли, отец, то платье мне не подходит. – Что за розовое платье имел в виду отец, она понятия не имела, но догадывалась, что именно на него Бален советовала не смотреть. – На бал я надену другое, к нему как раз отлично подойдут сапфиры. Вам

понравится, обещаю.

Отец покачал головой и взглянул на портрет королевы. Удивление, гордость, страх и радость мешались в его ауре. Дочь так походила на мать и на него самого! И снова его тоска по жене окатила Шу: боги, как же не вовремя вы забрали мою Зефриду!

– Когда же ваше высочество успели заказать новые платья? – усмехнулся Альгредо, отвлекая короля от печальных мыслей. – Найти портниху перед самым балом, не выходя из дворца – подвиг, достойный великих магистров.

– Я всего лишь учусь, светлый шер, – лукаво потупилась Шу.

И, наплевав на требования этикета и закона, потянула за краешек отцовской тоски, словно та была укутывающей его простыней... нет, скорее саваном. Тоска убивала отца вернее любого яда. Так что если Шу сможет ее забрать, заберет. А если кто-то посмеет хоть что-то сказать о неподобающем поведении юной шерсти...

Что тогда, она не додумала. Покров тоски поддался, разорвался с оглушительным треском, и Шу показалось, что она падает, потеряв равновесие, падает и падает... Голова закружилась так сильно, что пришлось ухватиться за подлокотники кресла. Зато отец, о чудо, снова улыбался! Даже плечи распрямились и словно бы морщины разгладились.

– Не сомневаюсь, ваше высочество весьма усердная ученица. Не изволите ли, начиная с завтрашнего утра, присоединиться к нашим занятиям с его высочеством и шером Альбарра? Возможно, вам будет интересно.

– С удовольствием, шер Альгредо.

Какие такие занятия, она прослушала, но это было совершенно неважно. У нее получилось! Отец улыбался! Правда, длилось это недолго, лишь пока он обсуждал с Каetano его присутствие на советах и будущие уроки. Их планировалось какое-то невероятное количество, словно отец задался целью научить Каetano править королевством за ближайшие три месяца.

Закончив с планами занятий и дав сыну разрешение самому выбирать юных шеров в свиту, отец перешел к самому главному. Что это главное, Шу сразу же поняла по тому, как сдвинулись седые брови.

– Завтра прибывает его высочество Люкрес Брайнон, герцог Бразье. Я слышал, ты переписываешься с ним, дочь моя?

Настороженные взгляды всех присутствующих немедленно обратились к Шу, и читалось в них одно и то же: неодобрение. Разве что Каetano не хмурился при упоминании Люка, он доверял Шу и плану, ими же вдвоем и придуманному.

– Да, я переписываюсь с его высочеством, – ответила Шу как можно нейтральнее и на всякий случай подняла все ментальные щиты. Не надо пока отцу знать о ее истинных чувствах к светлому шеру Люка.

– И что ты можешь сказать о нем?

– У его высочества весьма насыщенная и увлекательная жизнь, отец. Он замечательный рассказчик и галантный кавалер.

– Ты же понимаешь, что меня интересует другое, дочь моя. – Отец нахмурился сильнее, став похожим на Эстебано Кровавого с портрета в приемной.

О да. Шу прекрасно понимала, что интересует отца и герцога Альгредо, сверлящего ее взглядом. Тем более что эмоции и мысли герцога были как на ладони, ментальные амулеты он так и не надел, предпочитая разговор в открытую.

– Его высочество Люкрес не претендует на Валанту, – уверенно заявила она. – Нашей семье с его стороны ничто не угрожает. Напротив, когда придет время, он поддержит Каetano. Тебе совершенно нечего опасаться, отец. Его высочество – истинно светлый шер...

«И любит меня, а не корону Валанты», – хотелось сказать ей, но она промолчала. Вряд ли сейчас ей кто-то поверит. Но ничего. Когда отец и Альгредо познакомятся с Люка лично, они убедятся в ее правоте.

– Доверие вашего высочества светлому дару прекрасно, – сказал Альгредо, подразумевая «наивно и опасно». – Однако светлый дар вовсе не гарантия чести, верности или доброты. Об этом не пишут в газетах, но ваше высочество должны знать: ее величество Зефриду погубил именно светлый шер. Полномочный представитель Конвента, светлый шер Кельмах. Тот, кто клялся служить закону, порядку и равновесию.

– Я знаю, – невозмутимо кивнула Шу, мысленно поблагодарив шера Бастерхази, рассказавшего ей эту историю, – и не полагаюсь лишь на принадлежность дара.

– Надеюсь на это, – перехватил нить разговора отец. – И вижу, ты намереваешься ответить согласием на его предложение.

– Отец...

«Я спокойна. Я идеально спокойна. Как море в ясный полдень. Я совсем-совсем не злюсь на давление. Умна сон-н-н...»

– Понимаю, отказаться от светлого шера и наследника империи для любой юной шеры совершенно невозможно, – продолжил отец ее увещевать. – Но я прошу тебя не торопиться. Ты – принцесса самого богатого королевства империи, к тебе сватаются достойнейшие шеры со всей Тверди. Оглядишься, познакомишься с другими претендентами. Не связывай себя обязательствами с первым, кто постарался тебя очаровать...

Первым? О, отец, если бы ты знал, что первым был вовсе не Люка, а шер Бастерхази! И ему почти удалось! Очаровать, соблазнить и почти добиться обещания... чего? Шу могла только гадать, чего на самом деле хотел шер Бастерхази. Вряд ли брака с ней, такой наглости бы ему не простил не только король Валанты, но и Конвент Магистров. Или простил бы? Боги, как же все непросто!

А в словах отца без сомнения есть резон. Посмотреть на других шеров нужно, даже необходимо. Посмотреть – и убедиться, что Люка лучше всех. Не может быть иначе...

Поймав скользнувшую по ее губам мечтательную улыбку, герцог Альгредо нахмурился. От него дохнуло досадой и агрессией: он не собирался так просто сдавать позиции этому... Образ Люка в его голове совершенно не походил на того Люка, которого знала Шу. Это потому что Альгредо не знаком с ним лично, нельзя верить только тому, что пишут в газетах!

– Я не тороплюсь, отец, – как можно мягче сказала Шу, задавив желание сейчас же встать и уйти от этого бессмысленного разговора.

– Очень на это надеюсь, дочь моя. Сейчас тебе может казаться, что ты встретила истинную любовь. Что твои чувства взаимны и Светлая благословила ваш союз. – Отец печально покачал головой и кинул взгляд на портрет покойной жены. – Если это так, твой принц дождется твоего согласия и через год, и через десять. А если нет? Если он окажется совсем не тем человеком, которого ты представляешь себе сейчас? Дай себе время, Шу. Я верю, ты достаточно умна и достаточно сильна, чтобы не позволить даже кронпринцу вертеть собой.

С каждым словом желание прекратить этот разговор крепло. Не то чтобы отец сильно давил, нет. Он говорил разумные вещи. Шу действительно не позволит никому вертеть собой, даже Люка. Но... почему отец считает, что вертеть ей сумеет он сам?! Нет уж. Она достаточно умна и сильна, чтобы сделать правильный выбор.

– Значит, ты не запрещаешь мне? – чуть помолчав после монолога отца, просто чтобы не сорваться, спросила Шу.

Эмоции герцога Альгредо просто кричали: нет, нельзя, ни за что нельзя! Остановись, смертельная опасность! Они были так сильны, что Шу казалось: ее сейчас схватят за шкирку и оттащат от Люка, как Морковку от крысиного яда. Но она – не Морковка! И Люка – не яд! Он – светлый шер, самый лучший на свете, самый нежный, самый умный, самый... самый ее!

- О нет. Запрещать тебе что-то глупо. - Отец мягко улыбнулся, и волна чужих эмоций чуть схлынула. - Ты настоящая Суардис, поэтому в любом случае поступишь по-своему. Я внимательно читал отчеты Бертрана.

Жар прилил к щекам. Да уж, отчеты полковника Бертрана об их с Каетано проделках наверняка прибавили отцу седых волос. Но... но это не повод! И вообще, как-то отец слишком мягок. Он же уверен, что брак с Люка - это верная смерть для него, Кая и Ристаны. Или не отец, а Альгредо? Такое впечатление, что они думают и чувствуют вместе. Очень странное впечатление, трудно разобраться с непривычки...

- Мне нужно все хорошо обдумать, отец. Как ты сам сказал, следует вначале оглядеться и рассмотреть различные возможности, - собрав волю в кулак, Шу сумела выдать разумный и взвешенный ответ. Именно такой, которого от нее ждали. То есть желали-то однозначного отказа от брака, но отказываться от Люка она не собирается. Ни за что! - В любом случае я еще не получила Цветную грамоту, а его высочество еще не приехал.

- Ваше высочество совершенно правы. Серьезное решение следует серьезно обдумать, а для этого вам нужна максимально полная информация, - ровным тоном, но с ощущением «добивающего удара» сказал Альгредо и подвинул к Шу толстую папку, до того лежавшую перед ним. - Прочитайте, если возникнут вопросы, я отвечу. Это копии протоколов и сводок Магбезопасности, сделанные лично полковником Дюбрайном. Подлинность заверена его личной печатью. Разумеется, их не следует видеть никому, кроме тех, кто сейчас находится в этом кабинете. И я бы очень попросил вас не рассказывать о существовании этой папки их высочеству, полковник Дюбрайн сделал Валанте личное одолжение, выходящее за рамки служебных полномочий.

При взгляде на эту папку у Шу поднялись дыбом все волоски на теле, словно она - рысь, унюхавшая горного медведя. Да что там медведя, минимум бешеного мантикора. И почему-то этот бешеный мантикор носил звание полковника МБ и фамилию Дюбрайн.

- Вы невероятно любезны, светлый шер, - ответила она сразу и Альгредо, и отсутствующему Дюбрайну.

Она очень старалась не шипеть, как все та же рысь, но у нее не очень-то получилось. По крайней мере, отец сокрушенно покачал головой и накрыл ее руку своей.

- Ты - Суардис. Ты можешь смотреть в лицо правде, - почти дословно повторил он фразу Альгредо, сказанную всего пару часов назад.

- Я - Суардис, отец. Я поступлю правильно, - кивнула она и взяла папку в руки.

Тисненая кожа жгла, словно была облита кислотой, а от мысли заглянуть в эту папку Шу начинало тошнить. Возможно, потому что шер Альгредо отлично знал ее содержимое, а Шу не могла до конца закрыться от его мыслей и эмоций. Не могла... или не хотела? Ведь ей не обязательно читать эту папку. Она может просто бросить ее в камин. И не узнать правды?! О да, Альгредо отлично все рассчитал. Любопытство всегда было сильнее кошки.

Глава 13

Сам себе ушастый гоблин

24 день холодных вод, Риль Суардис

Шуалейда шера Суардис

Разумеется, первым вопросом Кая, едва они покинули кабинет отца, было:

– Покажешь?

Шу очень хотелось в ответ зарычать и шелкнуть зубами, но она же не дикое неразумное животное! Так что она просто крепче прижала ширхабом нюханную папку к груди и предложила в ответ:

– Читать будем у тебя. У меня там... пфе!

– Так что у тебя там? – Глаза братишки горели нездоровым любопытством.

– Фрески, – фыркнула Шу.

– А, фрески – это серьезно, – покивал Кай с видом «ни на динг тебе не верю».

– Ладно, можешь посмотреть сам. Ты ж все равно не отстанешь.

Их королевское высочество с важным видом кивнули, подтверждая: не отстанет ни за что! Суардис он или кто?!

Оглядев выцветшие до полной серости и снова припорошенные пылью покои, Кай выругался от восхищения и принялся допытываться у Шу и Энрике, что это такое? Внятного ответа не получил, потому что его не было в принципе. И вынес логичный вердикт:

– Бастерхази!

– На месте вашего высочества я бы не был так уверен, – неожиданно заявил Энрике.

– Ты заступаешься за темного? Энрике, ты заболел и у тебя жар! – Кай потянулся пощупать лоб своего капитана.

– Боюсь, это не я заболел, – покачал головой тот, не став уворачиваться: хочет принц дурить, пусть дурит, лишь бы без вреда для здоровья. – Это ваше высочество игнорирует факты и притягивает за уши самую простую версию. Скажите-ка, ваши высочества, а видите ли вы в этом воздействии следы тьмы или огня?

– Нет, – задумчиво отозвалась Шу, заново приглядываясь и пробуя на вкус следы пыльной магии. – Ни света, ни тьмы, ни огня. Только воздух и что-то еще... я не знаю, что это такое!

– Я тоже не знаю. Следовательно, если мы спишем все на Бастерхази и прозеваем у себя под носом нечто неизвестное, но определенно могущественное и наверняка опасное, кто нам будет гоблин ушастый?

Кай на гоблина ушастого обиженно фыркнул, а Шу спросила:

– Но кто это может быть?

– Понятия не имею. Я вас предупреждал, что учеба закончилась и началась реальная жизнь? Вот она, познакомьтесь. Кстати, ты совершенно права, ночевать здесь нельзя. Кто бы ни подготовил этот подарочек, не делай ему ответного. Да, и ты не сказала, какие именно покои уже успела присмотреть, твое сумрачное высочество. Надеюсь, не башню

Рассвета?

- Ну что ты, Энрике, - потупилась Шу и едва не сделала ножкой. - Разве ж я посмею выгонять из нее нашего почтенного придворного магистра!

- Ты? Посмеешь. Но не переводи тему.

- А ты обещаю, что не будешь меня отговаривать. - Шу прямо и серьезно посмотрела ему в глаза. - Я знаю, что это выглядит как сумасшествие, но мне нужно туда попасть. Я чувствую... просто чувствую, понимаешь?

- Туда - это куда? - не выдержал увиливаний Кай.

- Посмотрите на вашу сестру и угадайте с одного раза, ваше высочество, - хмыкнул Энрике.

- С одного?.. Шу... Нет, не может быть! Ты же не собираешься жить в башне Заката?! Ты с ума сошла!

Шу лишь пожала плечами.

- Не хочу оставаться здесь ни секунды. Пойдем уже к тебе, посмотрим наконец эту папку, мой любопытный братик.

Прочитав первые протоколы и просмотрев мнемокристаллы из папки, Шу даже порадовалась, что не одна. На глазах у Кая и всей честной компании плакать, орать и швыряться мебелью было как-то неловко. А хотелось. Очень. Потому что ее обманули.

Не содержимым папки, нет. В достоверности свидетельских показаний, протоколов и отчетов она не сомневалась, все они были заверены магической печатью МБ, а слитую в мнемокристаллы память подделать невозможно в принципе.

Зато можно обмануть глупую, наивную и доверчивую девчонку, и плевать, что она - менталистка! Его высочеству Люкресу это удалось.

Потому что вчера - боги, это было всего лишь вчера! - Шу видела совсем другого человека. Ничего общего с тем, о котором говорилось в папке.

Тот Люкрес, который писал ей письма, тот, который целовал ее в саду Уго-дель-Риу и даже тот, кто дрался на кулачках с темным шером Бастерхази, совершенно не походил на... политика. Да. Именно политика. Жесткого, расчетливого и холодного. Этот Люкрес, из папки, ни за что не откажется от короны Валанты и без зазрения совести проводит в мягкую траву всех, кто способен ему помешать. И саму Шуалейду - тоже. Если дотянется.

До своей второй жены - дотянулся. И до бывших любовниц, имевших глупость вести себя не так, как нужно было их высочеству. И до некоторых политических соперников. А уж какими действенными способами Люкрес уговаривал короля Ольбера голосовать против нового закона, лишившего бы Люкреса права на корону империи...

Причем его руки всегда оставались чисты.

Забыв о собственном желании поплакать и покрушить мебель, Шу закопалась в содержимое папки, лишь иногда обращаясь к Энрике за пояснениями. Все же в способах работы МБ она разбиралась плохо. И это следовало исправить. Вообще им с Каем следовало немедленно во всем разобраться, если, конечно, они хотят выжить.

Выжить и показать ширхабом нюханному мозгокруту, что сумрачная колдунья - вовсе не легкая добыча.

Разозлившись, Шу едва не пропустила кое-что важное. Определенно важное. В самых последних бумажках, озаглавленных «Резюме» и адресованных Светлейшему. Она бы вовсе не стала их читать, и так картина была ясна, но Энрике как-то слишком небрежно

их отложил. Чересчур небрежно. Как будто бы не хотел, чтобы Шу их прочитала.

– Что там?

– Все то же самое, но без подробностей, – пожал плечами капитан. – Крайними назначены исполнители, все ведущие к кронпринцу ниточки обрезаны и подчищены. Зачитать тебе?

Вот на этом «зачитать» Энрике и прокололся.

– Дай сюда.

И на мгновенном промедлении, прежде чем передать «Резюме» в руки Шу.

– Энрике, что ты от меня скрываешь? – спросила она прежде, чем опустить взгляд в бумаги.

Вообще-то ей стоило большого труда не вломиться в его сознание и не выпотрошить все его тайны. Удержало ее лишь понимание: если она это сделает, то потеряет друга. Навсегда. А после того, как она потеряла любимого, – которого и не было на самом деле, – это будет уже слишком.

– Ничего, что может угрожать твоей безопасности, – прямо глядя ей в глаза, ответил Энрике.

– То есть ты что-то знаешь о Люкресе, но не говоришь мне? Какого ширхаба, Энрике?! – Внутри нее бушевал ураган, и сдерживать его становилось все труднее и труднее.

– Я хотел бы рассказать тебе все, но не имею права. Я приносил присягу. Прости.

– Опять тайны! Опять «не спрашивай, Шу»! Дери вас всех!..

Она замерла на полуслове, осененная странной, неправдоподобной идеей. И взглянула – таки в «Резюме».

Там все было, как сказал Энрике. Но смысл был не в содержании. Смысл был в почерке. Именно этой рукой были написаны письма Люкреса. Не нужно было даже сравнивать почерк, хоть на зрительную память Шу и не жаловалась. От этих строчек пахло так же. Сосны, море, песок и оружейное масло. Запах ее безумной, невероятной, прекрасной любви. Запах, от которого хочется смеяться и плакать, летать и убивать.

Не вникая в содержание, все равно смысл слов ускользал, Шу просмотрела бумагу до конца. До подписи. И прочитала ее вслух:

– Полковник Дамиен Дюбрайн, – и продолжила, глядя Энрике в глаза: – Светлый шер второй категории, основная стихия разум. Вот кто делает за его высочество Люкреса черную работу, да? Какая потрясающая братская взаимовыручка! А когда Люкрес убьет моих родных, полковник так же будет подчищать за ним хвосты? Или эту черную работу тоже сделает сам?!

– Шу, остановись, прошу тебя! – Энрике шагнул к ней, распространяя волны паники. – Да подумай же ты головой! Шу!

– Пусть провалятся оба! Ненавижу! – выплюнула она, с ужасом понимая, что больше не держит щиты, что потоки силой выплескиваются из нее, что она сама становится силой, дикой и не рассуждающей... и ей уже почти не больно, ведь урагану не бывает больно...

– Олой-клиз, – слышалось сквозь вой ветра, – вспомни Олой-клиз!

Там же и тогда же

Каetano

Кай не понял, при чем тут Олой-клиз и что сделал Энрике. Он увидел только, как сначала глаза Шуалейды засветились мертвенно-лиловым светом, пряди волос поднялись шипящими змеями, и она взлетела под потолок в вихре сине-черного пламени, и этот вихрь с пронзительным воем пополз во все стороны...

И как-то стало совершенно ясно, что остановить *это* Кай не сможет. Ни он, ни Энрике, ни Бален. Никто. Потому что его сестра исчезла, а вместо нее появилось *это*.

А потом Энрике сказал про Олой-клиз – и *это* замерло, вспыхнуло пронзительно-лиловым огнем и упало, как сломанная кукла.

Ни куда делся ураган, ни как он сам успел подбежать и поймать Шу у самого пола, Кай тоже не понял. Он действовал, не думая вообще – потому что думать было слишком страшно. Действовать – совсем другое дело.

Они с Зако столкнулись, бросившись к ней одновременно. И поймали ее вместе. Боли Кай не почувствовал, он сейчас вообще ничего не чувствовал, словно все происходило в кошмарном сне.

– Бален, кристалл, – спокойно распорядился Энрике, опускаясь рядом с ними на пол. – Кай, положи ее голову себе на колени, ладони на виски.

– Что с моей сестрой?

Голос позорно дрожал, руки – тоже, и произнести «сестра» почему-то было сложно. Может быть, потому, что вдруг подумалось о тысячах мертвых зургов в Олойском ущелье. Наверное, убивая зургов, Шу выглядела именно так: темное пламя, вихри и ничего человеческого.

– Уже все хорошо. Сработали предохранительные блоки, Шу просто потеряла сознание. Так, кристалл... – Энрике забрал пустой мнемокристалл у Бален и приложил его ко лбу Шуалейды. – Кай, если она начнет просыпаться, держи и успокаивай. Любыми способами.

Молча кивнув, Кай смотрел, как Энрике забирает воспоминания Шу – прозрачный кристалл на глазах мутнел и наполнялся тревожными лиловыми искрами. А вьющаяся вокруг Шу тьма отступала и таяла, пока не растаяла совсем.

Только тогда Энрике кивнул, разрешая Каю убрать ладони от висков сестры.

И только тогда до Кая дошло, что все это ему не приснилось в кошмаре. Шу в самом деле едва не повторила в Риль Суардисе то же, что сделала в Олой-клиз. А Энрике сумел каким-то образом ее остановить и забрать ее память. Кажется... кажется, это противозаконно? Или на Магбезопасность законы не распространяются? И как вообще Энрике это сделал, он же не менталист? Чего о работе Магбезопасности Кай еще не знает?

Сплошные вопросы, на которые Кай получит ответы. Немедленно. После этой ширхабом нюханной папки до него со всей ясностью дошло: неведение смертельно опасно.

– Энрике, объясни по-человечески, что это сейчас?..

Договорить Кай не успел. Дверь распахнулась, и в гостиную ворвался черно-ало-лиловый поток, в котором Кай едва узнал шера Бастерхази. Поток тьмы подхватил Шуалейду, поднял ее и уложил на невидимый стол. Из огненно-черного вихря чистой силы проступили мерцающие грозовой голубизной контуры человека: голова, за ней плечи и руки.

– Бастерхази, оставьте ее! – первым среагировал Энрике.

– Заткнись и не мешай, коновал, – приказал Бастерхази, кладя полупрозрачную, словно сотканную из лилово-голубого сияния руку на лоб Шуалейде. Туда, где проступал темный след от кристалла.

От приказа Бастерхази, больше похожего на рев пламени, чем на человеческий голос, Кая снесло к стене. Не его одного, Зако тоже. Энрике и Бален устояли, но выглядели не менее ошарашенными. А Шуалейда и Бастерхази окутались мерцающим лиловым туманом, а поверх него – прозрачной радужной пленкой щита.

Энрике дернулся было к Бастерхази, в его ладонях засияло что-то убийственное, но черная тень зыркнула на него из тумана бешеными светящимися глазами, прошипела что-то нецензурное – и Энрике замер, выругался под нос и ничего не сделал.

– Все, теперь ей нужно выспаться, – через несколько минут, в которые никто, кажется, даже не дышал, сказал Бастерхази нормальным голосом.

И только после этого радужный щит и лиловый туман растаяли, оставив Бастерхази и Шуалейду посреди комнаты. Шуалейда спокойно спала, даже улыбалась во сне. Следа от кристалла на ее лбу не было. И вообще она выглядела и ощущалась совершенно обычно.

Кай отмер. Обнаружил, что неудобно подвернувшаяся нога затекла. И что дышать все еще трудно. Но зато совсем не страшно! А даже как-то хорошо, спокойно и очень хочется спать.

– Это самое лучшее, что вы можете сделать, ваше высочество, – кивнул ему Бастерхази и перевел взгляд на Энрике. – Вы идиот, светлый шер. Нельзя было как-то обойтись без шока?

Энрике виновато пожал плечами.

– Идиот ваш Альгредо! – вступилась за мужа Бален, сердитая и взъерошенная, как дикая кошка. – Он вообще понимает, что можно, а что нельзя рассказывать девушкам?!

– И Альгредо идиот, – согласился Бастерхази, – и вы идиоты. Вы даже не понимаете, как вам повезло. Пробудись здесь Аномалия, от вас, светлые шеры, не осталось бы мокрого места.

– Вы можете восстановить ее блоки, шер Бастерхази? – с отчетливой неприязнью, но вежливо спросил Энрике.

– Нет. Эти блоки она ставила сама, а если сделать такое же извне – последствия будут еще хуже, чем от вашего лечения. Так что или ее высочество научится себя контролировать, или Риль Суардис рано или поздно снесет с лика Тверди, как Цветущие Земли. Скорее рано, чем поздно, светлые шеры.

Все, что говорил Бастерхази, было ужасно и возмутительно, но Кай почему-то не мог ему возразить. Он даже держать глаза открытыми мог с большим трудом, и ровно столько времени, сколько потребовалось темному шеру, чтобы отнести Шуалейду в спальню Кая, насмешливо поклониться всем сразу и пожелать сладких снов.

Последним, что Кай увидел перед тем, как уснуть прямо на полу, была разбившаяся о закрывшуюся за Бастерхази дверь ваза – ее метнула Бален – и вспрыгнувшая на кровать рядом с Шуалейдой рысь.

Глава 14

Скромное обаяние тьмы

24 день холодных вод, Риль Суардис

Рональд шер Бастерхази

С безмозглым моллюском, по божескому попущению занимающим должность главы СБ Валанты, Роне столкнулся в десятке шагов от дверей принца Каетано. Бледный, с дикими глазами Альгредо бежал разузнавать, что за дерьмо только что случилось в Риль Суардисе.

– Бастерхази, опять вы! – Альгредо резко остановился, чтобы не налететь на Роне.

А Роне – нет. Ох и не зря у него уже лет четырнадцать руки чесались убить это недоразумение, воображающее себя великим интриганом!

– Вы – идиот, Альгредо! – Роне ткнул пальцем (за неимением ножа) безмозглому моллюску в грудь. Тот отлетел к стене, и Роне снова шагнул к нему. – И начебом вас сделал не меньший идиот! Каким местом вы думали, давая Шуалейде эту Мертвым драную папку?! Вы что, не читали моих отчетов по Аномалии? Ладно, к екаям мои отчеты! Вас что, Дюбрайн не предупредил, что информацию ей надо давать мягко, под присмотром и не всю сразу?

Безмозглый моллюск вместо ответа лишь хватал ртом воздух, наливался дурной кровью и делал какие-то невнятные движения руками.

– От вас было бы куда меньше вреда на прополке брюквы, дери вас семь екаев...

Роне осекся, когда его ударило потоком ледяного воздуха от активированного Альгредо защитного амулета: именно его Альгредо и нашаривал. И только тогда до Роне дошло, что он со всей гневной дури впечатал идиота в стену, и тот едва может дышать. И что он слишком увлекся и не рассчитал силы. После общения с Дюбрайном надо быть осторожнее!

– Вы... – Альгредо пытался отдышаться и растирал грудь, похоже, Роне то ли сломал ему пару ребер, то ли чуть не довел до инфаркта. Жаль, что только чуть. Естественная смерть Альгредо была бы очень кстати. – Какого шиса...

– ...я делаю в покоях Каетано и не я ли во всем виноват? – насмешливо озвучил его мысли Роне. – К вашему великому сожалению, сделать меня виноватым в вашем идиотизме на этот раз не выйдет. А делаю я то же самое, что и всегда – исправляю ваши ошибки, пока не поздно. Так что можете сказать: «Спасибо, шер Бастерхази, что спасли Шуалейде разум». А, да! Заодно уж Риль Суардис и сотню бесполезных недошеров вроде вас!

– Вы как обычно... преувеличиваете заслуги. Темный шер, – почти внятно произнес отдышавшийся Альгредо.

– То есть вы считаете, что грубо удалить кусочек памяти, как делает МБ со случайными свидетелями, достаточно? Для сумрачной колдуньи и менталистки второй категории? Да вы еще больший идиот, чем мне казалось!

– Ее остановил капитан Герашан, а не вы!

– О злые боги... – Роне на миг закрыл глаза ладонью, чтобы не видеть этой вопиющей некомпетентности. – Он запихал пар обратно в кипящий чайник! И это лучшее, что он мог сделать один. Да вообще чудо, что ему удалось! Уйдите с глаз моих, Альгредо. Искушение избавить мир от вашего скудоумия слишком велико. И не лезьте к Шуалейде, видят Двоединые, ей сейчас достаточно малейшего толчка, чтобы снова сорваться.

- Хорошо. Я не полезу к Шуалейде, – с нескрываемой ненавистью процедил Альгредо. – Спасибо вам, шер Бастерхази. А теперь объясните мне, неразумному, что произошло и что вы сделали.

- О, не может быть, вы начали что-то соображать! Лучше поздно, чем никогда, мой светлый шер.

- Вы правы, шер Бастерхази. Так я слушаю. Что произошло, и что вы сделали?

Лаяться с разумной версией Альгредо стало скучно, так что Роне только презрительно дернул плечом и ответил, чтобы только этот моллюск отстал:

- Объясняю на пальцах. Шуалейда – сумрачная менталистка, воспитанная светлыми, которые понятия не имеют, что такое сумрак и тьма. Поэтому ее психика нестабильна так же, как ее дар. К тому же у нее здоровая паранойя, и ей крайне сложно кому-то довериться. Известные факты, не так ли?

- Известные, продолжайте, – отвратительно спокойно сказал Альгредо.

- Также вам должно быть известно, что Шуалейда влюблена в некоего светлого шера.

- Некогого? – Альгредо поднял бровь.

- Вы ни к шису не годитесь, как начбез, Альгредо, и это тоже известный факт. Капитан Герашан вам, разумеется, не называл имени того, кто писал ей любовные письма.

- Так. Подробно и по порядку, шер Бастерхази.

- Подумайте головой, шер Альгредо. Как Шуалейда могла влюбиться в Люкреса, если она ни разу в жизни его не видела? А встречалась она прошлым летом с совсем другим светлым шером. Ну?

- Дюбрайн?! И он молчал?! Ни один шисов хвост...

- Не будьте совсем уж идиотом, Альгредо, – оборвал его Роне. – Вы знаете, что такое клятва перед Двуетиными. Я ее давал, и поэтому, как вы заметили, не назвал вам имен. Вы сами догадались. Герашан и все, кто мог бы рассказать вам, а главное, Шуалейде – тоже клялись. Но не разобраться в простейшей комбинации! Где ваша логика, Альгредо? Ну, кто может обмануть менталиста второй категории?

- Более сильный менталист, – с полным пониманием собственного идиотизма ответил Альгредо.

- Именно! А Люкрес у нас кто? Правильно, недоносок третьей нижней. У него от ментального дара только цветные искры в прическе, и те фальшивые.

- О боги, какой же я дурак...

- О чем я вам уже битый час и толкую, Альгредо. Вы – идиот. Дать Шуалейде досье на Люкреса, написанное рукой Дюбрайна, это... нет, я даже не могу слов найти! Признайтесь, он же вас предупреждал, что последние документы – только для вас, и Шуалейда не должна их видеть?

- Несколько иначе, она должна была увидеть все, но...

- Но не так. И после того как успокоится.

- Проклятье.

- Согласен. Отсутствие мозга – это худшее из проклятий.

- Хватит, Бастерхази! – взорвался наконец-то Альгредо, и Роне предвкушающе усмехнулся: сейчас снова будет драка! Но Альгредо безобразно быстро взял себя в руки и продолжил уже ровным тоном: – Лучше узнать правду поздно, чем слишком поздно. Итак. Почему Шуалейда сорвалась, я понял. Как Герашан ее остановил – догадываюсь. Теперь о памяти, психике и том, что вы сделали сейчас.

- Герашан слил последние две минуты ее памяти в мнемокристалл, как обычно поступает МБ с неудобными свидетельствами. В случае с условным шером это бы сработало, но не с менталисткой. Она бы обнаружила вмешательство, сама бы восстановила стертую память. После этого инцидента ее отношение к Герашану, МБ и вам лично можете предсказать сами. Ну и что такое разозленная Шуалейда, действующая исподтишка, вам объяснять не надо.

Альгредо только покачал головой. До него начала доходить степень возможных неприятностей.

- Вы сегодня на удивление любезны, шер Бастерхази.

Роне фыркнул. Да уж, на удивление. Но кого следует благодарить за его нынешнее благодушие и совершенно ему не свойственное желание бескорыстно помогать идиотам, Роне не скажет. Если у Альгредо есть мозг и верные шпионы во дворце, сам догадается.

- Сам поражаюсь, шер Альгредо.

- Так что именно она не будет помнить?

- Одну лишь деталь: чьей рукой были написаны письма. И поверьте, Альгредо, сделать это так, чтобы не покалечить ее психику, было крайне непросто. Мне удалось только потому, что она сама не желала знать правду. Это я вам тонко намекаю, что второй раз подобный фокус не пройдет. И что ментальный блок, позволивший ей сегодня остановиться и не повторить Олойского ущелья, сгорел.

- Что за ментальный блок? В ваших отчетах о нем не говорилось ни слова.

- И не могло говориться. Этот блок она поставила сама, причем значительно позже, чем были написаны отчеты. О нем знал Герашан, и он же наверняка помогал его ставить. По крайней мере, он знал, как его активировать.

- Проклятье.

- Не проклятие, а всего лишь прекраснейшая шера Аномалия. Если вы не будете вмешиваться, я научу ее контролировать дар. Вы поняли меня, Альгредо? Что бы я ни делал - не вмешивайтесь. Вы не понимаете, что она такое, и не сможете ей помочь.

- Она не будет вашей ученицей, шер Бастерхази!

- Она будет или моей ученицей, или проклятием Суардисов. Вы думаете, меня поставили на эту должность, только чтобы позлить вас? Так вот, я вас разочарую, Альгредо. Конвенту плевать на вас, Конвенту важно лишь одно: сохранить и развить редчайший дар Шуалейды. Только я могу ей помочь, именно поэтому я здесь. И поверьте, я бы отказался от этой великой чести, будь у меня выбор. Эта прелестная юная шера попортит нам с вами еще немало крови. Будь вы поумнее, отдали бы ее Люкресу и через год поплясали на его траве.

- Если бы сами прожили этот год.

- Согласен, его высочество никогда не откладывает на завтра того, кого можно проводить в траву сегодня. Да и некий светлый шер останется недоволен. Именно поэтому Шуалейда будет помнить все, что видела в той папке. Эмоций только поменьше, ее ярость я забрал.

- То-то вы выглядите таким сытым, - не удержался от шпильки Альгредо.

Роне рассмеялся. Боги, какой все же этот светлый идиот! Ума в нем - не больше, чем драконьей крови. То есть полкапли.

- Да-да, Альгредо. Не забывайте, что я - страшный, ужасный темный шер, и когда-нибудь я съем вас на ужин. Но не сегодня.

Насмешливо поклонившись, Роне взмахнул полкой своего черно-алого плаща (который, оказывается, так нравится некоему светлому шеру) и завернулся в пелену невидимости. В конце галереи уже показалась фрейлина Ристаны, наверняка посланная по его душу.

- Шер Бастерхази! - пропищала фрейлина, успевшая его заметить. - Шер Бастерхази, прошу вас!..

Разумеется, Роне не отозвался. Отвечать на глупые вопросы ему сегодня надоело. Да и некогда. На эту ночь у него большие планы, и Ристане в них места нет.

Глава 15

Сон о сне, который не сон

Ночь с 24 на 25 дня холодных вод. Риль Суардис

Шуалейда

Ей снился кошмар. Она точно знала, что это кошмар, потому что наяву она бы ни за что не рискнула жизнью Кая и друзей. Она бы что угодно сделала, как угодно извернулась, чтобы Кай был в безопасности. Так это точно был кошмар. Просто она уснула с проклятой папкой в обнимку, вот ей и приснилась всякая дрянь.

Надо проснуться, открыть глаза и убедиться, что все в порядке. Очень надо.

Остатки кошмара никак не хотели отпускать, поселившаяся в груди боль не уходила, а кусочки чужой памяти продолжали крутиться перед глазами. Даже когда Шу открыла глаза и уставилась в расписной потолок, ничего не изменилось. Ей по-прежнему хотелось плакать, убивать и на ручки. Вот только к кому?

Вспомнив, как вчера прыгала с балкона на руки Люкресу, как целовала его и верила ему, Шу чуть не разрыдалась, так это было больно. Но сердито утерев слезы краем одеяла, Шу напонила себе, что она – сумрачная колдунья из семьи Суардис, а Суардисы не плачут от боли. Суардисы отдают свою боль тем, кто в ней виноват.

Она отомстит лжецу. Пока она не знает, как именно, но что-нибудь непременно придумает. А пока надо просто перестать лить слезы, глубоко вдохнуть и признать: никакой это был не кошмар, а самая что ни на есть правда. Она сорвалась и чуть не убила Кая. И за это Люкрес тоже заплатит.

Снова прикрыв глаза, Шуалейда трижды повторила про себя умную отрешенность, избавилась от следов слез на лице и сама себе велела: хватит страдать. Подумай головой, Шуалейда Суардис – что делать.

Как обезопасить себя и Кая и как отомстить проклятому обманщику? Он обязательно придет к Весеннему балу и обязательно возьмется снова ее охмурять. Надо же ему закрепить победу...

Проклятье! Она сказала ему, что любит. Она. Суардис. Менталистка. Поверила и влюбилась! Да чтоб он сдох в корчах, этот... этот...

Спокойно. Дыши, Шуалейда, ровно и глубоко дыши. Было бы ужасно глупо выплеснуть свой гнев на родной дом и ничего не оставить Люкресу. Настоящие темные так не поступают. О нет. Настоящие темные притворяются милыми, приветливо улыбаются, подбираются как можно ближе и наносят смертельный удар. А потом снова приветливо улыбаются тем, кто выживет.

Шуалейда раскрыла глаза. В распахнутое окно светила зеленая луна, шелестели ветви и пели ночные цикады. С большой кровати доносилось сонное дыхание мальчишек, ауры Бален и Энрике за стеной тоже говорили о том, что оба мирно спят. Где-то очень далеко, кажется, на башне Магистрата, часы пробили один раз.

Час ночи. Самое время спать. Но сна не было ни в одном глазу. Наоборот, хотелось вскочить и действовать, сейчас же, немедленно! Был бы Люкрес здесь, никакие щиты, никакая охрана бы его не спасла. Но Люкреса пока нет – а это значит, что у Шуалейды есть время подготовиться. Составить план. Найти союзников.

Энрике и Бален? Альгредо? Несомненно, они тоже ненавидят Люкреса. Но поймут ли они, что она должна не просто отказаться от брака, а отомстить? Нанести такой удар, чтобы кронпринц обходил Валанту десятой дорогой? Если вообще сможет ходить.

Нет, для мести ей нужны другие союзники.

«Я помогу тебе», – словно наяву послышался глубокий, похожий на рокот пламени голос, и лба явственно коснулась теплая ладонь.

На губах Шу сама собой заиграла улыбка. Если бы его высочество Люкрес эту улыбку увидел – она бы ему очень, очень не понравилась. Что ж. Его проблемы.

Тихонько встав с кровати, – узкой, предназначенной для Зако, – она подошла к окну, вдохнула пропитанный нежным ароматом звездных фиалок воздух. Подумала, не накинуть ли халат, но не стала. Шагнула на балкон как была, в одной ночной сорочке и босая. И почувствовала под ногами цветы, множество цветов. Запах звездных фиалок стал сильнее. Опустив взгляд, Шу снова улыбнулась – на сей раз в ее улыбке кроме ненависти было удовлетворение.

Весь балкон устлала слабо светящиеся фиалки, похожие на разноцветные звездочки. И от этой магии явственно отдавало воздухом, разумом и огнем. И тьмой. Нежной, манящей тьмой.

Именно то, что нужно.

– Роне, ты здесь? – подняв одну из фиалок и вплета себе в волосы, тихо спросила она.

– Светлой ночи, моя прекрасная Гроза, – отозвался темный шер и проявился: сидящий на перилах балкона, в одной лишь батистовой сорочке, без камзола.

Он смотрел на Шу без улыбки, настороженно, словно не знал, чего от нее ожидать. А его дар – знал. Черно-алые протуберанцы его силы уже ластились к Шу, обнимали ее, нежно сплетались с ее собственной силой. Это было очень приятно, настолько, что Шу чуть не забыла о том, зачем она хотела видеть шера Бастерхази.

Впрочем...

Почему бы не совместить приятное с полезным? Прекрасная месть светлому шеру, который желал получить ее в полную безраздельную собственность – взять любовника. Темного любовника. Его собственного любовника... или Роне и Люкрес все же не любовники? Роне не врал, когда говорил, что не знаком с Люкресом лично... Ширхаб, что за путаница? И от этой путаницы так болит голова... Нет, об этом она подумает потом. Вспомнит то важное, что прячется где-то совсем близко, обязательно вспомнит и поймет, но не сейчас. Пока довольно того, что Роне – любовник Ристаны. Был. Маленькая месть старшей сестре.

А сейчас она шагнет к Роне, улыбнется и скажет...

– Я люблю звездные фиалки. Не думала, что страшное темное чудовище может быть таким романтичным.

– Темное чудовище может быть разным. К примеру, нежным и ручным. – Роне прыгнул с перил на ковер из фиалок и шагнул к ней. – Хочешь ручное чудовище, моя прелесть?

Это «хочешь» прозвучало так горячо и откровенно, что жар бросился Шу в лицо и растекся по всему телу сладкой щекотной волной.

– Хочу. – Шу сделала шаг навстречу, но не коснулась Роне: большой балкон давал свободу маневра, на нем можно быть хоть вельсу танцевать. – А чего хочешь ты?

– Мм... свое ручное чудовище – годится? Из нас получится прекрасная пара.

Теперь он улыбался уверенно и маняще, и тьма не просто ластилась к Шу, тьма ласкала ее, касаясь обнаженной кожи подобно мужским рукам, и это было одновременно так похоже и так не похоже на вчерашний поцелуй... Шис, нет! Она не будет вспоминать Люка, соблазняя Роне!

– Но вот беда, Роне. Я – не чудовище, – нагло соврала Шу.

– Разумеется, – улыбнулся Роне, принимая ее ложь, и сделал еще один шаг к ней. –

Прекрасную принцессу я тоже хочу.

От его слов, от его властного взгляда внизу живота все скрутилось в горячий узел, колени ослабли, и захотелось... Шу опустила взгляд ниже... и невольно прикусила горящие губы. Роне в самом деле ее желал, и под облегающими черными штанами это было очень заметно. Не очень понимая, сама этого хочет или темный шер манит ее, Шу приблизилась еще на шаг. Ей хотелось коснуться его. Снова. Только на этот раз она точно знает, что ей нужно и с кем. Поэтому на этот раз она не испугается и не сбежит.

Если Роне не вздумает ей врать.

- Ты pomoжeшь мне отомстить Люкресу? - остановившись, спросила она.

- Ты очаровательно откровенна, - в его голосе звучало восхищение. - Разумеется, помогу, но подставляться под трибунал не стану. Даже ради твоих прекрасных глаз, моя принцесса.

Шу презрительно дернула плечом: трибунал - для безмозглых устриц. Тем более что смерть Люкреса и гнев императора в ее планы точно не входит.

- Живой ты мне нравишься гораздо больше, чем мертвый, - сказала она вслух, ничуть не сомневаясь, что Роне услышал все, что она сейчас подумала.

- Ты не представляешь, как эротично это звучит. Шу? - Он сделал еще шаг и протянул руку, коснулся ее скулы пальцами. В его глазах вспыхнуло голодное пламя. - Иди ко мне.

- Это будет стоить тебе вражды с Люкресом, - нежно улыбнулась она, с трудом сдерживаясь, чтобы не шагнуть в объятия Роне и не забыть обо всем на свете. Но забывать обо всем на свете нельзя, если имеешь дело с темным шером-менталистом. И лгать - тоже нельзя. - Я не собираюсь скрывать от него, что ты - мой любовник.

Роне рассмеялся, низко и с искренним удовольствием.

- Ты нравишься мне все больше и больше, прекрасная принцесса, которая стоит десяти чудовищ. Знаешь, что я тебе скажу, моя Гроза?

- Что, Роне?

- Плевать на лживого высокомерного недоноска и его вражду. Ты стоишь не десяти, ты стоишь сотни чудовищ. А Люкрес не тянет даже на одно. Даже на половинку чудовища. И если у него есть хоть капля мозгов, он прямо сейчас побежит обратно в Метрополию, теряя на ходу подштанники.

- Ну нет, Роне. Я не желаю, чтобы он сбежал, не увидев прекрасной принцессы. Может быть, я хочу стать императрицей! А ты бы хотел быть фаворитом императрицы, Роне? - Кажется, она несла полную чушь, но это уже не имело значения. Никакого.

Глаза Роне вспыхнули ослепительно прекрасным темным пламенем, он весь вспыхнул, и на миг Шу показалось, что за его спиной развернулись черно-алые драконьи крылья.

- Клянусь бородой Паука, если императрицей будешь ты - да, - пророкотало пламя: мощное, опасное, готовое сжечь все на своем пути. Ее нежное пламя. - Хочу.

Шу рассмеялась. Ее переполняла веселая злость пополам с жарким, тягучим возбуждением. Это было странно, страшновато, но так хорошо! И никакой, ширхаб ее нюхай, лжи о неземной любви! Она не любит Роне, Роне не любит ее - и это великолепное, изумительное и прекрасное взаимопонимание!

- Роне... - выдохнула она, протягивая руку, чтоб коснуться пламени.

Он перехватил ее руку, коснулся губами тыльной стороны запястья, там, где сквозь тонкую кожу просвечивают голубые жилки. От его прикосновения все мысли растаяли, и не только мысли. Вся она горела и таяла, губы пересохли, а сердце отчаянно билось где-то в горле...

Шепнув ее имя, Роне притянул ее к себе – и Шу закинула руки ему на шею, приникла всем телом...

Вот чего она, спрашивается, так боялась раньше? С ним так хорошо, и уже можно совершенно ни о чем не думать!..

Она и не думала, отвечая на его поцелуи, забираясь ладонями ему под сорочку и срывая тонкий батист с сильных плеч. Совсем-совсем не думала, подставляя шею его губам и выгибаясь под его руками, ощущая обнаженной грудью касания прохладного ночного воздуха – и горячей мужской кожи...

Она совсем не могла думать, когда Роне уложил ее на грудь сладко пахнущих фиалок и вжался в нее напряженными бедрами... Нет, неправда. Она подумала – зачем эти грубые, никому не нужные штаны? И они исчезли, а Шу застонала от сумасшедше прекрасного ощущения: обнаженное мужское тело на ней, трется об нее, и она чувствует каждую его мышцу, каждый волосок, каждый вздох и стон, и ей самой хочется кричать и стонать от невозможной, нереальной яркости чувств, от каждого его прикосновения, каждого движения...

Она закричала, когда он вошел в нее – горячий, твердый и гладкий. Он заполнил ее всю, до боли, до звезд перед глазами, и невозможно нежно шепнул ей в шею:

– Моя девочка, моя Гроза, моя...

А потом ей показалось, что она растворилась, растаяла в обжигающей тьме, слилась с ней, поглотила ее и сама стала огромной, просто бесконечной тьмой, сладкой и острой, нежной и пряной, прозрачной и густой, как звезды в ночном небе...

Она вернулась в собственное тело не сразу, слишком это было хорошо – быть тьмой и ветром, облаками и звездами. То, что осталось внизу, казалось совершенно неважным. Какая еще боль? Какая еще месть? Глупости, мелкие детские глупости.

– Ты невероятная, – шепнула огненная тень, вросшая, вплетающаяся в нее тысячей горячих нитей. – Моя Шуалейда.

– Мое ручное чудовище, – ответила она, вплетая пальцы в растрепанные огненные пряди и ощущая, как по всему ее телу пробегают щекотные, колющие искры. – Это всегда так хорошо?

– Нет. – Роне покачал головой, а потом бережно потерся губами об ее ушко. – Мне ни с одной женщиной не было так хорошо, Гроза. Только с тобой.

– Почему, ты же не любишь меня? – Ей правда было страшно любопытно.

А Роне тихонько хмыкнул, перекатился на спину и потянул ее на себя. Уложил головой себе на грудь, обнял и, мгновение подумав, взметнул вокруг них облако фиалок. Они упали, укрыв их обоих неожиданно теплым шелковистым покровом.

– Кто знает, что такое любовь, Шу? Говорят, что мы, темные, не умеем любить. Может быть, они правы, а может быть, мы просто любим иначе, чем светлые. Но какая разница, как это называть? Мне хорошо с тобой, тебе хорошо со мной.

– Да, мне хорошо с тобой. Жаль, что... – Шу смущенно поерзала, устраиваясь удобнее на обнаженном мужском теле. – Ну... что мы... раньше...

– Зато сегодня ты точно знала, чего хочешь.

– Я и раньше знала! – лениво возмутилась Шу. – Я менталистка, а не слепая монахиня.

Слышать смех Роне вот так, прижавшись ухом к его голой груди, было странно и очень приятно. Словно лежишь на kloкочущем и вибрирующем котле.

– Ты невероятная прелесть.

– Так почему, Роне?

– Упрямая прелесть.

- Настойчивая и целеустремленная, - поправила его Шу, сама едва не смеясь.
- Ага, целеустремленная. Бедный, бедный Люкрес. Не знает он, с кем связался.
- Сам дурак, - неожиданно легко ответила Шу: странное дело, сейчас ей было совершенно плевать на Люкреса. Вот совершенно! - А ты не увиливай, я хочу знать.
- Мечта педагога... ладно, ладно, не кусайся! Хотя нет, кусайся... оу, шис...

Она как-то не ожидала, что укусить Роне за сосок - он как раз оказался в досягаемости ее зубов - будет так... сладко? Волнующе? Непристойно? А уж когда он застонал и она ощутила, как ему одновременно больно и сладко... да что там, она почувствовала все то же самое, что и он... наверное... Она запуталась и не хотела распутываться, а только касаться его, скользить по его влажной коже, ласкать и прикусывать, царапать и облизывать, и сжимать, и сжиматься самой вокруг него, подчиняться сильным рукам и самой владеть своим мужчиной, и выстанивать его имя:

- Роне-е...

На этот раз тоже было сумасшедше хорошо, но как-то иначе. Агрессивно, что ли. С терпким привкусом чужой - или своей? - крови на губах. Кровь с горько-сладким привкусом мести. Впрочем, Шу было слишком хорошо, чтобы думать о неприятном. Чтобы вообще думать. Хотелось только лежать вот так под звездами, слушая биение мужского сердца и ощущая, как успокаиваются потоки дара - его и ее. Вместе.

Легкое ощущение неправильности происходящего она отогнала. К ширхабу лысому сомнения и сожаления! Светлого шера, которого она любила, не существует в природе, а незнакомцу по имени Люкрес Брайнон она ровным счетом ничего не обещала.

Кроме мести. Он пожалеет, что посмел обманывать ее. Очень-очень пожалеет. Надо только собраться с мыслями и придумать... что-то такое придумать...

Почему-то в голову не приходило ничего страшнее лягушек, выпрыгивающих из его чашки с шамьетом, и склеивающихся на ходу штанин. Представив разряженного в бархат и кружева принца Люкреса с лягушкой на голове и спотыкающегося посреди вельсы с Ристаной, Шу тихо хихикнула.

- Лягушка в шамьете, о боги... - Роне тоже хмыкнул. - Только не пытайся превратить его в лягушку прямо на балу, моя прекрасная принцесса.

- В жабу, только в жабу!

- Злая, злая девочка. - Роне нежно поцеловал ее в висок.

- Я не злая, я... справедливая!

Перед глазами запрыгала бородавчатая жаба в короне набекрень и с болтающейся орденой лентой. Нет, две жабы, ведь вельсу он будет танцевать с Ристаной. Пусть и дальше танцует с ней, достойная пара.

А Роне танцевать с Ристаной на этом балу не будет. И потом не будет. Роне теперь - ее любовник, а не Ристаны. Это тоже справедливо.

- Шуалейда Справедливая? Мм... мне больше нравится Императрица Гроза. Или Хозяйка Ветров, - задумчиво сказал Роне, не переставая расслабленно гладить ее по спине.

- Если ты посмеешь снова связаться с Ристаной, я превращу в жабу тебя, Роне шер Бастерхази, - так же расслабленно пообещала Шу. - И не говори потом, что я не предупреждала.

Роне тихо рассмеялся.

Шу сердито ударила его ладонью по груди.

- Не смей надо мной смеяться!

- Не над тобой. - Роне перехватил ее руки и нежно поцеловал пальцы. - Честность в

твоим исполнении – это... это... у меня нет слов. Ты восхитительна, моя Гроза.

– Я знаю, – буркнула Шу, обводя пальцем его губы: ей было слишком хорошо, чтобы сердиться всерьез.

– Кроме того, что ты восхитительна, моя прелесть, в тебе жива кровь драконов, а в Ристане – нет. Это честный ответ на твой вопрос.

– Вопрос?... – не сразу поняла Шу, но тут же вспомнила: она же спрашивала, почему Роне не было так хорошо ни с одной женщиной. – А... все дело в моем даре?

Ей стало немножко обидно, хотя она и не могла понять почему. Ведь это логично. Она сама выбрала Роне, а не Зако Альбарра или Мануэля Наба. Да что там, ни один из слабых шервов не вызывал в ней и доли тех же эмоций, что Роне и Люка... Опять она вспомнила о проклятом лжеце, чтобы он облысел!

– Дело в тебе, – покачал головой Роне. – Твой дар – такая же часть тебя, как твое сердце или твое любопытство.

– Значит, с бездарными все иначе?

– Конечно. Разница – как между морем и лужей.

– Значит, я – как море?

– Как море, как шторм и ураган. Хотя сейчас ты – маленький любопытный котенок.

Шу пожала плечами и прижалась к Роне теснее.

– А ты горячий. И ты заставил меня что-то забыть. Я чувствую, что-то такое... такое... – Шу неопределенно покрутила кистью прямо перед носом Роне. – Оно щекочет.

– О боги... моя прекрасная принцесса, ты всегда такая?

– Какая? – Шу заглянула ему в глаза, пытаясь понять: это он сейчас восхищается или все же над ней смеется? – Какая такая, ну?

– Э... целеустремленная!

– Ты смеешься надо мной!

– Только не превращай меня в жабу прямо сейчас, лежать будет неудобно.

– Ты... ты... – Шу сама не понимала, хочется ей стукнуть Роне или смеяться вместе с ним, и ей это нравилось. Определенно нравилось!

– Я научу тебя всему, что тебе нужно, моя Гроза, – шепнул он, уложив ее себе на грудь, и ласково погладил по плечам. – И вот тебе мой первый урок: всегда верь своему сердцу. Даже если все выглядит однозначно плохо, но ты чувствуешь иначе – верь сердцу, а не глазам.

– Не смей защищать гнусного лжеца! – вскинулась Шу. – Или ты со мной, или...

– ...против тебя, – насмешливо закончил Роне.

– Ты защищаешь его, потому что он – твой любовник! Это с ним тебе было хорошо, да? Ни с одной женщиной, я помню, что ты сказал. Ты – такой же, как Люкрес!..

Шу хотела вырваться из его рук, вскочить – но вместо этого разрыдалась. Глупо, позорно, горько разрыдалась, так все это было больно и несправедливо.

– Чш-ш, моя девочка, все будет хорошо.

– Ты на его стороне-е... – всхлипнула Шу, чувствуя себя подло обманутой и использованной.

– На своей собственной, моя прекрасная принцесса. Каждый из нас на своей собственной

стороне. И ты это прекрасно знаешь.

– Ты... зачем ты...

– Затем, что мы с тобой нужны друг другу.

– Ты использовал меня...

– Ну нет, прекрасная принцесса. Это ты используешь меня, чтобы отомстить кое-кому. Я – невинная жертва твоего обаяния. Демонического, – с неподдельной обидой заявил Роне. – Поиграешь мной и бросишь, знаю я вас, принцесс! И что тогда делать мне, одинокому и обманутому? Вот уйду от вас в монастырь. Оденусь во все черное и буду страдать. По своей загубленной жизни.

– По чему?.. – переспросила ошарашенная Шу.

– По загубленной жизни, – со слезой в голосе повторил Роне. – А чтобы ты устыдилась, по тринадцатым числам буду писать тебе проникновенные письма. Я напишу такое письмо... такое... про львов, орлов и куропаток... Сама грозная Аномалия уронит скупую слезу над моей трагической судьбой!

Шу опять не понимала, плачет она или смеется. Наверное, все же смеется.

– Роне-е... – всхлипнула она. – Почему по тринадцатым?..

– Это символично! – так же пафосно ответил Роне.

То есть он смеялся где-то глубоко внутри, и Шу это ощущала, но как-то... совсем не как обычные эмоции! Вот как так получается?.. Она совсем, совсем запуталась!..

– Не ты одна, моя Гроза. Кажется, я тоже запутался, – совсем тихо и уже без насмешки сказал Роне.

– Я не понимаю... – пожаловалась Шу... и зевнула.

– Поймешь, когда проснешься. И вспомнишь, что мы – вместе. Ты, я и Дамиен Дюбрайн.

– При чем тут... – хотела спросить Шу, но не успела.

Она снова оказалась в таверне близ Кардалоны. Снова увидела светлого и темного шерров – мокрых от дождя, смеющихся... утонула в морских глазах и жемчужно-голубых потоках светлого дара.

Дамиен Дюбрайн. Тот, кто...

...целовал ее так, что земля уходила из-под ног.

...рассказывал о разных странах так, что ей казалось – она была там вместе с ним.

...обещал видеть только ее саму – не дар, не титул или наследство, только ее саму.

...просил никогда не называть его Люкресом и показал ей свое проклятие.

Тот, кто любит ее? Но почему он лгал?

Шу хотела спросить у Роне, но он куда-то делся. В старой таверне они остались вдвоем: она и Дамиен Дюбрайн. Почему-то он был одет в белый мундир с золотым шитьем и шел к ней по бесконечной ковровой дорожке семи цветов радуги, неся в руках корону с семью зубцами – корону империи. И все, кто собрался в тронном зале, кланялись, кланялись, кланялись – ему, будущему императору, и идущей рядом с ним королеве Зефриде Суардис.

Мама – строгая, одетая в алый траур – тоже несла что-то на бархатной синей подушечке... что-то... кажется, это был ключ. Очень страшный ключ. Большой, острый, покрытый ржавыми разводами... ржавыми или кровавыми?

Шу затошнило от запаха крови и смерти.

- Ты должна это взять. Ты - Суардис, - сказала мама, и почему-то в ее голосе слышался вой урагана.

- Я не хочу! Не надо! - крикнула Шу.

Но ее голос утонул в грохоте молний и приветственных воплях толпы. Или толпа орала что-то гневное, требуя ее смерти? Или не ее? За спиной королевы Зефриды поднималась огромная черная тень с огненными глазами и черными кожистыми крыльями. Страшный дракон выдохнул темное пламя - и оно медленно, неотвратно покатилося к Шуалейде, грозя вот-вот слизнуть обоих - и Зефриду, и Дюбрайна.

Шу рванулась к ним, закричала - предупредить, остановить пламя, и не смогла сдвинуться с места. А пламя уже слизнуло Дюбрайна и почти догнало маму, ее алое платье превратилось в языки огня, но она все шла и шла - к ней, к своей дочери, к Шуалейде. Такая же строгая и торжественная, не замечая, как сгорает сначала ткань, а потом кожа, и слезает черными хлопьями, и теперь к Шуалейде идет лишь обугленный скелет - все с той же синей подушечкой в хрупких руках, все с тем же окровавленным ключом...

- Мама... - Наконец-то голос вернулся к Шуалейде, и она почти смогла сдвинуться с места, чтобы бежать, бежать из этого ужасного места, от этого ужасного темного шера и его огня, от запаха крови, пепла и смерти.

- Возьми свое наследство, - потребовала мертвая королева, протягивая ключ. - Спаси свой дом и нашу семью. Никто, кроме тебя, не должен получить твой Источник! Помни, это только твое!

- Мама... - снова шепнула Шуалейда непослушными губами, - мама, я...

Продолжить она не успела, взять ключ - тоже. Черная тень раскатисто засмеялась, взметнулись огненные крылья, и мертвая королева рассыпалась, обугленные косточки раскатились под ногами Шу. Огромная черная лапа потянулась к висящему перед Шуалейдой ключу.

- Возьми скорее... - прошепел ветер, почему-то пахнувший цветущим каштаном, нежно коснулся заплаканных глаз Шуалейды.

И она потянулась к ключу - огромному, острому, блестящему...

И не успела. Первым его коснулся черный дракон. Ключ вспыхнул темным пламенем, обжег, ослепил ее, снова пахнуло кровью и гарью, и такой знакомый голос рассмеялся - низко, рокоюще, словно бурлящее в жерле вулкана пламя.

Глава 16

Башня заката

Источник, он же Линза – редчайшее и опаснейшее явление. По сути, для каждого шера источником является место, где он родился и обрел дар. Все вы знаете, как благотворно сказывается посещение родного дома. По большей части дар обозначает себя при рождении, а затем постепенно развивается, достигая полной силы к шестнадцати годам. В отдельных случаях происходит иначе. Дар может пробудить сильное колдовство, и тогда источник обретает особые свойства, более всего похожие на свойства линзы, фокусирующей и направляющей эфирные потоки. Каждая Линза обладает своими характеристиками, общего в них лишь неразрывная связь с хозяином.

«Введение в систематизацию стихий», с. ш. Парьен

26 день холодных вод, Риль Суардис

Шуалейда шера Суардис

Шу открыла глаза и рывком села на постели. В ушах свистел ветер и гремел раскатистый злобный смех, по лицу текли слезы. Пахло болью, кровью, цветущим каштаном и крахмальным бельем...

Она помотала головой, прогоняя ощущение кошмара. Оглянувшись, прислушалась.

Из раскрытых окон тянуло утренней свежестью, доносился птичий щебет и шуршание садовничьих метел. На большой кровати под тяжелым зеленым балдахином сладко сопел Кай, выпростав голые ноги из-под одеяла, рядом спал, уткнувшись в подушку, Зако.

От этой мирной картины остатки сна почти отступили. Шу даже не помнила уже, что именно ей снилось. Осталось лишь ощущение надвигающейся беды, опасность и необходимость срочно что-то сделать... да, ключ! Мама хотела дать ей какой-то ключ... что за ключ? А, неважно! Это всего лишь сон.

Куда важнее то, что было до него.

Роне. Темный шер Бастерхази ее... союзник? Любовник? О злые боги, она что, в самом деле занималась с ним любовью на балконе?!

Сладкие, невозможно яркие воспоминания нахлынули на нее, отзываясь в теле тягучей сытой истомой. И почему-то показалось, что солнечный свет померк, перечеркнутый темными драконьими крыльями, а где-то далеко послышался торжествующий злой смех... пахло гарью, жутью и смертью, потоки магии взвились, готовые защищать ее от неведомой опасности... От противоречивых чувств Шу задрожала, виски пронзила мгновенная боль. Словно кто-то пытался взломать ее ментальную защиту. Но ведь рядом никого! И вообще, это просто был дурной сон. Она просто не будет больше его вспоминать, и все. На самом деле нет никакой опасности!

Шу зажмурилась и прижала ладони к горящим щекам. Глубоко вздохнула. Пропела по себя умну отрешения. И сказала вслух:

– Наваждения и сны – к ширхабам лысым!

Наваждения отступили.

Остался лишь запах цветущего каштана. Но это каштан – не наваждение. Вон он, прямо под окнами, лениво покачивает гигантскими соцветиями-пирамидками, и пчелы над ним жужжат самые настоящие. А на столике, накрытые льняной салфеткой, самые настоящие абрикосы, сливы и яблоки. И еще буши – свежие, пышные, присыпанные

кунжутом. Пахнут даже сильнее, чем каштан.

– Вот так-то лучше! – вслух сказала Шу, отогнала неуместное побуждение глянуть на себя в зеркало и проверить, изменилась ли она после своей первой ночи с мужчиной, и спрыгнула с постели.

Заморачиваться с платьем она не стала. Призвала привычные бриджи, рубашку и кожаную жилетку, быстро оделась, расчесала спутанную косу и заплела заново. Будить Бален она не стала, ни к чему это.

То есть не то чтобы Шу не хотела сейчас видеть единственную подругу. Просто Белочка обязательно поймет, что ночью что-то произошло, и спросит. А врать ей Шу не хотела еще больше, чем рассказывать правду.

Ну а как вы себе это представляете? В смысле правду? «Знаешь ли, дорогая Баль, сегодня ночью я впервые занималась любовью с мужчиной. И это был тот самый темный шер Бастерхази, которого ты боишься и ненавидишь. Да-да, тот самый, который то ли участвовал в покушении на Каetano, то ли не участвовал, никто точно не знает. Да-да, любовник моей сестры и то ли принца Люкреса, то ли полковника Дюбрайна, то ли всех сразу. Он был великолепен, я собираюсь повторить!»

На идею «повторить» тело отозвалось горячей сладкой дрожью, а магические потоки устремились во все стороны, словно пытаясь найти и дотянуться до такой сладкой, такой вкусной тьмы. И почти тут же Шу уколол приступ паники, пахнуло гарью и смертью – так коротко, что она даже толком не поняла, с чего бы. Но желание сейчас же найти Роне, коснуться его – пропало. словно ее окатило ледяной водой, проясняющей разум.

О чем она вообще думала, и главное – чем? Какое, к ширхабу лысому, «повторить», и единственный-то раз был сумасшедшей авантюрой! Если еще и повторить, она привыкнет к Бастерхази, а там уже полшага до того, чтобы ему довериться. Нет уж. Доверие мужчине, тем более темному шеру – непозволительная роскошь для принцессы.

Достаточно того, что у нее есть Энрике с Бален, которые никогда ее не предадут.

Вот только расстраивать их новостями о ее новых отношениях с Бастерхази не стоит. Так что пусть пока спокойно спят. Разбудить стоит разве что Зако, а то заявится барон Уго к Каetano, застанет его в одной кровати с верным другом и подумает ширхаб знает что.

Не обуваясь, чтобы не шуметь, Шу подбежала к большой кровати и пихнула Зако.

– Перебирайся на свою кровать, растлитель малолетних принцев.

Зако растерянно со сна уставился на нее, потом оглянулся на сопящего в соседнюю подушку Каetano, хмыкнул и потянулся.

– Вот если бы малолетних принцесс... – пробормотал он, заворачиваясь в простыню и сползая на пол.

Жар бросился Шу в лицо, но вовсе не от созерцания полуголого Зако. Знал бы он, кому Шу позволила себя соблазнить! Но по счастью верный друг еще недостаточно проснулся, чтобы заметить ее предательски покрасневшие скулы.

– Если Бален будет искать, скажи, я в Закатной башне, – шепотом велела она, примериваясь к бушам и абрикосам: почему-то ее одолел зверский голод. – А Кая не буди, и за мной не ходите, понял?

– Слушаюсь, ваше сумрачное высочество, – ответил Зако и зевнул.

А Шу, впившись зубами в самый большой абрикос и прихватив парочку бушей с собой, побежала к дверям.

– Туфли, – почти на пороге остановил ее страшный шепот.

Она недоуменно обернулась к Зако, уже забравшемуся в свою кровать. Тот глазами показал вниз и повторил:

– Обуйся, гроза зургов.

– Ага, – пробормотала Шу с набитым ртом, призвала мягкие эспадрильи, в которых бегала в крепости Сойки, а заодно еще самое большое яблоко. – Спасибо, Зако.

Получилось что-то вроде «мня-мня», но какие это, право же, мелочи, когда ее ждет настоящее приключение!

Весь какой-то помятый, несмотря на модный длинный сюртук, белоснежные кружева и идеальную гладкость свежевыбритых щек, помощник сенешаля уже маялся около резных двустворчатых дверей в конце Цветочной галереи, что на втором этаже западного крыла. Навесной замок, достойный оружейного склада, выглядел так, словно вырос из этих дверей, будет на них жить и умрет с ними вместе.

– Светлое утро, ваше высочество! – издали увидев Шуалейду, начал раскланиваться и мести шляпой пол шер Вондьяс. – Соболаговолите убедиться, башня закры...

Протяжный скрип и тяжелый грохот разнеслись по пустынной галерее. Сишер осекся, обернулся и замер.

– Светлое, – улыбнулась Шу: после завтрака жизнь стала прекрасной и удивительной, для полного счастья не хватало лишь шамьета со сливками. – Как видите, слухи о неприступности башни несколько преувеличены. Идемте!

Она прошла мимо сишера в распахнутые двери, остановилась посреди приемной. Яркий утренний свет лился сквозь витражные окна, золотил танцующие в воздухе пылинки, дробился в зеркалах и серебряных безделушках, прыгал солнечными зайчиками по идеально новой мебели и пушистым коврам. Хотелось протянуть руку и поймать быстрое пятнышко; хотелось чирикать вместе с птицами, летать и кувыркаться под облаками; хотелось прижаться к теплой материнской руке, услышать родной голос...

«Здравствуй, Шу».

Шу вздрогнула. Показалось?

«Не показалось, – в знакомом голосе сквозила улыбка. – Ты так выросла, стала красавицей».

Шу по привычке хотела фыркнуть: что я, в зеркале себя не видела? Но гордость матери заставила ее осечься. Не только гордость матери, но и восторг в глазах некоего темного шера... Нет-нет! Она не будет вспоминать о Роне здесь! Как-то это неправильно и...

Показалось, за витражными окнами промелькнула страшная крылатая тень, на мгновение застив солнце.

Шу передернулась и обхватила себя руками за плечи, чтобы согреться. Но тут же нахмурилась и руки опустила. К ширхабам лысым Роне, странные образы и глупые страхи. Она пришла домой. Наконец-то – домой!

«Здесь тебя любят и ждут, моя девочка», – шепнул знакомый голос, и на Шу повеяло уютным, безопасным теплом.

«Мама? – Шу почти поверила, что не было двенадцати лет в Сойке, не было пышных похорон и урны в семейном склепе; показалось, что сейчас мама выйдет из гостиной, протянет руки навстречу, и можно будет наконец-то ее обнять. – Ты здесь?»

Тихое покашливание спугнуло иллюзию. Шу оглянулась на Вондьяса, не решающегося ни ступить за порог, ни сбежать. Мгновение она непонимающе смотрела на него, пытаясь удержать ускользающие остатки тепла и безопасности. Но присутствия матери больше не ощущалось: призрак исчез, так и не показавшись. Накатила тоска пополам со злостью. Будь прокляты иллюзии и пустые надежды!

– Вы еще здесь, сишер? – Собственный голос показался Шу похожим на хриплое

карканье. – Ну-ну. А вы смелее, чем кажется. Идите сюда, никто вас не съест.

Вондьяс ошалело кивнул и сделал шаг в приемную. Шу усмехнулась: страх перед королевской немилостью и настоящей темной колдуньей оказался сильнее страха перед легендами и привидениями.

– Приемную оставить как есть, – распорядилась она.

Здесь все было именно так, как она помнила, хоть это было и очень странно: Кай родился на два с половиной года позже нее, а после его рождения башню закрыли. Тем не менее, Шу не раз во сне входила в эту комнату – белую, с редкими цветными пятнами: лазурные кресла, зеленые померанцы в кадках, снежно-голубой горный пейзаж на стене рядом с дверью в комнату камеристки и гардеробную.

Странно было и то, что померанцы за двенадцать лет одиночества не засохли – но и не выросли. словно время заперли так же, как и двери.

Интересно, что там дальше, в самой башне?

Уверенно прошагав к витражным дверям в собственно покои королевы, Шу толкнула их и шагнула внутрь. В гостиную, она же малая столовая.

Здесь тоже все осталось по-прежнему – три высоких окна по трем сторонам круглой башни были едва прикрыты газовыми занавесями, по стенам вились живые розы, в мраморном камине высились пирамидкой вишневые поленья, а круглый стол накрывала накрахмаленная вышитая скатерть. На уютных полосатых диванчиках все так же были разбросаны разномастные подушечки, а на низком столике стояла корзинка с разноцветными нитками и лежали пальцы с начатой вышивкой.

Шу смахнула невольную слезу, как наяву увидев маму с вышиванием и себя, играющую с цветными нитками...

А ведь тогда Шу видела лишь нитки и не понимала, о каких таких потоках говорит мама. Станный выверт памяти: ей всегда казалось, что она родилась колдуньей, но на самом деле до двух с половиной лет ее дар спал. И этих столбов света, уходящих в потолок, она не видела. А сейчас видит и даже может пощупать.

Стоило подойти к одному из вертикальных потоков, как он ожил, потянулся к ее рукам, пощекотал, словно мохнатый котенок усами, и удовлетворенно загудел.

Кажется, это гудение услышал и сишер помощник сенешаля – о котором Шу совершенно забыла.

– Светлая, сохрани, – пробормотал он с порога.

– Вы это видите? – спросила Шу, резко обернувшись к нему.

– Что именно, ваше высочество?

– Это! – Шу погладила оживший поток, и тот отозвался довольным мурлыканьем. А саму Шу окатило волной яркого, щекотного удовольствия.

У шера Вондьяса сделались несчастные глаза, но он закивал:

– Комната в отличном состоянии, ваше высочество! Покои для ее величества делал сам...

Имя «самого» Шу пропустила мимо ушей, поняв, что магии помощник сенешаля не видит, а значит, ей не поможет. И ладно, она прекрасно во всем разберется сама. Это теперь ее башня и ее магия.

«Ключ, моя девочка», – шепнул ветер, распахнувший окно и играющий с газовой занавесью.

Шу непроизвольно поежилась, перед глазами мелькнуло что-то черное, страшное, и пахло гарью.

– Не стойте столбом! – сердито велела Шу. – Идем дальше.

«Дальше, дальше!» – обрадовался ветер, подталкивая Шу к лестнице на второй этаж башни. Он ласкался, щекотал и урчал, все больше напоминая Шуалейде маленькую Морковку...

Странно, но этим утром Морковка не вылезла даже потребовать завтрака. Спряталась и не напоминала о себе. Уж не случилось ли с ней чего-нибудь?.. Может быть, она испугалась Бастерхази?

От этой мысли стало неприятно. Какого ширхаба даже рысь – и та осуждает ее поступок?!

«Забудь про темного, от него одни проблемы! Не отвлекайся!» – потребовал ветер, продолжая ластиться и урчать, и Шу согласилась: она не будет отвлекаться. Ей так хорошо дома! Как она могла забыть о башне Заката и считать домом крепость Сойки? Ее дом – здесь, только здесь!

На втором этаже была детская – родная, привычная... и очень маленькая. Такая маленькая, что Шу захотелось тут же, немедленно, сделать ее больше. Хотя бы впустить в нее свежий ветер и шелест деревьев, и птичье чириканье...

Она воздушным потоком толкнула оконные рамы – и те распахнулись, жалобно зазвенев, шторы взвились от ветра, деревянная лошадка закачалась на полозьях, в комнате сладко запахло цветущим каштаном...

Бросившись к своей любимой лошадке, Шу прижала ее к груди. Как она могла забыть? Ведь она хотела подарить лошадку своему маленькому братику! Сразу, как только тот родится. А теперь Кай совсем взрослый, ему больше не нужна деревянная лошадка. Но... это же хорошо! У Кая теперь есть настоящая лошадь и настоящая рысь, и он скоро станет настоящим королем...

Шу совершенно не понимала, что с ней творится. Ей хотелось смеяться и плакать одновременно, и танцевать, и петь, и летать, и скорее рассказать маме...

– Ваше высочество, – ее снова вернул в реальность сишер Вондьяс. – Прошу вас...

Обернувшись, Шу рассмеялась. Бедняга сишер вцепился в дверной косяк, чтобы его не снесло разыгравшимся ветром. Его сюртук хлопал полами, напояженная прическа растрепалась, глаза слезились, и весь он походил на кота, который влез на дерево и теперь боится слезать.

– А, не обращайтесь внимания, всего лишь сквозняк! – Шу потянула шаловливый ветер к себе, как иногда тянула рысь за шкуру. – Видите, он уже успокоился.

– Благодарю, ваше высочество... а... что делать с этими покоями?

На миг Шу задумалась – в самом деле, что делать с детской? Ей не нужна детская, она уже выросла. Правда-правда, она теперь совсем взрослая! Надо сказать маме, скорее сказать маме!

– Сделайте кабинет, – отмахнулась она от шера Вондьяса. – Что-нибудь светлое и уютное, сами придумайте. Вы же умеете!

Сишер закивал и попятился.

Чего он снова испугался? Станный. На вид такой строгий, а мечтает о горячей овсянке для больного желудка и визите сына с маленькой внучкой... приготовил для малышки фарфоровую куклу... а сын сегодня вечером пойдет в клуб и проиграется в карты, рассорится с женой, та увезет девочку в родительское поместье...

Ей нужна лошадка! Девочке обязательно понравится деревянная лошадка с гривой из белого шелка! Вот зачем Шу ее взяла – ее надо подарить!

Шу сунула лошадку шеру Вондьясу.

– Вот, это для вашей внучки. Ступайте сейчас же домой, пусть вас накормят овсянкой, и не смейте возвращаться до завтрашнего дня! А ваш сын пусть сегодня вечером читает

вам вслух.

- Но как же... ваше высочество, сегодня приезжает кронпринц... барон Уго...

- В болото кронпринца и барона Уго! Я вам приказываю – ступайте немедленно домой! И чтобы до завтра ноги вашей не было в Риль Суардисе!

Отмахнувшись от побледневшего и дрожащего сишера Вондьяса, Шу тут же о нем забыла. Ее манили последние этажи башни: мамина спальня и самая верхняя, последняя комната, где Шу никогда не была. Что там? Может быть, там она найдет маму?

Два пролета лестницы она преодолела двумя длинными прыжками. Отчего-то тут, в башне, до странности легко было летать и призывать ветер. И до странного уютно и безопасно. Только дождь почему-то холодный... и ветер поет, и плачет, и зовет...

Порыв ветра распахивает окно – прямо в грозовую ночь. Ледяные струи окатывают Шу, заставляют поджать босые ноги и глубже забиться в угол между маминной кроватью и стеной. Вокруг суетятся служанки, что-то шепчут, волнуются. Мечется свет фейских груш, по стенам прыгают страшные тени. Мама стонет, ей больно. Тревожно.

Ожидание.

Кто-то идет. Кто-то хороший, нужный. Родной. Ищет дорогу среди теней.

- Иди сюда! – зовет Шу. – Я здесь, жду тебя!

Ветер свистит, воеет, сбивает его с пути. Толкает обратно, за грань. Рвет тонкую нить любви и нежности, только протянувшуюся между ним и сестрой.

- Не бойся, братик, не бойся, – шепчет она: никто, кроме брата, не слышит ее голоса. – Скорее иди сюда, мы прогоним страшного, злого. Я помогу тебе!

И дождь поможет, и ветер. Поет, зовет ветер! Дождь смывает тени, гонит чудищ. Молнии сжигают боль и страх.

- Я люблю тебя, братик, ты нужен мне. Если ты не придешь – кто будет любить меня? Верь мне, верь ветру и грозе. Это мой ветер, моя гроза! Моя сила, не того, злого! Моя буря, слышишь, братик? Здесь нет никого страшного. Только мама и я. Иди сюда, ничего не бойся. Я с тобой!

Крик новорожденного пробивается сквозь гром и свист ветра. Мама больше не стонет, но почему-то плачет. Служанки умолкли. Тени по-прежнему мечутся по стенам, но Шу больше не боится их: гроза за окном смыла страх. Это теперь ее гроза, ее ветер. Никто не навредит братику... никого нет...

Ласковые, теплые руки обнимают ее и укачивают, прижимая к теплому и родному. Страх спрятался, рассыпалась пылью ненависть. Вокруг тихо, пусто. Только она, брат и...

- Мама? Ты здесь, мама?

- Здесь. Просыпайся, Шу, пора, – отозвалось дыханием ветра.

- Проснись! Да что с тобой, Шу?! – другой, но не менее знакомый и родной голос волновался и требовал. – Ты пьяна?

- Бален? Что?..

Шу с трудом разлепила глаза. Вокруг клубились и искрили сине-бело-лиловые потоки тумана, искажали пространство до неузнаваемости, звали взлететь в облака, бурей пронестись над землей, пролиться дождем. Знакомая лиственная зелень Бален едва мерцала в буйстве дикой магии.

- Идем. – Подруга потянула Шу за руки, заставила подняться с пола. – Вот зачем ты пошла сюда одна? Слава Светлой, Зако нас разбудил.

- Скорее, Шу, – позвал Энрике. – Да проснись же!

Шу улыбнулась и попыталась сказать, что здесь нет никакой опасности, что не надо уходить. Разве они сами не видят, как тут чудесно? Но из горла снова вырвалось невнятное карканье.

- Ширхаб, - выругался Энрике, подхватил ее на руки и побежал вниз по ступенькам.

Сквозь туман Шу едва понимала, что не надо сопротивляться: друзья хотят как лучше, просто не понимают, что вся эта магия - ее! А так хотелось снова слиться с ветром, полететь наперегонки с орлами, подняться высоко-высоко, чтобы стало видно всю империю...

- ...не открывается! - сердито вскрикнула Баль.

- Шу, выпусти нас скорее! - потребовал Энрике.

«Играть, играть! - радовалась маленькая девочка верхом на деревянной лошадке. - Вместе играть!»

- Пожалуйста, Шу, открой двери!

«Не хочу, мое! - топнула ножкой кроха. - Играть!»

«Потом поиграешь, малышка, - голос мамы согрел и успокоил ее. - А сейчас вернись к своим друзьям, они нужны тебе!»

Неохотно вынырнув из сладких потоков магии, Шу взглянула на Бален, дергающую неподвижную дверь.

«Откройся», - велела Шу.

Дверь с недовольным скрипом приоткрылась, а Шу потребовала у Энрике:

- Отпусти. Я еще не научилась ходить!

- Ну наконец ты вернулась, - облегченно выдохнул Энрике, поставив ее на пол в Цветочной галерее.

- Никуда я не уходила, глупости какие, - буркнула Шу, с сожалением отпуская ласковые потоки магии.

- Вот и расскажешь мне, что это за глупости такие и во что ты опять встряла, твое неугомонное высочество.

Глава 17

Благими намерениями

26 день холодных вод, Суард

Рональд шер Бастерхази

Эфирная буря застала Роне в совершенно неожиданном месте. Для него самого неожиданном. То есть в салоне лучшей столичной портнихи. Дамской!

Но начнем с начала.

Этим утром Роне проснулся в теплой компании. Обожравшийся до полной потери страха Тюфа разлегся прямо на его одеяле и довольно пощелкивал. Эйты вылез из своей кладовки и притаился у самого изголовья с такой зверской рожей, что не будь он полностью послушен в силу своей природы, Роне бы испугался за сохранность собственного горла. А Ссеубех – свое переплетенное в человеческую кожу сокровище он давно уже привык называть по имени – парил в центре какого-то сложного стихийного узла, растопырив страницы наподобие ушей летучей мыши. Роне даже показалось, что дохлый некромант успел создать себе антропоморфную проекцию и напитать ее дармовой энергией до изрядной плотности. Правда, проекция растаяла через мгновение после того, как Роне открыл глаза. Ну и пусть эта маленькая тайна пока остается в распоряжении дохлого некроманта. Рано или поздно – скорее рано, чем поздно – Роне все узнает и обратит на пользу дела. В конце концов, дело у них с Ссеубехом одно, благословенное Двуетиными.

– Брысь, – велел Роне пьяному гоблину и краснокожему умертвию разом.

Ссеубеха он трогать не стал, пусть развлекается.

– Светлого утра, патрон. – Пригасив плетение, фолиант аккуратно спланировал на свой юпитр. – Позвольте вас поздравить с великолепным приобретением. Уже вторым. Мое восхищение!

– Аномалия прекрасна, – согласился Роне, довольно потягиваясь.

Сила переполняла его, несмотря на трех проглотов. Да что там, сейчас он мог бы запросто оживить гоблинского шамана и Эйты разом! Но – не заслужили. А вот он сам вполне заслужил какую-нибудь приятную мелочь. К примеру, свежайшего шамьета с бушами прямо сейчас...

– Эйты, какого екая мне приходится ждать завтрака! Бегом!

...и повторения этой ночи – ночью. Или вечером. Или вечером и ночью. И утром тоже. Мм... и прямо сейчас Роне бы тоже не отказался, даже вместо шамьета.

О, эта Шуалейда! Совершенно сумасшедшая девчонка! Ее мать, светлая Зефрида, ни в какое сравнение с ней не идет! Не говоря уже про Ристану. Никто не идет, если уж начистоту, кроме Дюбрайна. Но Дюбрайн далеко, а Шуалейда – близко.

Семь екаев, как она хороша! Ослепительно хороша!

Правда, только для ценителей, то есть истинных шеров. Смотреть на нее взглядом бездарного категорически не рекомендуется: внешность у нее – Суардис во всем разбойничьем великолепии. Острая, смертельно опасная сталь и никакой женственности, к тому же одевается она... м-да... И это может стать проблемой.

Уже стало.

Обделенные мозгами и чувством самосохранения придворные моллюски уже вчера

шептались о ее дурном вкусе, ужасной фигуре, кошмарных манерах и о чем-то там еще, оскорбляющем их тонкое эстетическое чувство. Роне бы назвал их шакалами, но не хотел оскорблять животных, обладающих отличным нюхом не только на падаль, но и на неприятности. Эти – не обладали. Слишком привыкли считать самой влиятельной фигурой Валанты старшую принцессу. Конечно же, Роне их не разубеждал. Но быть такими идиотами!

Бездарные, что с них взять.

И Ристана тоже хороша. Ненависть ненавистью, но послать сестре достойные принцессы платья она была обязана! Достойные – не в смысле шитые по последней моде, а те, в которых Шуалейда бы походила на принцессу, а не ворону в оборочках. Неудивительно, что Аномалия не стала их надевать. В нежно-розовом она бы, пожалуй, выглядела еще ужаснее и глупее.

То же, в чем Аномалия явилась во дворец, было воплощенной мечтой престарелой провинциальной девы. Наверняка этот шедевр создавался под руководством компаньонки. Без сомнения, дамы достойной. Но вот беда, дама сия двенадцать лет не бывала в столице и никогда не отличалась изысканным вкусом.

И если Шуалейда завтра выйдет на бал в чем-то подобном, ее непременно обсмеют, она расстроится... Глупую мысль «не хочу, чтобы она расстраивалась» Роне отогнал. Все намного проще и логичнее. Аномалии предстоит встреча с Люкресом и Дюбрайном – которого опять носит Мертвый знает где! А она и так нестабильна. Так что не надо добавлять еще одну соломинку на спину этого верблюда. Если Аномалия сорвется на балу, плакала должность полпреда Конвента, не говоря уже о шансе Единения на троих. О нет! Ради перспективы сделать то, что не удалось самому Ману Одноглазому, Роне готов был заказать для Шуалейды не одно платье, а сотню! Тысячу платьев вместе с веерами, туфельками, ридикюльчиками, кулончиками, заколочками и без чего там еще дамы не мыслят жизни.

Хотя с его точки зрения Шуалейда может одеваться хоть в драную простыню. Ее дар – вот лучшее платье...

Стоило вспомнить, как оно было – касаться ее, брать ее, сливаться с ней телом и магией, – как резко захотелось вообще не пускать ее на бал и не показывать Люкресу. Никому не показывать, даже Дюбрайну. Ну... ладно, Дюбрайну можно. Он не такой глупец, чтобы выбрать одну только Аномалию, когда может получить и ее, и Роне. Хотя идея делиться добычей Роне все равно не слишком нравилась. Причем делиться и Дюбрайном с Шуалейдой, и Шуалейдой с Дюбрайном. По счастью, голос разума был все же сильнее инстинктов хищника, а он подсказывал, что Единение на троих стоит некоторых жертв. Да и вообще, от них в паре Роне получит несоизмеримо больше, чем от каждого по отдельности.

Подавив желание сунуть Шуалейду в мешок, упаковать в заговоренный сундук и запереть на замок, Роне для начала попробовал дозваться Дайма. Но то ли поблизости от светлого не оказалось ни одного подходящего зеркала, то ли светлый заблокировал связь, но сказать ему пару слов в глаза не вышло. Пришлось писать записку.

«Ты нужен в Суарде. Срочно! Альгредо напортил везде, куда дотянулся. Аномалия чуть не сорвалась. Я сделал все, что мог, чтобы она не возненавидела тебя и не снесла дворец к екаям собачьим. Дальше – сам, мой светлый шер».

Послав записку со свежепойманным вороном, Роне отправился в семью екаями драный модный салон заказывать Шуалейде наряды. При его появлении заполошнные курицы, осаждавшие мадам Как-ее-там требованиями немедленно заняться именно их платьями, вымелись из салона на счет «раз», и правильно сделали.

– Вы закрыты до самого бала. У вас срочный заказ, милочка, – обрадовал мадам Роне. – Вы шьете для ее высочества Шуалейды.

Мадам попыталась что-то лепетать о других клиентках, репутации и какой-то еще ерунде. Разумеется, Роне даже слушать не стал.

– Вам не нужна милость королевского дома? Или, быть может, вы желаете огорчить

меня?

– О нет, темнейший шер, ни в коем случае! Я... все будет...

– Я знал, что вы не зря считаетесь лучшей в Суарде, – великодушно кивнул ей Роне.

– Но как же мерки... фасон... цвет...

– Меряйте!

Роне взмахом руки выставил перед помощницами мадам материальную проекцию Шуалейды, благо экономить силу ему теперь не придется. Глаза мадам на мгновение приобрели сферическую форму, еще немного, и выскочили бы. Роне даже ей посочувствовал: нелегко, должно быть, жить в плоском и скучном мире без магии. Наверняка бедняжке приходится столько всего делать руками! А ведь ее предки были шеррами искусства. Жаль, в самой мадам от прекраснейшего дара остался лишь жалкий отблеск. И это – лучшие!

Роне даже успел выбрать цвет, фасон и что-то там еще. Это оказалось проще некуда. Достаточно было улыбнуться мадам и заверить, что всецело доверяет ее вкусу. Ведь если ее высочеству понравится, у мадам будет шанс стать ее личной портнихой. А если не понравится, ее высочество может очень сильно огорчиться. Вы же слышали, что случилось с зургами в Олойском ущелье? Да-да. Именно, мадам. Они огорчили нашу добрую принцессу. Мягкой им травы. А первое платье должно быть у ее высочества сегодня к обеду.

– Первое?... – Мадам попыталась упасть в обморок, но Роне удержал ее слабым, чтобы не сломать хрупкую человеческую плоть, воздушным потоком.

– Разумеется, первое нужно сегодня. В чем, по-вашему, ее высочество будет встречать кронпринца империи? А завтра к четырем часам пополудни доставьте второе, бальное. И чтобы никакого розового цвета, от розового у ее высочества портится настроение.

Именно на словах о настроении ее высочества его и накрыло. Волна стихийной аномалии прокатилась по всему Суарду, слава Двуетиным – не такая сильная и разрушительная, как год назад. Но ее вполне хватило, чтобы у Роне закружилась голова, он на мгновение потерял ориентацию в пространстве, а в следующее мгновение отмахнулся от мадам, выскочил на улицу – и обернулся в сторону Риль Суардиса.

В первый миг он не поверил собственным глазам. Ведь этого не может быть, потому что не может быть никогда! Спящая, запечатанная намертво башня Заката сияла, разбрасывала вокруг себя грозные протуберанцы, гудела и выла так, что уши закладывало! И это буйство сейчас видели все мало-мальски одаренные шеры Суарда, а может быть, и всей Валанты.

И кронпринц Люкрес тоже, он же прибывает в Суард сегодня.

Мертвый дери! Не может быть, чтобы Зефрида сумела спрятать от него Линзу!

– Нинья! – позвал он, наплевав на ожидающую его карету, вскочил в седло вышедшей из Тени химеры и помчался к Риль Суардису.

И у самых ворот понял, что опоздал. Эфирная буря утихла, превратившись в скромную стихийную воронку на месте Закатной башни, а сияние Аномалии обнаружилось в покоях принца Каetano. Рядом с ней, едва заметные в короне сине-фиолетового солнца, подмигивали зеленая и голубая точки: Герашаны сумели увести Аномалию из башни и спрятать в относительно безопасном месте, но не смогли разорвать пульсирующий канал силы между ней и башней.

Проклятье, если бы не шисовы платья – он бы успел сам застать ее в Линзе, и тогда... Трижды проклятье! Упустить такой шанс!

Впрочем, еще не все потеряно. Шуалейда лишь коснулась своего Источника, но не успела ничего с ним сделать. А Зефрида наверняка не все предусмотрела, она всегда считала Роне недостойным внимания – и сейчас он впервые был этому почти рад.

Отпустив Нинью перед вторым входом в башню Заката – тем, что ведет напрямик в сад, – Роне снес к Мертвому проржавевший замок, который ни динга не стоил без магии Зефриды. И двери башни Заката впервые раскрылись перед ним.

Злые боги, если бы четырнадцать лет назад он хотя бы допустил мысль о Линзе! Как же он недооценил Зефриду! Светлая, о да, она всегда была светлой – но никогда не была ни доброй, ни наивной. Но чтобы вот так провести его...

– Зачем, Зефрида? – шагнув в башню Заката, спросил он у разноцветного смерча, нижним концом уходящего в самую Хиссову бездну, а верхним колышающего голубой подол Райны.

Столб тумана качнулся, забурился и стал прозрачным, позволяя увидеть сидящую в кресле с вышиванием юную королеву. Зефрида закончила стежок и подняла взгляд на Роне. Он еле подавил дрожь: вместо не позабытых за годы лазурных, с темными крапинками глаз на знакомом до последней черточки лице сияли окошки в солнце – белое, ослепительное до черноты солнце. Горячее, безжалостное солнце.

– Здравствуй, Рональд. – Зефрида улыбнулась одними губами. – С чем пришел?

– Зачем ты обманывала меня?

Мертвая королева пожала плечами. Она казалась умиротворенной, словно вокруг не бушевала магия, способная снести и заново воздвигнуть всю Твердь. Нет, не вокруг – она сама была этой магией.

– Я не обманывала, Рональд. Ты обманывал себя сам.

– Все эти годы я любил тебя, искал средство вернуть тебя. А ты смеялась надо мной! Молчала о Линзе! Притворялась... злые боги, ты притворялась даже перед собственным мужем! Зачем ты умерла, когда в твоих руках такая сила?!

– А ты по-прежнему не умеешь слышать и видеть ничего, что не укладывается в твое «хочу», Рональд. – Королева покачала головой. – Столько прекрасных слов о любви, помнишь? Тот, последний вечер. Я почти поверила тебе, почти рассказала...

Воспоминание об их последнем разговоре – за два дня до ее смерти – хлестнуло наотмашь разочарованием: как близко Роне был к цели! Если бы он тогда не отступил, не позволил бы ей сказать очередное «нет»! Если бы он знал, что времени у них не столетия, а считанные дни... Проклятье!

– Слава Светлой, только почти! – нанесла добивающий удар королева.

В этот момент она была так смертельно прекрасна, что Роне готов был упасть перед ней на колени и целовать ее подол. Или сорвать с нее платье и взять ее прямо здесь, на полу ее гостиной.

– Видят боги, я любил тебя, Зефрида. До сих пор люблю. – Роне шагнул к ней так близко, что почти почувствовал ее тепло. – Ты не веришь мне, никогда не верила. Все потому, что мне выпало родиться темным!

– Ты все еще темный, Рональд, – оборвала его Зефрида. – Потому что не любишь никого, кроме себя. И никогда не любил.

От несправедливости ее слов хотелось выть и крушить все вокруг. Она, единственная, кому он верил, единственная, кому хотел подарить бессмертие – предала! Утаила ключ к могуществу и свободе, сбежала в смерть, лишь бы не позволить жить ему.

Он смотрел на мертвую королеву, она – на него. Иллюзия рушилась, оставляя после себя лишь нагую, неприглядную правду: нет ни любви, ни предназначения, ни доверия. Только ложь, ничего кроме лжи.

– Ты обрела эту силу лишь после смерти, – задумчиво проговорил Рональд. – Ну конечно,

как я не понял. Ты боялась, что, рассказав мне о Линзе, станешь не нужна.

Королева снова покачала головой, но Рональд спешил довести мысль до конца.

- Но теперь-то ты видишь, что ошибалась? Мне не нужна власть, и я никогда не желал зла твоим детям! Ты же знаешь, я уберегу твою дочь от Паука и снова уберегу ее от Люкреса...

- Только потому, что тебе это выгодно, Рональд, - устало сказала Зефрида.

- Но в этом нет ничего плохого! Я делаю это ради всех нас, Зефрида. Пусть всем будет хорошо - и тебе, и Шуалейде, и мне тоже. Позволь мне помочь, и ты снова будешь жива. Разве ты не хочешь сделать счастливым своего мужа? Своих детей? Как можно отказываться от жизни из глупого страха! Мы будем вместе, пусть и не сразу - я готов ждать тебя, пока истечет отпущенный Тодору срок. Или ты по-прежнему считаешь меня недостойным?

- Оставь, Рональд. Твое красноречие бесполезно. Ты даже не понимаешь, в чем твоя ошибка, и не поймешь.

- Все еще боишься за каких-то абстрактных людей, Зефрида? Да брось. Я не собираюсь становиться вторым Ману и нести свободу встречным и поперечным. Ты же видишь, мне вообще нет до них дела.

- Вижу, Рональд. - Грусти и усталости в тоне Зефриды стало еще больше. - Для тебя люди, что мыши. Ты в погоне за сказкой разрушишь все вокруг и не заметишь. Зачем тебе свобода, что ты будешь с ней делать?

- Зачем что-то делать со свободой? Она стоит того, чтобы просто быть. Тебе не понять, Зефрида, ты выбираешь между жизнью и юбкой Райны. А я... разве я выбирал тьму? Меня никто не спросил, хочу ли я в Ургаш!

- Это не мой Источник, Рональд. Это дар моей дочери.

Роне ждал, пока она закончит терпеливо и снисходительно нести чушь, словно он - трехлетний малыш.

- По-твоему, чушь! - Солнечные глаза на человеческом лице полыхнули обжигающим пламенем, и Роне стоило огромного труда не отшатнуться: его камзол уже тлел, а кожа начала трескаться от жара.

Он снова ошибся, допустив неосторожную мысль, но на этот раз он не отступит. Ни за что.

- Зефрида, любовь моя...

- Тебе все равно, что будет с Шуалейдой, если кто-то заберет Источник! - прервала его мертвая королева. - И ты думаешь, мне твоя свобода дороже моих детей?

На миг повисла пауза: Роне пытался справиться с болью - разгневанная стихия уже мало походила на нежную Зефриду. Но тем прекраснее, тем желаннее она была. И он не отступит!

- Никто у нее ничего не заберет... да, это чушь! Я - не Паук! - Он все же не сумел справиться с собственным гневом. - И я - не светлый шер Кельмах, который пытался тебя убить! Открой наконец глаза, Зефрида! Увидь меня, а не тени из твоего прошлого!

- Ты - не тень из прошлого, Рональд, ты намного хуже Кельмаха!

- Да неужели? Чем же это, Зефрида? Я никогда не лгал тебе, я любил тебя все эти годы и оберегал твоих детей. Даже твоего мужа, хотя не вижу ни одной причины, по которой не должен был позволить ему умереть и оставить трон Ристане!

- А, вот мы и добрались до сути, темный шер Бастерхази. Ты, любовник этой злобной твари, смеешь говорить о любви мне? После того, как она лишила меня старшего сына? После того, как по ее наущению Кельмах чуть не убил и меня, и моих детей?!

- Да плевать я хотел на эту бездарную сучку! Какое имеет значение Ристана, когда ты отвергла меня и сбежала?! Ты могла хотя бы дать мне шанс, но нет, ты не видишь и не слышишь ничего, кроме своего предубеждения! Ведь я – темный, а все темные – чудовища! И плевать, что виновница твоих бед Ристана вообще бездарна, а обманутый ею осел Кельмах – светлый. Во всем виноват темный и только темный, даже если темный в это время был за тысячу лиг и знать тебя не знал!

- Да, ты – темный, Рональд! От тебя ничего, кроме вреда, где бы ты ни появился!

- Живая Шуалейда не в ученицах у Паука – это вред? Живой Тодор Суардис – это вред?

- Вред – это ты сам, Рональд. Ты – как плесень, как проклятие!..

Свет и жар стали почти нестерпимыми, кожа уже слезала клочьями, даже кости трещали от напора стихии. Но Роне лишь шагнул к мертвой королеве еще ближе, почти вплотную – немыслимым усилием преодолевая сопротивление воющего урагана.

- Я люблю тебя, Зефрида! Ты знаешь это, ты видишь правду! Так дай мне всего лишь шанс доказать, что я – не чудовище! Я помогу тебе снова стать живой, снова любить. Я знаю, как сделать так, чтобы Линзы хватило на всех, даже твой сын станет шером-прим, а не слабым отражением Шуалейды... И подумай о ней! Шу всего шестнадцать, она не справится с Линзой одна, без моей помощи. Никто кроме меня не сможет научить ее. Ради твоих детей, прошу тебя, Зефрида!

- Ты собираешься помочь Шуалейде? Рональд, твои увертки смешны! Ты научишь ее тому же, чему и Эйты – быть твоей покорной куклой! Думаешь, я не знаю, что ты сделал с ним? Или ты думаешь, я не знаю, как Паук украл Линзу у своего ученика и что стало с ее настоящим хозяином? Я скорее запечатаю башню Заката еще на триста лет, пока ты не провалишься в Ургаш, Бастерхази, но не подпущу тебя к Шуалейде и не позволю сделать из нее куклу! Убирайся!

Голос мертвой королевы поднялся до пронзительного свиста, разноцветный торнадо взвился, закружил Роне, швырнул его сначала об стену – а затем вынес обратно в сад и захлопнул двери башни.

- Демоница! – восхищенно, с искренней ненавистью прошептал Роне. – Провалиться мне в Ургаш, если ты не пожалеешь!

Черные, потрескавшиеся губы его сочились кровью, но он улыбался. На этот раз он не отступит. Ни за что. Он предлагал сделать так, чтобы хорошо было всем. Но раз Зефрида ему отказала – что ж, сама виновата. Хотела чудовище – получит чудовище, дери ее Мертвый!

Глава 18

О продуте чердаке и скрипучих уравнениях

26 день холодных вод, Риль Суардис

Шуалейда шера Суардис

Шу не слишком хорошо помнила, как вместе с Энрике и Бален добралась до гостиной Кая. В голове по-прежнему выл ураган, плакал дождь и кричал новорожденный брат, так что Шу не сразу разобрала, о чем ее спрашивает Баль. Услышала лишь знакомое имя, отозвавшееся приступом головной боли и страха.

– ...кто там был, Бастерхази? – Баль склонилась над полулежащей на диване Шуалейдой и обеспокоенно заглядывала ей в глаза.

– Не знаю, – просипела Шу и обессиленно опустила веки.

Она правда не знала. Все так запуталось! Да, она вспомнила, что произошло в башне Заката тринадцать с половиной лет назад, когда родился Каetano. Но воспоминание запутало ее еще больше. Разве могла она, девочка всего двух с половиной лет, убить полпреда Конвента и десяток ни в чем не повинных людей? И почему ей упорно кажется, что виноват в нападении на маму был не тогдашний полпред шер Кельмах, а Роне Бастерхази? Откуда эта жуткая черно-огненная тень, ведь шер Кельмах был светлым, и его стихия – земля, а не огонь...

Шу сжала виски ладонями, чтобы хоть как-то ослабить боль. Казалось, голова превратилась в колокол, и каждый удар сердца отдается болезненным, ослепительным гулом.

– Тебе больно? – Поверх ее рук легли ладони Бален, и колокол несколько утих. По крайней мере, теперь Шу хотя бы могла говорить.

– Мне?.. Я хочу домой, в Сойку. Ненавижу... Боги, как я ненавижу интриги и тайны! Будь они все прокляты!

– Злится – значит жить будет, – усмехнулся бледный Энрике, подсовывая Шу стакан с водой.

Шу отпила, радуясь прохладе в ободранном горле и стараясь не шевелиться. Покачив головой, Энрике повел ладонями по глазам Шу, прикрывая ей веки, аккуратно убрал с висков руки ее и Бален, сам приложил ладони. Через минуту или две головная боль стихла. Шу расслабилась, открыла глаза и уперлась взглядом в капли пота на лбу и воспаленные глаза светлого шера. Четко обозначились тревожные морщинки у рта и между бровей. Жемчужное сияние жизни померкло и сжалось.

Шу стало стыдно.

– Прости. Нельзя быть такой эгоисткой.

– Во всем есть положительные стороны, – перебил Энрике, поднимаясь с колен. – Надо только их найти.

– Повезло, ты обнаружила свой Источник и сумела не отдать его Бастерхази, – продолжила Баль.

Шу вздрогнула. Бастерхази, опять Бастерхази! Но ведь его там не было! Или был?.. И зачем ему ее Источник?.. Боги, как же она умудрилась так запутаться, что даже не поняла сама, что башня Заката – ее Источник! Ведь все признаки налицо. Опыание силой, непривычная легкость, воспоминание о рождении Кая – именно тогда она обрела дар, ведь родилась-то она пустой. Как она могла забыть даже об этом?

Года три назад Берри рассказывал о Пауке Тхемши, когда-то сумевшем украсть Линзу у одного из учеников, и о нескольких шерах-зере, овладевших своими Источниками. До сих пор никто не разгадал, как Пауку удалось подчинить чужую силу, когда даже для законных владельцев Линза смертельно опасна.

Шу как наяву вспомнила ту лекцию – и светящее в раскрытое окно солнце, и крики чаек над морем, и увлеченного собственным рассказом гнома...

– ...упоение силой приводит к помешательству. Представь себе лист на ветру. Нет, перо в урагане. Но не безобидное перышко, а острие атаки – средоточие стихии. Вон, посмотри. – Берри указал через окно на высокую скалу причудливой формы, в полулиге от берега. – Полтысячи лет назад мыс Крыло Сойки продолжался до Глухого Маяка, а не обрывался здесь, под крепостью. Крепость устояла только потому, что сама накрепко связана со стихиями и не противится магии, а впитывает ее. А ведь ничто не предвещало беды. Юноша-воздушник не отличался ни особой силой, ни особым умом. Я бы даже сказал, отличался его отсутствием, как свойственно многим чересчур прилежным и послушным ученикам. Он нашел какие-то шарлатанские манускрипты, уверовал в собственное великое будущее, попытался провести описанный шарлатаном ритуал – и вы видите результат. Нравится?

– Это красиво, – возразила Шу: по ночам обломанные скалы светились голубыми огнями, а в новолуние над морем поднимался призрак маяка, такого, каким он был много сотен лет назад.

– Красиво?... Скорее страшно и опасно, – пожал плечами гном. – Никогда, ни в коем случае нельзя пытаться взломать Линзу грубой силой! Лучше вообще обходить ее стороной, если не умеешь творить и экспериментировать на ходу. Нарушить баланс и открыть путь стихиям просто. А вот по-настоящему слиться со стихией, принять ее целиком и не сгореть – под силу очень и очень немногим.

– Почему? Ведь если это была его сила, что могло ему помешать? – спросила Шу, пристально разглядывая торчащие из моря скальные обломки и представляя, какой мощи была буря.

– Он сам, ваше высочество. Самый опасный враг любого шера – он сам! – Берри назидательно поднял палец. – Источник не только из-за фокуса стихий называют Линзой: место рождения силы ставит шера перед самим собой. Мало кто из людей способен посмотреть себе самому в глаза и не сойти с ума, не утонуть в иллюзиях, не подчиниться собственным страстям...

– А гномы, получается, способны? – встрял Каetano.

– Гномы – дети Земли, – улыбнулся Берри. – Наша слабость – не страсти, а ржавчина и окаменение. Знаете, с каким скрипом шевелятся каменные мозги?

В качестве иллюстрации Берри нацепил сложенную из позавчерашней газеты корону, соорудил зверскую рожу и пошевелил густыми бровями, одновременно топорща бороду и скрипя зубами.

Кай, Зако и Шу засмеялись, так он был похож на шарж Старейшины Дремстора из этой же газеты. А Берри продолжил:

– Слава Светлой, Линзы возникают редко. Намного реже, чем черные алмазы величиной с сундук. Слишком много условий: шер с латентным даром должен оказаться в блуждающем узле сети Ци-Рахмана в момент серьезного потрясения, идеально – смертельной угрозы, чтобы у него хватило мотивации пробудить свой дар. Само собой, на психику хозяина Линзы это воздействует не лучшим образом, что повышает угрозу при ее инициации. Однако эта угроза пока еще никого не остановила, что лишь подтверждает теорию: шеры слишком зависят от своей магии. Сами инстинкты шеро требуют наращивать магическую мощь, как будто только от этого зависит их жизнь.

– А разве нет? – спросил Каetano. – Чем сильнее шер, тем дольше и лучше он живет. Самым сильным шером был Роланд Святой, первый император!

– Самым сильным шером последнего тысячелетия был Ману Одноглазый, – покачал

головой Берри. – Тем не менее, жизнь его была короткой и полной несчастий, предательства и потерь. Так что магическая мощь, ваше высочество, не делает человека счастливым.

– А я бы хотел иметь Линзу, – не унимался Кай. – Я бы тогда стал могущественным королем и завоевал Полуденную Марку!

– Попробовали бы завоевать и бесславно пошли в жертву Мертвому демону. Но сейчас мы говорим не о ваших грандиозных планах, а о необходимости думать головой. Всегда думать головой! А то ваши мозги будут скрипеть так же, как Ониксовый трон при попытке решить квадратное уравнение. Особенно, ваши высочества, требуется уметь думать головой, когда перед вами такое великолепное искушение, как Линза. Поверьте, история знает множество примеров, как у самых добрых, справедливых и разумных шеров полностью продувало чердак, едва они слышали слово «Линза». Ради этой мощи они творили такое, что Мертвый бы устыдился. Линза, ваши высочества – это искушение не меньшее, чем драконьи крылья и драконье бессмертие.

– Бессмертие? – ухватилась за новую мысль Шу.

– Вот о чем я и говорю, – покивал Берри. – Принято считать, что инициировавший Линзу тут же становится шером-зеро, а шеры-зеро, как принято считать, бессмертны. Не физически, хотя бы потому, что жить в одном и том же теле тысячелетиями надоесть кому угодно, а духовно. В отличие от прочих шеров, зеро способны полностью сохранить память и личность при перерождении. Но это, друзья мои, уже тема следующей лекции. А теперь ваше прекрасное высочество, – гном подмигнул Шуалейде, – расскажет нам, что следует делать при обнаружении Линзы...»

Тогда Шу на полном серьезе заявила, что следует позвать дру Берри, который знает все на свете, и вместе с ним бегом бежать эту Линзу инициировать.

Сейчас же...

Сейчас Шу не понимала толком, жалеет она, что поддалась любопытству и полезла в башню Заката без малейшей подготовки, или нет. В смысле – а толку сожалеть? Уже полезла. И, если она правильно помнит слова Берри – теперь уже деваться ей некуда. Источник пробудился, и либо она инициирует его и подчинит себе, либо сойдет с ума или погибнет. Впрочем, вариант «инициировать и сойти с ума» тоже не исключен.

Хотя нет. Есть четвертый вариант. Связаться с Конвентом, запросить помощи в запечатывании Источника и навсегда отказаться от башни Заката...

«Ты должна взять ключ. Это твое наследство!» – прозвучал в ушах голос мамы.

Шу поежилась и взглянула на Энрике с Бален. Они, как и всегда, готовы были идти с ней куда угодно и защищать ее хоть от самого Хисса. И они погибнут или сойдут с ума вместе с ней, если она не справится. Так может быть, связаться с Конвентом?..

«Тогда уж проще сразу отдать Источник шеру Бастерхази. Ты не забыла, что именно он – полпред Конвента в Валанте? Именно ему поручат разобраться. И поверь мне, он – достойный ученик Паука Тхемши, уж он найдет способ получить и Линзу, и тебя к ней в придачу!»

Шу лишь поморщилась на слова мамы – воображаемой мамы? Или настоящей? После визита в башню Заката она уже не была так уверена в том, что мама умерла...

То есть... то есть – если она инициирует Линзу, то сможет вернуть маму?! Тогда все станет совсем иначе! Папа выздоровеет, у них с Каем снова будет настоящая семья... Да, у них будет настоящая семья!

– Это мой Источник, – твердо сказала Шу, вскочив с дивана. – Я справлюсь. Я – Суардис!

– Ни мгновения в тебе не сомневался, – кивнул Энрике.

- Где носит Берри? – под нос проворчала Бален.

Шу хотела переспросить, с какой стати ему приходиться сюда и где носит Кая, как дверь отворилась, и показался гном в прожженном химикатами фартуке поверх изумрудной шелковой сорочки с кружевами. Канареечные бриджи, полосатые чулки, домашние туфли с загнутыми носами и толстый фолиант под мышкой дополняли его наряд.

- Ну-с, и что ваше высочество изволили позабыть в башне Заката? Или ваше высочество не видели замка и печати Конвента?

Дру Бродерик, уперев кулак в бок, нахмурил мохнатые брови. Ухоженная рыжая борода, заплетенная в сложную косу с бусинами, сердито топорщилась. Но забавным Берри мог бы показаться только тому, кто ни разу не видел утренней разминки в Сойке, где гном запросто разделял на котлеты ветеранов гвардии.

Шу промолчала. Печати она действительно не видела, потому что дверь просто открылась. Сама. Но толку возражать и оправдываться Шу не видела тем более.

- Я рад, что вашему высочеству повезло. Не стоило мне надеяться на ваше благоразумие. Хорошо хоть, удача не подвела.

Шу вопросительно взглянула на гнома, но он проигнорировал ее любопытство.

- Так вы знали про Источник, дру Берри? – не пожелала мучиться неизвестностью Баль.

- Предполагал, – сердито ответил гном и сочувственно глянул на Шу. – Ваше высочество помнит, что я говорил о Линзах?

- Помнит. Но вы не говорили, как можно инициировать Источник.

Взгляд притягивала книга. Не может быть, чтобы Берри принес ее просто так! Наверняка там есть не шарлатанский рецепт! Хотя бы подсказка!

- И не скажу, ваше высочество. Увы. – Гном вздохнул. – Не существует трудов шеров, прошедших сквозь Линзу.

- Как? А что тогда... – Она кинула выразительный взгляд на фолиант.

- Только труды учеников или историков. Но и тут есть много интересного. Не уверен только, что особо полезного, – вздохнул гном. – Если послушать, что говорят эти многомудрые шеры, нет ничего проще, чем договориться с точкой преломления. Но, как видите, сии многомудрые мужи не могут договориться даже между собой, как назвать явление. Более того, кто-то утверждает, что это не явление, а существо или сущность, пространство, концепт, постулат, путь... Один хмирец даже книгу об Источниках так и назвал: «Дао». В общем, сколько исследователей, столько и мнений.

- Тогда, может быть, мне и не стоит это все читать? Ты же сам говорил, надо подходить творчески, не бояться экспериментировать...

- Надо, ваше высочество. Считайте это тренировкой для мозга. Пусть ни одна книга не даст вам точного рецепта, но может подсказать направление. В любом случае вы достаточно смелы и неординарны, чтобы у вас был хороший шанс справиться.

- Неординарны?.. – переспросила Бален.

- Именно, – усмехнулся гном. – Все шеры, инициировавшие Линзу, сходятся в одном. Они и до того были изрядно ненормальными.

Дру Бродерик подмигнул Шу и, отвесив поклон, покинул комнату. Лишь когда за ним закрылась дверь, шеры опомнились.

- О боги, – всполошилась Баль. – Ведь сегодня приезжает кронпринц! А завтра Весенний бал... и темный шер...

- Тише, Белочка. – Энрике, по обыкновению, был островом спокойствия. – Если темному шеру остро необходимо нас убрать, мы все равно ничего не сделаем. Но, согласись, он мог проверить это, не дожидаясь сегодняшнего утра. Да ему достаточно было вчера

чуть-чуть «ошибиться», помогая ее высочеству выйти из срыва. И никто бы ничего не доказал, после вчерашнего выброса в Риль Суардисе можно спрятать полсотни камлающих шаманов.

«Убрать нас...» Злые боги... Она так и не сказала Энрике и Бален, как именно провела прошлую ночь. А за помехами они не рассмотрели не камлающих шаманов, а самого шера Бастерхази, который на порядок опаснее сотни, нет, тысячи шаманов. Вот как теперь ей признаться? Тем более после того, как узнала об Источнике, Шу не то чтобы усомнилась в бескорыстии темного шера – в него она никогда и не верила, – но начала понимать, что именно ему нужно.

Не место фаворита при Шуалейде, которая пока не имеет никакого политического веса. О нет! Ему нужно кое-что куда более редкое и привлекательное! Ему нужен Источник. Берри не зря говорил, что Источник – непреодолимое искушение для любого шера, а уж если этот шер – темный и ученик Паука...

Да уж. Кажется, кто-то этой ночью совершил ужасную глупость.

Хорошо хоть, Бастерхази не получил с нее никаких клятв. Обещание места фаворита императрицы не считается.

– Значит, ничего не сделаем... – повторила за Энрике Шу. – Какого ширхаба ты об этом молчал?!

Шу понимала, что злится вовсе не на Энрике, а на саму себя. Наивная дура! Отомстила Люкресу, завела союзника и получила удовольствие, да? А «попалась в лапы темному шеру» не хотите? Этой ночью она имела возможность убедиться в том, что шер Бастерхази плевать хотел на все ее ментальные блоки – раз, на защиту покоев принца – два, на обоих Герашанов, Ристану, Люкреса и Конвент – три... Ширхаб нюхай эту темную сволоочь! Мерзавец! Провел ее, как ставридку на блесну!

– А какой смысл об этом говорить, Шу? – Энрике пожал плечами. – Мы живы, ты в здравом уме. Значит, или Бастерхази не принимает тебя всерьез, или у него на тебя другие планы. Что куда более вероятно.

Под пронизательным взглядом Энрике Шу залилась жаром, но ни слова не сказала. Не будет она признаваться в собственной дури! Не будет! Просто не станет доверять Бастерхази совсем. Никогда. И научится держать ментальные щиты. В конце концов, она Аномалия или дысс ширхабов?!

– Энрике, перестань уже, – возмутилась Бален. – Послушать тебя, так надо сложить лапки, идти в Рассветную башню и лечь на алтарь.

– Все! Хватит! – потребовала Шу. – Я поняла – дело труха. Бастерхази наверняка нужен именно Источник, он же не мог его не обнаружить под собственным носом столько лет, так?

– Не мог, – кивнул Энрике.

– Значит, нам нужно убрать его раньше, чем он доберется до Шу, – резюмировала Бален. – Вряд ли он принимает всерьез меня, так что я справлюсь.

– Ты с ума сошла? Не вздумай! – прикрикнула на нее Шу. – Мне нужна ты, живая и в своем уме, а не притворяющееся тобой умертвие. Я справлюсь сама. Вы поняли, оба? Я запрещаю вам трогать Бастерхази!

– Сколько страсти, – покачал головой Энрике, и Шу задумалась на миг: а в самом ли деле Энрике проспал все самое интересное или только сделал вид, а на самом деле все знает? Он такой, он может.

– Да, столько страсти. Я не могу потерять вас, а сейчас сунуться к темному в пасть для Белочки...

– Ты меня недооцениваешь, – сердито сверкнула клычками Баль.

– Это ты недооцениваешь Бастерхази. Я видела его... без прикрытия, понимаешь? Он...

там не вторая категория, Баль. Там... там такое...

Шу поежилась и едва не заплакала – от сожаления, что «такое» не станет ручным, не будет больше ластиться к ней, не поцелует ее, не укроет одеялом из звездных фиалок... Проклятье! Он еще худший лжец, чем Люкрес!

– Я ненавижу Бастерхази, – заявила она, выпрямив спину и задрав подбородок. – Он не получит ничего. Ни-че-го! Пусть планирует хоть до второго явления Мертвого!

Пол плавно покачнулся и ушел из-под ног, мир окрасился сине-сиреневыми тонами. Родные, уютные потоки магии снова поднимали ее под облака. Но на сей раз – не пьяную девочку, а собранную, целеустремленную шеру.

– Совсем другое дело, – кивнул Энрике. – Иногда тебе полезно злиться.

– Я думаю, мы зря волновались насчет платьев, – поддержала супруга Бален. – Тебе можно идти на бал прямо так, успех обеспечен.

– Ширхабов бал! Ширхабов Люкрес! – опомнилась Шу. – В чем я буду сегодня встречать свору столичных шакалов?!

– Найдем, – твердо пообещала Бален. – Драгоценности у нас есть, платье сотворим. Энрике, тебе не надо пойти к Бертрану?

– Или к ширхабу лысому, – усмехнулся капитан. – Готовьтесь к сражению, мои прекрасные дамы. И пока не покидайте покоев Каетано, здесь есть хоть какая-то защита.

– А где сам Кай? – наконец-то вспомнила о брате Шу.

– У герцога Альгредо. Боюсь, пока Каетано не убедится, что с тобой ничего не случилось в башне Заката, толку от их уроков не будет.

– А Мануэль Наба там же?

– Свиту Каетано отпустил по домам до конца занятий. Так что думаю, Наба в своем столичном доме, с матерью.

– Он мне нужен, Энрике. Пошли за ним. И успокой Каетано, ладно? Не говори ему пока об Источнике, я сама. Потом.

Энрике лишь пожал плечами: потом так потом. И ушел, оставив их с Бален ломать голову над вечерним нарядом. Шеру Исельду звать не стали – уж слишком ее представление о красивом платье отличалось от того, что Шу вчера видела на придворных дамах. Так что последней возможностью сотворить что-то подходящее для бала оставались модные журналы и Мануэль Наба. В конце концов, раз уж в друзьях у Кая оказался настоящий столичный модник, надо этим пользоваться.

Глава 19

Бойтесь темных, дары приносящих

26 день холодных вод, Риль Суардис

Шуалейда шера Суардис

Мануэль примчался через каких-то полтора часа. Шу как раз дочитывала седьмую главу принесенного Берри манускрипта и пыталась понять: есть ли у нее хоть один шанс дожить до инициации Линзы в здравом рассудке, или на следующей главе она уже сойдет с ума? Берри определенно преуменьшил «разногласия» многомудрых мужей. Каждая из глав противоречила предыдущей и спорила с последующей, и сейчас в голове у Шу все семь маститых исследователей орали друг на друга. Причем орали примерно одно и то же: вариации на тему «сам дурак».

Так что стоило Мануэлю появиться на пороге, как Шу закрыла фолиант и отложила в сторонку. И на всякий случай придавила вазой с фруктами. Милый, деликатный Мануэль даже не стал задавать вопросов – что это за ужасная книга. Он просто расцеловал Шуалейде ручки, восхитился блеском ее глаз (Шу даже покосилась в зеркало, не светятся ли ее глаза желанием поубивать и так почивших ученых мужей?) и спросил, чем он может служить прекраснейшей из принцесс.

– Мануэль, мне нужно в чем-то выйти сегодня к ужину, а в чем – я не знаю. Ты же мне поможешь?

– Выбрать платье? – улыбнулся младший Наба. – Разумеется. У меня большой опыт в этом деле. Три младшие сестренки, и каждая хочет затмить всех шер Суарда, особенно двух собственных сестер.

– Боюсь, выбирать особо не из чего, – пожала плечами Шу.

Мануэль удивленно поднял бровь и перевел взгляд на Бален, которая сидела в соседнем кресле и печально листала модные журналы.

– Посмотри на это и осознай масштабы катастрофы. – Отбросив журнал, Баль вскочила и буквально за рукав потащила Мануэля в гардеробную Каетано, куда под ее руководством горничные перенесли все наряды Шуалейды.

Шу последовала за ними, и ее опять чуть не стошнило от обилия розового. Похоже, у Мануэля желудок оказался крепче, а может быть, он просто привык. Все же три младшие сестры – это не шуточки.

– А куда делись те платья, в которых вы были у Ландеха и Уго? – недоуменно спросил Мануэль. – Они как-то более... мм... соответствуют образу, хоть и несколько... э...

– Странные, ты хотел сказать? – хмыкнула Шу.

– Ты такой деликатный, что мне страшно становится, – не позволила Мануэлю вежливо соврать Бален. – Те платья – результат совместного творчества с шерой Исельдой. Берешь платье, меняешь цвет, кое-что в фасоне и отделке, и получается... ну ты видел, что получается.

– Эм... тогда я не совсем понимаю, чем я могу помочь.

– Идеей, Мануэль. Раз уж у меня нет настоящего платья, придется творить еще одного монстра. Вот только я не знаю, какого именно! – Шу сердито пнула валяющийся на полу модный журнал, переливающийся всеми оттенками розового. – Ты только посмотри, что они рекомендуют брюнеткам! Перекрасить волосы в розовый блонд!

Шу пнула журнал еще раз.

- О боги... - судя по перекосившемуся лицу Мануэля, он представил Шу блондинкой.

- Вот и я о том же. Скажи мне, Мануэль, вот как Ристана умудряется плевать на моду и в то же время выглядеть такой... такой... - Шу неопределенно повела в воздухе руками, словно пыталась как-то обозначить величие и обворожительность старшей сестры.

- Ее высочеству шьют лучшие портные, ее причесывает лучший куафер...

- И у ее высочества изысканный вкус, который ей прививали с ранних лет, - закончила за него Шуалейда. - Чего не скажешь обо мне. Я понятия не имею, что считается красивым и как этого добиться!

- Вы прекрасны сами по себе! - возразил Мануэль.

- Вот только надо мной уже смеется весь дворец. То, что мне советовала шера Исельда, стодилось только потому, что шеры боялись надо мной смеяться.

- Неправда! Просто платье - не самое главное! - снова заупрямился Мануэль.

- Хватит пустых разговоров, - скомандовала Бален. - Мы сейчас возьмем самое пристойное платье, а дальше ты будешь говорить, что с ним делать. У тебя отличный вкус и три сестры, справишься!

- Я попробую, но я же не портной! Выбрать уже готовое я могу, но чтобы придумать самому...

- Придумаешь. Мы в тебя верим, - отрезала Бален и кинула в Шуалейду платьем. Белым.

Шу послушно подставила руки, и платье наделось. Немножко кривовато, все же опыта с платьями у нее пока было мало. Но для начала сойдет, если только не смотреть на себя в зеркало.

Где-то через час мучений «для начала сойдет» превратилось в «не так ужасно, как могло бы быть». Примерно в это же время Шу выгнала из гардеробной Кая и Зако, которые тоже пытались внести свой вклад в процесс создания шедевра. Просто чтобы не зашибить ненароком.

Еще через два часа они пришли к «почти пристойно». Честно говоря, Шу перестала понимать, чем «ужасно» отличается от «пристойно» уже очень и очень давно. Разве что сиреневый цвет ей нравился куда больше розового и белого, но с оттенком все равно было что-то не совсем то... и с фасоном...

Бедняжка Мануэль раскраснелся и взмок, пытаясь сначала придумать фасон, а потом еще и донести до Шуалейды, что именно он придумал. К сожалению, с четкостью образов у него было не так хорошо, как хотелось бы.

- Я же не портной. Может быть, нам просто привезти во дворец портниху? Пусть бы она что-то придумала! - на четвертом часу экзекуции взмолился Мануэль.

Шу почти готова была согласиться с тем, что ее затея оказалась дурацкой. Вот только, судя по звуку труб за окном и какой-то суете в гостиной Кая, времени на добывание портнихи уже не осталось. Его высочество Люкрес изволили явиться в Риль Суардис.

Содрав с себя нечто странное, во что совместными стараниями превратилось платье, Шу в гневе бросила тряпки на пол и осталась в бриджах и сорочке. Старых. Привычных.

- Пойду как есть! А не нравится - пусть не смотрит!

- Лучше сказать, что у вас мигрень от волнения и не ходить совсем, - попытался воззвать к ее рассудку Мануэль.

- Нет уж. Суардисы не прячутся! - задрал нос, чтобы из глаз не полились слезы, заявила Шу и, по-солдатски четко развернувшись, направилась к двери из гардеробной.

И нос к носу столкнулась сразу с двумя людьми: шером Вондьясом и какой-то незнакомкой. То есть не совсем нос к носу. Пока они не заметили Шуалейду, они ругались, наступая друг на друга, как бойцовые петухи. Щуплый, лысый и носатый шер

Вондьяс в малиновом бархате явно проигрывал мощной даме в серо-стальном шелке.

– Сиятельные шеры, чем обязаны? – командным тоном осведомился Мануэль.

Дама и шер Вондьяс одновременно обернулись.

Вот только шер Вондьяс поклонился Шуалейде, а дама – лишь нахмурилась.

– Юноша, мне сейчас же нужно к ее высочеству Шуалейде, – потребовала дама, произнося слова на фьонский манер. – Дело государственной важности!

– Не может быть никаких дел, ее высочество заняты! – тут же вклинился шер Вондьяс и тут же скривился, глянув на одежду Шу. – Прошу, ваше высочество, скорее, вам уже следует быть рядом с его величеством! А вы уходите, мадам!

Пока сишер пререкался с мадам, Шу во все глаза смотрела на ее платье. Вот оно! То самое, что ей нужно! Наконец-то!..

– Я занята, – отмахнулась сразу ото всех Шу и, не отрывая взгляда от платья незнакомки, отступила обратно к гардеробной. – Скажите отцу, я буду через четверть часа.

– А, так это вы – ее высочество! – обрадовалась мадам и скомандовала кому-то за дверью: – Заносите!

– Убирайтесь немедленно! – Шер Вондьяс попробовал вытолкать за дверь двух девиц, которые несли что-то похожее на человека без головы, завернутого в полотно.

– Отойдите и не мешайте! Ваше высочество, – мадам сделала быстрый реверанс, – прошу, уберите этого глупого человека. Он ничего не понимает! Ваше платье...

– Платье?! – Услышав волшебное слово, Шу наконец-то поняла, что именно пытались внести девицы: платье на манекене. – Шер Вондьяс, отойдите и не мешайте!

– Но, ваше высочество... вас ждут!

– А вы меня задерживаете, – нахмурилась Шу и аккуратно, легким воздушным потоком отодвинула шера в сторону, а девиц с платьем втянула на середину гостиной.

На мгновение повисла тишина, шер Вондьяс и девицы лишь таращились друг на друга, не решаясь даже шевельнуться. Первой отмерла мадам.

– Да, великолепно! Я не ошиблась, давайте же скорее одевать ваше высочество! Вы же позволите?.. Мими, Лулу, что застыли? Платье!

– Вы... вы даже не представлены ее высочеству! – В голосе шера Вондьяса звучало неподдельное страдание. – Так нельзя!

– Можно, – оборвал его Мануэль. – Идемте-ка, сишер, не станем мешать ее высочеству одеваться. Это же неприлично, о чем вы только думаете?!

Бедняжка сишер подскочил на месте, кинул затравленный взгляд на Шуалейду, на разматывающих платье девиц, на грозно наступающую на него Бален – и позволил Мануэлю себя увести.

Шу выдохнула. Умница Мануэль, вовремя увел помощника сенешаля. Еще бы чуть-чуть, и Шу не удержалась бы, вышвырнула его сама. А так нельзя.

– Мадам Антуанетта, готово! – пискнула одна из девиц.

Обернувшись на звук, Шу наконец-то увидела платье.

Оно было волшебным. Двенадцати оттенков – от темно-синего до светло-стального, с высокой талией, открытыми плечами и летящими рукавами. Ничуть не похожее ни на одну картинку из журнала, без единой жемчужины или вышитого цветочка. Оно было совершенством.

И Шу в нем – когда позволила Мими и Лулу себя переодеть – тоже была совершенством.

Никакого вам топора в торт! Нет, скорее она походила в этом платье на изящную, смертельно опасную и невероятно красивую сашмирскую саблю.

– Вашему высочеству нужна прическа. Извольте присесть вот сюда... – Мадам Антуанетта усадила Шу на стульчик, принесенный из гардеробной. – Мими, Лулу!

Шу толком не поняла, что именно эти две девицы сделали с ее волосами. Никакой магии она не почувствовала, лишь расчески, шпильки, какие-то лосьоны и заколки – и две пары быстрых рук.

– Макияж, мадам? – пискнула одна из девиц, закончив прическу.

– Ни в коем случае! Только блеск на губы! Э... сиятельная шера, – обернулась мадам к Белочке, – несите подходящие драгоценности.

Еще через минуту вокруг ее шеи легло мамино сапфировое кольцо, в уши были вдеты серьги, на руки натянуты шелковые перчатки, а на ноги надеты синие атласные туфельки. И только тогда Шу сообразила задать вопрос:

– Кто вас прислал, мадам Антуанетта? Неужели моя сестра?..

За такой подарок Шу готова была простить Ристане если не все, то очень многое. Очень-очень многое. Показаться на глаза кронпринцу великолепной принцессой – совсем не то же самое, что бедным пажом с гордо задранной носом.

– О, я не имею чести быть представленной их высочеству Ристане, – склонила голову мадам Антуанетта.

– Барон Уго... нет, герцог Альгредо?..

– Шер Бастерхази, ваше высочество.

Шуaleyда чуть не поперхнулась. Роне?! О боги, Роне... он единственный подумал о том, что ей нужно платье. Ну вот почему? Почему чудовище, которому нужен от нее только Источник, позаботилось о ней, а все остальные – нет?

– Э... прошу прощения, ваше высочество, я не хотела вас расстроить...

– Вы не расстроили меня, мадам Антуанетта. Вы меня очень порадовали. Платье великолепно!

– Благодарю, ваше высочество.

– Пришлите счет королевскому казначею, его оплатят немедленно.

– Все уже оплачено шером Бастерхази, ваше высочество, не стоит беспокоиться. Ваше завтрашнее платье почти готово, доставить его так же к четырем часам пополудни?

– Завтрашнее?.. Мое бальное платье?.. О... да, конечно. К четырем пополудни. Мадам...

– Все, что ваше высочество пожелает. – На этот раз мадам Антуанетта исполнила реверанс по всем правилам этикета.

– Мне нужен будет полный гардероб. И еще... подскажите мне, есть ли в Суарде приют для благородных, но бедных девиц?

– Разумеется, ваше высочество. Под патронажем герцогини Сальепус.

– Благодарю вас, мадам. Уверена, завтрашнее платье будет так же прекрасно, как это! – Вскочив со стульчика, Шу покружилась перед зеркалом так, что юбки разлетелись вокруг ее ног блестящим, шуршащим колоколом.

И только когда мадам Антуанетта вместе с помощницами удалилась, Шу наконец-то обернулась к Бален.

– Правда, оно прекрасно? – спросила она, все еще надеясь на деликатность подруги.

- Платье – да. Но с каких это пор ты принимаешь от темного шера такие подарки?

- Ну... с сегодняшних.

- Шу, что это все значит?

- Может быть, темный шер ухаживает за мной? Помнишь, Энрике говорил, что у него на меня другие планы. Вот они и есть, эти планы. Очаровать, увлечь... – Шу чуть было не сказала «соблазнить», но вовремя прикусила язык.

- Ты о чем-то умалчиваешь, – нахмурилась Бален. – И еще ты краснеешь. Давай выкладывай начистоту, твое высочество, что происходит!

- Ваше высочество! – В распахнувшуюся дверь влетел шер Вондьяс. – Прошу вас! Умоляю! Его высочество уже заходит во дворец, а вас все еще нет! Умоляю, поторопитесь!

- Уже иду, видите, – обрадовалась Шу неожиданному спасению. – Бален, идем скорее!

- Ты все равно мне все расскажешь.

- Потом, все потом!.. Морковка, вылезай, трусливое животное, или мы уйдем без тебя!

- Мряф! – возмутилась рысь, выпрыгивая из-под дивана, и едва не сбила с ног шера Вондьяса.

«А ведь Белочке придется рассказать, – думала Шу, почти бегом спускаясь в Народный зал. – Только как? Сказать, что это отвлекающий маневр? Или упреждающий удар? Ладно, что-нибудь придумаю!»

Глава 20

О пользе дипломатии

Вечер того же дня, Риль Суардис

Шуалейда

К ужасу шера Вондьяса, за десяток шагов до выхода в Народный зал Шуалейда, Бален и Морковка исчезли.

Что ей подсказало обернуться пеленой невидимости, Шу понятия не имела. Но наверняка, если бы спросила у Энрике, тот бы ответил: ваше высочество хвостом чует, когда надо спрятаться в засаду. Хвостом, точно. И шерстью на загривке. А еще клыками, когтями и ядовитыми железами, как у мантикора. Так и хочется плюнуть ядом в наглые лживые глаза его светлости Люкреса Брайнона! Это ж надо, поручить брату ухаживать за Шуалейдой вместо себя, как будто это – докучливая обязанность! И полковник Дюбрайн хорош, врать ей в глаза! Да все хороши. Энрике же знал, точно знал, не зря же оговорился, чуть не назвал его полковником при Шу. А ей – ни слова!

Чтобы не зашипеть вслух и не плюнуть ядом сразу во всех, Шу остановилась перед закрытыми дверьми в Народный зал и придержала Морковку. Затем трижды глубоко вздохнула, пропела про себя умну отрешения и почесала рысь между ушей – та послушно стояла рядом, лишь настороженно поводя усами. Немножко помогло, но не настолько, чтобы выходить к публике. Сначала Шу требовалось как следует рассмотреть противника, разобраться в диспозиции, составить стратегический план – и только потом идти в атаку. Или же совершать обманный маневр.

То есть сначала ей надо было как-то незаметно проникнуть в зал. Через закрытую дверь она ходить еще не умела, хотя Берри утверждал, что это идеально просто: вижу цель, не вижу препятствий. Однако Шу еще ни разу не пробовала, почему-то было страшновато. Теперь же приходилось выбирать: или рискнуть – или послать к ширхабу лысому всю конспирацию.

Шу почти решилась, когда от сложного выбора ее спас барон Уго. Он открыл дверь – со стороны Народного зала – увидел растерянного шера Вондьяса и шепотом напустился на него:

– Где ее высочество?..

Слушать дальше Шу не стала, тем более что Морковка уже проскользнула между сенешалем, его помощником и дверью в зал. Шу и Бален – за ней.

Огромный зал был пронизан разноцветными солнечными лучами – купол целиком состоял из витражей. В этих лучах особенно ярко блестели начищенные алебарды гвардейцев и россыпь драгоценных украшений на шерах. Ярче всего сияла корона из земляничных листьев на голове короля Тодора. А его голос гулко разносился по всему залу: он как раз отвечал на приветственную речь кронпринца, которую Шу пропустила.

Из уважения к императорской семье король встречал его высочество Люкреса не сидя на троне, а выйдя вперед. Шу от дверей зала могла пока разглядеть лишь блеск короны и его ауру. И, конечно же, определить, что рядом и чуть позади отца стоят Каetano и Ристана, а за ними – Альгредо, Бастерхази и советники. Остальные придворные расположились по сторонам и дальше, создавая торжественный фон королю.

И, конечно же, она сразу увидела и почувствовала ауру принца Люкреса. Ослепительно прекрасное сияние света, воздуха и разума. Манящее, притягательное до головокружения! В точности, как при первой встрече... с полковником Дюбрайном.

Шу остановилась и нахмурилась. Разве может быть у братьев, тем более не родных, а только единокровных, одинаковая аура? Одни стихии – да, но... да нет же, ей показалось.

Аура Люкреса отличается. Те же цвета, похожая интенсивность, но она как-то жестче, что ли. Блестит ярче...

Пока она пыталась понять, в чем же подвох, отец почти закончил свою речь и сказал что-то о Каetano – мол, мой сын и наследник, а вот моя старшая дочь...

Вмиг забыв о сомнениях и размышлениях, Шу помчалась на свое место рядом с Каetano. Кажется, ей даже удалось каким-то чудом не задеть никого из советников, окружающих короля. Морковка метнулась за ней и тут же ткнулась мохнатой мордой в руку, подтверждая: я тебя не бросила, я тебя охраняю!

– Я здесь, отец, – шепнула она, аккуратно снимая пелену невидимости: так, чтобы всем казалось, что она всегда тут была, просто ее почему-то не замечали.

Правда, пелену она сняла не всю. Опять хвостом почуяла, что не стоит вот так с ходу радовать Люкреса лицемерием всей своей силы. Тем более что у нее там с аурой после общения с мамой и Источником, один Хисс знает. В общем, она последовала примеру Бастерхази: он тоже демонстрировал гостям в лучшем случае четверть своей силы. Как всегда. Отличная привычка – оставлять кое-что в резерве.

– И моя младшая дочь, Шуалейда Хасмина, – не сбиваясь, представил ее отец.

Шу сделала шаг вперед и присела в реверансе. И только поднимаясь, наконец-то посмотрела на принца Люкреса.

Посмотрела – и не смогла оторвать взгляда. От его нежной, чуть ироничной улыбки. От морской бирюзы глаз. От теплого жемчуга, лазури и аметиста его дара.

– Я счастлив наконец-то познакомиться с вашим прекраснейшим высочеством, – звучный, глубокий, завораживающий голос разнесся по залу, проник в самую глубину ее существа, растекся щекотной сладкой волной.

– Я тоже счастлива знакомству с вами, мой светлый принц, – еле-еле выдавила из враз пересохшего горла Шуалейда.

Она бы шагнула к нему прямо здесь, на глазах у отца и толпы народа, если бы не Каetano.

«Замри!» – мысленно велел он, и Шу замерла, не сделав ошибочного шага.

И ровно в этот момент барон Уго объявил:

– Просим пожаловать к обеду! – и стукнул об пол церемониальным посохом.

В глазах Люкреса промелькнуло разочарование, или Шу показалось? И что-то такое с его аурой... словно отблески огня...

С трудом оторвав взгляд от Люкреса, Шу глянула на его приближенных – и вздрогнула. Что с ней? Как она умудрилась не заметить этих двоих?

Справа от Люкреса стояла светлая шера двух стихий, огня и разума – небольшого роста, гибкая и точеная, словно сашмирская фигурка из слоновой кости. Золотые волосы с искрами, платье словно из живых лепестков пламени. Навскидку – вторая категория, то есть сравнимо с тем, что показывает публике Бастерхази. Ало-лиловые отблески ее ауры вплетались в ауру Люкреса, делая ее еще ярче.

Интересно, шера – любовница Люкреса? Наверняка. Слишком красива, чтобы быть просто сопровождением.

А слева... Даже хорошо, что Шу не заметила сразу лейтенанта лейб-гвардии. Холодное равнодушное лицо, неживая аура, пронизанная сложнейшими плетениями и запитанная на вживленные в тело амулеты-накопители, и ощущение смертельной опасности, словно от готовой к броске змеи – вот каков был второй сопровождающий Люкреса. Шу слышала об императорских големах, но видела впервые. И оценила императорскую заботу о сыне и наследнике.

Все эти мысли промелькнули за мгновение, не больше. Люкрес только и успел, что сам шагнуть к ней с явным намерением предложить руку. Но его опередил Каетано.

«Возьми меня под руку, быстро. И не вздумай убивать его прямо тут!»

Убивать? Разве она собиралась убить Люкреса?.. Что-то с ней опять не то. Совсем не то, если ей хочется не убить лжеца, а поцеловать. Ну... хотя бы ради того, чтобы проверить, так ли он похож на Дюбрайна на ощупь, как на вид.

Разумеется, никакие посторонние мысли не помешали ей мгновенно исполнить приказ Кая. Спасибо их долгим тренировкам – не только боевым. Слаженные действия важны на любом поле боя, в том числе дипломатическом. Так что Люкресу она лишь любезно улыбнулась – и отвела взгляд, успев снова заметить всплеск разочарования.

Ничего, она как следует рассмотрит его за обедом. И его, и его свиту. Ей нужно обязательно разобраться с собственными реакциями. Не может же она всерьез надеяться на его любовь после всего, что о нем узнала? Не может. Но почему тогда в груди больно и тесно, хочется опять поймать его взгляд, почувствовать его восхищение?..

Пока же она могла лишь любоваться его спиной – и спиной Ристаны. Люкрес подал руку именно ей, как и положено по протоколу, и повел следом за королем Тодором в столовую.

Дам, кроме принцесс, на церемонии было немного. Лишь огненная любовница кронпринца, Бален, супруги королевских советников и кто-то из фрейлин Ристаны. Наверное, именно поэтому огненную шеру повел в столовую Бастерхази? Хотя поначалу Шу показалось, что ей предложит руку шер-менталист из свиты Люкреса... Шу было ужасно любопытно посмотреть на двух огненных шеров рядом! Жаль только, во время шествия в столовую никак нельзя было обернуться!

Впрочем, у нее же будет полно времени за обедом.

В этом она ошиблась. Стоило ей сесть по правую руку от отца, рядом с Каетано, как ее неудержимо потянуло в сон. Но что намного хуже – ее ментальные щиты стали ослабевать. И никакие убеждения себя в том, что надо еще немного поднапрячься и потерпеть, не помогали. Она даже не понимала толком, о чем говорят за столом. Разбирала лишь громкие тосты – то с отцовского конца стола, то с гостевого.

Так что, едва дождавшись третьей перемены блюд, она попросила у отца разрешения покинуть столовую.

– Прошу вас, возлюбленный наш кузен, простить мою дочь. Юные шеры слишком впечатлительны.

– Надеюсь вскоре снова увидеть вас, прекраснейшая Шуалейда.

От голоса Люкреса, от ласкового сияния его ауры внутри Шу потеплело, опять захотелось прикоснуться, позволить взять себя на руки – как тогда, в саду барона Уго. И плевать, что в саду барона Уго был вовсе не Люкрес!..

– Завтра, ваше высочество, – улыбнулась она и сбежала.

Или тактически отступила на заранее подготовленные позиции? А, неважно! Главное, она никого не убила, не устроила бурю и не влюбилась в его высочество Люкреса заново. Ведь не влюбилась же?

Дайм шер Дюбрайн

Эфирная буря застала Дайма за половину лиги от Суарда.

- Светлая, пусть это будет еще один Ману, да хоть явление Мертвого, только не Аномалия!

Его молитву Светлая не услышала. Буря слишком явственно пахла грозой, чтобы подумать на какой-то другой источник, кроме Шуалейды. Единственное, на что Дайм надеялся – что она никого не убила и уцелела сама. Или что он сам успеет в Риль Суардис до того, как Аномалия снесет к шисам половину города.

Еще бы понять, что случилось!

Пригнувшись к шее припустившего во весь опор Шутника, Дайм очистил сознание от страха и прочих эмоций, постарался раствориться в стихийных потоках, стать их частью... И через минуту восхищенно выругался.

Кто бы мог подумать, что прелестная Зефрида сотворит такое! А главное, сумеет скрыть все от двух шеров-менталистов! Линза, с ума сойти, настоящая Линза, и чтобы мало не показалось, принадлежащая Шуалейде!

Интересно, догадывался ли Люкрес? Не потому ли он так жаждет этого брака?

Как некстати сам Дайм оказался не в Суарде! Опоздать на полчаса, это ли не насмешка Двуетиных!

Но сожалеть было некогда и бесполезно. Следовало спешить. Даже если Шуалейда пытается инициировать Линзу прямо сейчас, это займет не один час. Он успеет помочь. Или хотя бы ее спасти, если она не справится. По крайней мере, попытается.

Дайм растолкал купцов у ворот, махнул перед стражниками бляхой МБ и помчался к Риль Суардису. Дорогу заслонял навязчивый образ: исковерканные выбросом дикой магии существа, бродящие по руинам. Страшная своей реальностью картина: всего десять лет прошло с тех пор, как Дайм с отрядом МБ чистил городок в Восточной Чесландии. Местный шер-менталист нашел свой Источник, возжелал стать великим, и все семь сотен горожан оказались в плену пространственной и временной аномалии, наедине с дюжиной не то элементарей, не то вампиров, не то птиц и одним сумасшедшим призраком – бывшим шером.

Насмешливые боги, прозевать под собственным носом спящую Линзу! Какой же он идиот, поверил не предостережению Парьена, а невинной улыбке мертвой королевы.

- Дорогу, именем императора!

Купец, командовавший разгрузкой бочек, еле успел отшатнуться, когда Шутник перепрыгивал через телегу, перегородившую улочку. Вслед Дайму полетело проклятие – простое, без капли магии, на одном страхе и злости. Он отмахнулся, не заботясь судьбой того, в кого проклятие отприкошетит: некогда! Успеть бы!

Дайм опоздал, буря продлилась меньше пяти минут. Но, слава Светлой, Риль Суардис по-прежнему стоял, даже реальность вокруг почти не исказилась. Так, флуктуации вероятностей в допустимых пределах: у кого-то проснется дар, кто-то начнет видеть призраков или вспомнит прошлую жизнь. Ерунда. Главное, Шуалейда не пытается инициировать Линзу прямо сейчас! С бешеной девчонки бы стало.

Эфир почти успокоился, но Дайм не сбавил скорости – неприятности никогда не ходят поодиночке. И верно, следующий всплеск не заставил себя ждать. В этот раз снова невозможно было ничего разобрать, кроме изменения спектра: в сумасшествии Закатной башни появились черные и алые тона.

Бастерхази!

Зачем он полез к Линзе – помочь Шуалейде или загрести Линзу себе? Вряд ли Паук научил его, как завладеть чужим Источником. Но вдруг Бастерхази удалось вытянуть из учителя рецепт, который тот держал в секрете больше полутора сотен лет? Отчаянно не хотелось верить, что Дайм ошибся в Роне и все его речи о свободе и единении были лишь прикрытием. Ведь темный может быть нормальным, может, пожалуйста, Светлая, прошу тебя!..

Около башни Заката Дайм оказался ровно за секунду до того, как вторая буря утихла, двери башни распахнулись, и оттуда вынесло обожженного, покрытого сажей Бастерхази. Разумеется, Дайм тут же бросился к нему – помочь, вылечить... и остановился, словно наткнулся на стену.

– Провалиться мне в Ургаш, если ты не пожалеешь! – с ненавистью прошипел Бастерхази и растянул потрескавшиеся губы в вампирьем оскале.

Дайм на миг зажмурился и похвалил себя, что еще в городе накинуд полог невидимости – не стоило смущать горожан зрелищем бешеной скачки по крышам. А сейчас он просто о нем забыл. И увидел то, что не должен был видеть.

Настоящего Бастерхази.

Проклятье. Проклятье! Может же быть так, что Дайм просто ошибся? Что Бастерхази не пытался сейчас выдурить Линзу у Зефриды для себя? Ясное дело, ему не удалось, Зефрида никогда не принимала его сказки об истинной любви всерьез.

В отличие от некоторых светлых ослов.

На миг зажмурившись, Дайм потряс головой. Что за чушь лезет ему в голову? Бастерхази никогда не говорил о любви ему. Какая, к шисовым дыссам, любовь? Притяжение, секс, общие интересы. Возможность обоим стать сильнее. Все было честно, по обоюдному согласию. Так какого шиса Дайм чувствует себя обманутым и использованным? Как экзальтированная пансионерка, честное слово!

К шису глупости.

К шису Бастерхази.

Главное, чтобы с Шуалейдой все было хорошо. А раз Дайм не ощущает ее боли и тем более ее смерти – значит, все хорошо. Надо только выяснить, где она...

Не глядя вслед Бастерхази, на ходу восстанавливающему из обожженных обрывков свой вульгарный черно-алый плащ, Дайм вычленил в стихийном безумии крепкую нить, связывающую Линзу и ее хозяйку. Нить привела к покоям Каetano. Рядом с Шу светились еще две точки, голубая и зеленая. Герашаны на посту. Раз срочного донесения от Энрике нет, значит – все под контролем.

Наверняка Альгредо уже дал ей материалы из папки, и она знает его настоящее имя. Значит, самое время пойти к ней и поговорить начистоту. Формально он никакой тайны ей не раскроет, а значит, и не ослушается приказа императора. Ведь папку он давал только генералу Альгредо для ознакомления, а что тот покажет ее Шуалейде – домыслы, не более чем домыслы.

Мгновение Дайм колебался, рискнуть ли, положившись на домыслы, или дожидаться приезда августейшего брата – тогда Шуалейда совершенно точно поймет, что виделась не с Люкресом...

– Долго будешь мяться на пороге? – прозвучал насмешливый и совершенно живой голос. – Заходи, не стесняйся.

– Благодарю, ваше величество. – Переступив порог башни, Дайм поклонился гудящему смерчу. – Счастлив видеть вас в добром расположении духа.

– Добром? – В тоне мертвой королевы просквозило безумие. – Смешной мальчик! Потанцуем?

Смерч заколыхался, разбрасывая вокруг клочья цветной пены. Кокетство стихии было бы смешно, если бы Дайма не прорывала дрожь. Одного этого «мальчик» по отношению к Дайму, который был старше призрака вдвое, хватило бы, чтобы Дайм закрылся всеми возможными щитами и вызвал подкрепление. Если бы это была не Зефрида. Точнее, не мать Шуалейды и не ее Источник.

– С удовольствием, ваше величество.

Он заложил левую руку за спину и поклонился, приглашая даму на вельсу.

– Милый, милый мальчик.

Из застывшего смерча шагнула королева и вложила пальцы в протянутую ладонь. Теплые, плотные, совершенно живые пальцы.

– Что, не веришь? – Она покачала головой и лукаво улыбнулась. – Да, я могла бы вернуться. Но не хочу. Осталось совсем недолго ждать.

Дайм закружил королеву в танце. Башня растаяла, оставив под ногами бескрайний луг, а над головой – лазурное бессолнечное небо. Время исчезло вместе со стенами: казалось, нет и не было ничего, кроме гитарных переборов и танца...

– Все, хватит, – резко оборвала танец Зефрида. – А то опоздаешь.

Дайм сморгнул сладкий морок: стены вернулись на место, сквозь западное окно лился мягкий свет. Западное? Шис, очаровательная шутка, продержат его в башне до вечера! Или... до бала? Но ведь бал завтра!

– Завтра, мой мальчик, – улыбнулась королева. – Прости, но тебе не стоило попадаться на глаза своему брату.

Дайм еле сдержался, чтобы не выругаться. Люкрес уже приехал, а он так и не успел поговорить с Шу!

– Ваше величество уверены, что Линза безопасна?

– Если боишься, уезжай сейчас же. Я сберегла башню Заката для Шуалейды, но все прочее не в моей власти.

От ее голоса Дайм вздрогнул: ничего общего с очаровательной кокеткой, пусть и призраком. Из глаз королевы на него смотрела стихия. Не добрая, не злая. Равнодушная.

– Тебе пора. Но сначала поклянись, светлый шер, что не позволишь никому, кроме Шуалейды, взять Источник! Это только ее дар!

– Клянусь, ваше величество, – кивнул Дайм. Обещать то, что он и так собирался сделать, что может быть проще?

– И позаботься, чтобы ей не заморочили голову ни Бастерхази, ни Люкрес с его хитрой девкой!

– Позабочусь. Поверьте, ваше величество, я хочу для Шуалейды лишь блага. Я люблю ее.

– Я вижу, мальчик. Но... – мертвая королева покачала головой. – Будь осторожен в своих желаниях. Тебе в самом деле пора.

– До встречи, ваше величество.

– Прощай, Дамиен Брайнон.

Всего мгновение он смотрел в глаза стихии, и этого мгновения хватило, чтобы понять – что сделала Зефрида и чем расплатилась с Двуетинами. Полнейшее безумие – пожертвовать жизнью, чтобы стать хранителем Источника! Оставить детей и мужа, запереться в безвременье, раствориться в стихиях – только потому, что рядом был темный шер... Дайм хотел бы сказать Зефриде, что она ошиблась в Бастерхази. Что он вовсе не угрожал Шуалейде и не собирался отнимать у нее Источник, а лишь сам прятался в Валанте от Паука. Но было ли это правдой?

В любом случае – что сделано, то сделано.

– Прощайте, ваше величество.

Дайм почтительно склонился над призрачной рукой. Показалось, Зефрида улыбнулась, прежде чем окончательно раствориться в стихии.

На мгновение у него закружилась голова, в глазах потемнело. А в следующую секунду он оказался посреди толпы слуг со щетками, рулонами материи, коврами и прочими совершенно прозаическими вещами. Дайм восхищенно покачал головой: ни следа от буйства стихий, ни намека на разноцветный смерч. Реальность сместилась, спрятав Линзу ото всех, кроме ее хозяйки.

Когда витражная панель чуть не сбила его с ног, а мастер-стекольщик удивленно выругался – какой шис не дает пройти по пустому месту? – Дайм сообразил, что по-прежнему невидим.

Выйдя в сад и присмотревшись к Риль Суардису, Дайм нашел Шуалейду где-то рядом с королевскими покоем, августейшего брата с шерой Лью – в гостевых покоем восточного крыла, и Бастерхази – в башне Рассвета.

Что ж, первым делом надо разузнать о событиях последних дней, а то с этим бароном Наба и странными делами в гильдии убийц он пропустил много интересного. Но ничего. Ему не впервой импровизировать в неординарных обстоятельствах. Не зря же он – полковник МБ.

Глава 21

Пауки, скорпионы и прочие симпатичные твари

26 день холодных вод, Риль Суардис

Рональд шер Бастерхази

Ни одно доброе дело не остается безнаказанным, как любит говорить Паук.

Что ж, Паук опять оказался прав, дери его семь екаев. Правда, правоту его Роне осознал далеко не сразу.

Поначалу все шло неплохо. Кронпринц с Саламандрой ожидаемо дурили голову Шуалейде – что было несложно, учитывая арсенал запрещенных артефактов, которым Люкрес обвешался с ног до головы. Роне так же ожидаемо ставил им палки в колеса – слегка, чтобы у лейтенанта Диена не возникло и тени подозрения в нападении на члена императорской семьи. Да и Шуалейде не мешает самой научиться распознавать ментальные атаки и как-то с ними справляться.

Она как-то и справлялась, чем несказанно злила и Люкреса, и Саламандру. Они явно не ожидали сопротивления от младенца шестнадцати лет от роду, но младенцу было плевать на их ожидания. В общем, Шуалейда сделала самое лучшее, что только могла: сбежала с обеда, едва соблюдая правила вежливости. Мало того что сбежала, еще и поставила ментальные щиты, пелену невидимости и какую-то еще дрянь, мешающую ее найти.

Умница. Вот ее учить – сплошное удовольствие!

Немного побеседовать с Саламандрой тоже было весьма приятно. Принять ее неискренние поздравления с тем, как он хорошо справляется с непростой должностью, многозначительно улыбнуться на вопрос – не надоела ли ему бездарная принцесса в постели. Еще многозначительнее улыбнуться на тонкий намек: Темнейший стареет, скоро совсем отстанет от жизни, и со сменой императора придет пора реорганизовать и Конвент...

– Несомненно, – покивал Роне подвешенной перед его носом блесне. – Но найти достойного претендента на место Темнейшего весьма непросто.

– Вы всегда были чересчур скромны, Рональд.

Да-да. И будет так же скромн и дальше, особенно показывая Пауку этот момент. Само собой, Паук и так в курсе грандиозных планов, но возможность доказать свою лояльность лишней не бывает.

В скромности своей Роне не стал развивать тему, лишь изобразил мгновенный и тщательно подавленный приступ алчности. В смысле, что рыбка клюнула на блесну.

До самого конца обеда Роне считал, что все идет отлично и неожиданностей не будет. О том, что шера Лью сменила должность ассистентки магистры Пламя на место любовницы и левой руки кронпринца, Роне знал из писем тех немногих дальновидных шеров, которые поддерживали с ним неофициальную связь из Метрополии. К сожалению, далеко не все, с кем он налаживал контакты в бытность свою учеником и ассистентом Паука, решились продолжить общение, но в целом Роне хватало. И что Саламандра неоднократно грозилась согнать Роне с незаконно занятого теплого места – ему тоже рассказывали, так что наживки в виде посоха Темнейшего он в принципе даже ожидал.

Не ожидал он совсем другого. А именно, что под конец застольной беседы Саламандра вложит в его ладонь нечто ледяное и острое, улыбнется и шепнет: «Подарок от учителя, шер Бастерхази». Хуже того, он даже не рассматривал такой возможности. Паук и

Пламя грызлись всегда, везде и по любому поводу, и чтобы Паук что-то передал с ее любимой ученицей? Бред.

Именно поэтому Темнейший и выбрал посыльным Саламандру, что знал: ни бывших соучеников, ни хотя бы тех, кто не враждует с Пауком, Роне к себе не подпустит. А шере Лью Роне сам предложил руку, безмозглый моллюск.

И теперь, стоя посреди собственной гостиной, рассматривал серебряного скорпиона, притворяющегося обычной безделушкой.

К скорпиону не прилагалось ни записки, ни ментального послания, ничего. Просто безделушка без капли магии. Правда, избавиться от нее не вышло. Роне пытался оставить скорпиона прямо на обеденном столе – но тот буквально через минуту обнаружился в кармане. Роне подарил его Ристане, провожая ее после обеда и заверяя в своей вечной преданности ее интересам – но скорпион ждал под его собственной дверью. Тогда специально для серебряной твари Роне разжег камин и держал скорпиона в огне, пока тот не расплавился.

Однако – камин все еще горит, а скорпион – вот он. На каминной полке. Блестит, словно новенький. И снова – ни капли магии!

Сказать, что скорпион нервировал Роне – значит не сказать ничего. Проклятый Паук всегда умел навести ужаса на учеников, даже ничего толком не делая. А все потому, что никто не знал, какая именно гадость и когда стукнет в его многомудрую голову. Не сомневались лишь в одном: что эта гадость будет отменного качества.

И вот теперь дрянь стояла на каминной полке, а Роне ломал голову: чего Паук добивался, передавая ему подарок, от которого даже Пауком не пахнет? Ровно ничем не пахнет, и именно это пугало Роне сильнее всего. Когда не знаешь, от чего защищаться, не знаешь и как.

Но ждать, когда скорпион проявит себя, Роне тоже не собирался. Завтра же он отнесет эту дрянь в Алью Райна и положит на алтарь. Даже Паук не настолько нагл, чтобы уводить подношение у самой Светлой Сестры!

По крайней мере, Роне очень на это надеялся.

А пока следовало позаботиться о том, чтобы другой нахал не наложил лапу на добро, принадлежащее Роне – то есть на Аномалию. По счастью, она не дала понять Люкресу, что в курсе подлога. Так что дальнейшие его действия предсказать было легче легкого.

Наверняка это будет стандартный набор опытного, но избалованного легкими победами разбивателя женских сердец. Море цветов в покои прекрасной дамы, серенада под луной и проникновенные любовные признания на балконе с плавным перемещением в девичью кровать.

Роне усмехнулся, представив физиономию Люкреса, расцарапанную бешеной кошкой Шуалейдой. Прекраснейшей на свете бешеной кошкой. Истинной сумрачной шерой. Вот только вряд ли кто-то раньше прокусывал Люкресу губу и пил его кровь вместе с его болью...

Лишь на несколько секунд Роне вернулся мыслями в прошлую ночь, снова услышал голодные стоны, ощутил дрожь гибкого девичьего тела и поддающуюся ему сумрачную стихию – чтобы тут же переплестись, слиться в единое целое...

– Чему ты так радуешься, мой темный шер? – вырвал его из сладкой грезы знакомый голос.

Роне обернулся к дверям, ведущим в сад, встретился взглядом со штормовой бирюзой – и проклял собственную глупость. Ладно, он настроил защиту башни так, что Дайм мог входить и выходить из нее, когда угодно. Но не поставить хоть какую-то сигнализацию! Кто тут мнил себя умным? Моллюск, как есть моллюск! Если Дюбрайн увидел его мысли о Шуалейде и понял, что это уже произошло – не простит. Проклятье!

Но, может быть, не понял? Темный Брат, прошу тебя, позволь мне сохранить эту тайну! Еще немного.

- Тебе, мой светлый шер, - почти не соврал Роне и добавил без паузы: - Ты бы видел ее сегодня, Дюбрайн! Воплощенная мечта!

- Кажется, я пропустил самое интересное, - холодно усмехнулся Дюбрайн.

На миг повисла пауза. Роне почти был готов к вопросу: ты занимался с ней любовью? Но вопроса не последовало. Дюбрайн или поверил в неосуществленную мечту, или решил не обострять ситуацию. В любом случае - пронесло. Уф. Спасибо, Брат, с меня причитается.

- Не все, мой светлый шер. Думаю, самое интересное начнется после заката. Твой августейший брат еще не знает, что его ложь раскрыта.

Сказав о лжи, Роне вспомнил о подарочке от Паука, обозвал себя идиотом и, шагнув к камину, призвал из лаборатории зеркальную колбу для самых едких зелий. Ей он накрыл скорпиона. По крайней мере, так Пауку будет намного сложнее подслушивать.

- Что ты делаешь?

- Тешу свою паранойю, - усмехнулся Роне, обращившись к Дайму. - Мне тут прислали подарочек, от которого я бы рад избавиться, но он не согласен. Пусть немного поскучает в колбе.

- Я смотрю, сегодня день подарочков.

- Да уж. Особенно хорош - от ее величества Зефриды.

- Ты там был, - констатировал факт Дюбрайн.

- Само собой. Кстати, не хочешь выпить?

- Хочу, но ты не отвлекайся от темы, - кивнул Дайм и уселся в кресло, устало откинувшись на спинку.

- Отвлечешься тут, когда к тебе в гости пожаловала Магбезопасность, - улыбнулся Роне, призывая из винных подвалов Риль Суардиса пыльную бутылку и поднимая ее на уровень глаз, глянуть на просвет. - О, Двоединые в щедрости своей послали нам бастардо третьего года. Отличный улов.

Неторопливо разлив вино по бокалам, Роне отдал один Дайму, а со вторым сел в соседнее кресло. Отпил. И, не дожидаясь вопроса, начал:

- Итак, общеизвестный факт: Альгредо - идиот. Сложить два и два и увидеть очевидное ему не под силу. Так что Шуалейда прочитала папку целиком и после душевспасительной беседы. Я бы сказал, что попросить меня было бы надежнее... погоди, не прерывай. Я не задаю тебе вопросов, заметил, мой светлый шер? Итак. Меня попросить ты не мог. Объяснить Альгредо его задачу на пальцах - тоже. Так что будем считать, что Альгредо просто не понял, что папка предназначена лично для него, а не для кого-то там еще. Я верно излагаю?

- Верно, - неестественно ровно ответил Дайм.

Поймав отзвук его боли, Роне мысленно поморщился и сделал себе еще одну пометочку: границы, за которые Дюбрайн не может выйти, безобразно узки.

- Результат был в целом предсказуем, - продолжил Роне. - После того как ее встретили дома и подробно объяснили, как она не права со своей глупой любовью... к тебе, мой светлый шер, о чем Альгредо так и не догадался... Она сорвалась. Решила, что вы с Люкресом в сговоре, и ты дуришь ее из политических соображений. Герашану удалось ее остановить. Ты знал, что девочка сама себе поставила ментальный блок-предохранитель? Изумительный талант!

- Я уже понял про изумительный талант и воплощенную мечту, Бастерхази. - В тоне Дюбрайна опять сарказм мешался с совершенно неправильной, неестественной болью, словно одно только упоминание Шуалейды было для него чем-то вроде удара под-дых. Снова Мертвым драные границы.

Роне обернулся к Дайму и глянул ему в глаза.

- Я не собираюсь отбирать у тебя Шуалейду. Темный - не значит немотивированно злобная тварь. Ты же видишь, что я говорю правду?

- Вижу, Роне. И очень хочу надеяться на то, что это - вся правда, а не адаптированная версия.

- Могу показать тебе, что было дальше. Хочешь?

- Хочу.

Да уж. Доверие такая штука... Что ж, глупо было ожидать, что полковник МБ поверит на слово. Нечего оскорбляться на ровном месте, Роне бы и сам не поверил.

Так что он показал - с момента, как поймал всплеск Аномалии. Как бросился к ней, исправил топорную работу Герашана и приглушил память Шуалейды о письмах Дайма. Даже как лаялся с Альгредо после этого.

- Ты несправедлив к Альгредо, - покачал головой Дайм. - У него не было шансов догадаться.

- Твоя дотошность в исполнении приказа могла дорого тебе обойтись, мой светлый шер. Но тебе повезло - у тебя есть я. И твоя Аномалия по-прежнему в здравом рассудке, а Риль Суардис цел и невредим.

- Я дам тебе медаль, мой темный шер.

- Медаль? Ну, может быть. Потом. Вообще-то я предпочитаю что-нибудь более близкое и теплое. Сегодня.

- Мне нравится, как это звучит: сегодня.

Дайм улыбнулся ему так, что Роне ощутил себя полнейшей сволочью. Светлый поверил ему, несмотря ни на что, поверил... Ведь Роне именно этого хотел! Тогда почему на душе стало так пакостно?

Чушь. Все отлично. Все просто отлично! А насчет ночи с Шуалейдой он расскажет Дайму потом, когда это будет не так важно. Ну хотя бы когда Дайм сам проведет с ней ночь. Нет, лучше несколько. Одной, в Уго-дель-Риу, ему явно не хватило.

А все Ристана! Шис дернул Роне отбить у Дайма эту бездарную сучку! Ну что ему стоило уступить...

Чушь. Не мог он тогда уступить. Потому что не допускал даже мысли, что между ним и светлым шером, офицером МБ и учеником Светлейшего, возможна дружба. Только вражда и соперничество, спасибо Пауку за счастливое детство, дери его семь екаев.

- О чем ты молчишь, мой темный шер? У тебя такое лицо, словно ты Паука увидел.

Роне передернул плечами и допил вино.

- Ты неприлично догадлив, мой светлый шер. Паука и кое-что еще. Ты же был в башне Заката и говорил с Зефридой. И она наверняка пожаловалась на темное чудовище, которое явилось в Суард за Линзой?

- Не то чтобы прямо, но это подразумевалось.

- Я узнал о Линзе тогда же, когда и ты. И знаешь что, Дюбрайн? Это очень хорошо. Есть шанс, что о ней еще не знает Паук. Но плохо то, что о ней теперь знает твой августейший братец.

- Догадывается, - поправил его Дайм.

– Без разницы. Сегодня светлая шера Лью танцевала вокруг меня такие танцы, что аж голова кружилась от блеска. Мне даже было предложено место при будущем императоре, и не какое-нибудь там, а посох Темнейшего. Тебе смешно?

– Обхохочешься. А сама Саламандра теперь метит в Светлейшие?

– Если не в императрицы. Боюсь, Шуалейду она рассматривает исключительно как энергетический кристалл и ключик к Линзе. В общем, мой светлый шер, я навесил вокруг башни Заката и около покоев младших Суардисов три десятка Очей Рахмана. Это немножко притормозит Саламандру. Да, ты в курсе, что твой братец научился подделывать твою ауру? Разработка магистры Пламя, которую, если меня не подводит интуиция, Саламандра у нее честно сперла. Вряд ли сама Пламя захотела играть в эти грязные игры.

Дайм поморщился и тоже допил вино, откинул голову на подголовник кресла, прикрыл глаза. Если бы не кипение лиловой стихии вокруг него, Роне бы решил, что светлый шер утомился и задремал. Но нет. Его, темного шера, допустили в святая святых – наблюдать за тем, как полковник МБ творит очередной гениальный план.

По крайней мере, Роне очень надеялся, что план будет гениальным. С его, Роне, помощью.

– Кроме подделки ауры его высочество навесил на себя манок, – продолжил Роне. – Отличный манок, я бы сам купился, если бы не умел распознавать работу Саламандры за лигу. И еще. Сегодня есть шанс поймать Саламандру на горячем и выгнать из Суарда к Мертвому в болото. Близость Линзы безнадежно продула ей чердак.

– Ты уверен, что Лью сообщила патрону о Линзе? Люкрес не настолько хорошо разбирается, чтобы ее опознать.

– Не уверен, но следует исходить из худшего. Если Саламандра решилась на свою игру – нам повезло.

– М-да. Вот так МБ и узнает о том, что не один только Паук умеет воровать Линзы.

– Практиковаться Саламандре было не на чем, так что максимум, что у нее есть – это непроверенные теории. Я тебе больше скажу, мой светлый шер. Я тоже знаком с Линзами только теоретически. Но у нас преимущество.

– У нас? – Дайм глянул на Роне так остро, что тот буквально почувствовал, как рвется самое тонкое место его плана.

– У нас, мой светлый шер. Я не спрашиваю, свобода от чего тебе нужна. Просто примем это как данность. И как данность примем твои сомнения на тему единения с ужасным темным чудовищем.

– Ехидной.

– Ехидной, договорились. Так вот. Ехидна готова поставить собственную жизнь на то, что у нас получится единение на троих, и оно же – инициация Линзы.

– На троих, значит.

– Да! Мы же идеальный треугольник! Ты вообще задумывался, почему в мире Двуетиных один из священных знаков – треугольник?

– Роне, тебя заносит в теологические дебри.

– Шиса с два! Я знаю, в чем ошибся Ману, и в чем не ошибемся мы с тобой. Разве ты не видишь, Двуетиные благоволят к нам! Они свели нас втроем, дали Линзу, осталось лишь сделать последний логичный шаг! Ты, я, Шуалейда и Линза. Шуалейда будет нашей королевой, нашим Источником! Новой опорой равновесия!

– Роне, успокойся и сядь.

Роне замер посреди гостиной, только в этот момент осознав, что вышагивает взад-

вперед, размахивая руками, и почти кричит. И что на него кроме Дюбрайна с любопытством смотрят гоблинский шаман – из-под дивана – и дохлый некромант Ссеубех, притворяющийся обычной книгой, забытой на подоконнике.

– Сел уже, – выдохнул он, падая обратно в кресло и наливая себе еще вина.

– Давай решать задачи по очереди, мой темный шер... Шис, Роне, ты же не собираешься затеять еще одну Школу Одноглазой Рыбы?

– Хисс с тобой! Я не такой идиот, чтобы раздавать счастье всем даром. Хватит уже, нараздавались. Я хочу всего лишь свободы, безопасности и спокойствия. И немножко счастья себе лично. То есть нам троим. Так уж получилось, Дайм шер Дюбрайн, что мое счастье зависит от тебя, а твое – от Шуалейды.

– Ты так логичен и разумен, что мне страшно делается.

– Страшно, мой свет, когда логике и разуму противостоят предрассудки и мракобесие. К примеру, в лице твоего брата и шеры Лью. Ты бы видел, как Саламандра смотрела на Шуалейду! Как будто она в любой момент может превратиться в Мертвого и сожрать тут всех.

Дайм тихо, но очень эмоционально выругался и снова прикрыл глаза. Всего на пару секунд. А потом...

– К шисам треххвостым теорию, Роне. Пока мы с тобой сидим тут, эти двое подбираются к Шуалейде. А я даже не знаю, с какой стороны мне к ней подступиться!

– Может, прямо? Она знает, что ты – это ты, а не Люкрес. Или у тебя опять жесткие границы?

– И как только ты догадался, дери тебя!.. Проклятье! – Дайм запустил обе руки в волосы и зажмурился. – Ты бы знал, Роне, как меня достало маневрировать!

Роне сам не понял, как оказался перед Даймом на коленях, прижимая его к себе и поглощая ослепительную, рвущую на части боль.

Граничное условие, мой светлый шер? О да. До меня наконец-то дошло. Долго шло. Непростительно долго, и чтобы дошло – мне понадобилось столкнуться нос к носу с другим твоим братом – лейтенантом Диеном, императорским големом. Но допустить, что и с тобой, светлым шером и сыном императора, сделали такое? Это где-то за гранью света и тьмы – наказывать собственного сына за каждую неподобающую мысль, грозить ему смертью за малейшее отклонение от приказа.

Конечно, светлого шера не превратили в равнодушное существо, не имеющее собственных желаний и воли, но что ему навязали жесткие, даже жестокие ограничения – к Шельме не ходи. Наверняка именно поэтому Дайм так и не стал любовником Ристаны, а не по причине слишком романтической и добродетельной натуры.

Проклятье. Если все так – то Дайм тем более не простит Роне ночи с Шуалейдой. Ведь Роне получил то, что сам Дайм взять не сможет.

Мертвый бы драл императора и Конвент, вместе взятых!

– Мы сделаем это вместе, мой свет, – шепнул Роне, глядя Дайму в глаза. – Обещаю тебе, скоро ты будешь свободен.

Роне позволил себе минуты две слияния, не больше. Потом, когда они сделают необходимое, у них будет сколько угодно времени. С трудом заставив себя оторваться от такого ласкового, такого необходимого света, Роне поднялся на ноги и спросил:

– Насколько твой братец доверяет своей любовнице?

– Ни на динг.

– Это облегчает нашу задачу, мой свет. Кстати, если с шерой Лью случится что-нибудь ужасное, что скажет Магбезопасность?

- Магбезопасность будет искренне соболезновать ее родне. И посоветует другим шерам не соваться в опасные места вроде чужой Линзы.

- Смертельно опасные. И мой долг предупредить об этом шеру Лью, не находишь?

- Несомненно. Как представитель Конвента, ты обязан ознакомить ее с правилами безопасности.

- Которые настоятельно рекомендуют всем шерам покинуть аномальную зону. Не помнишь ли номер параграфа, мой свет?

- Представь, какая удача – я сам его писал и даже могу процитировать наизусть. Впрочем, зачем цитировать? Как офицер МБ, я просто обязан помочь Конвенту обеспечить своевременное информирование населения. Держи. Два экземпляра, каждому под роспись, под Оком Рахмана. Ответность должна быть в порядке!

Вынув из воздуха переливающуюся всеми цветами радуги стопку магокопий, Дайм положил ее на столик. Обилие печатей и подписи Светлейшего и Темнейшего ясно предупреждали: это вам не цидулька какая-то, это Ужасно Важный Документ.

Роне даже прочитал его последние строчки вслух:

- «...в случае неприятия мер безопасности предупрежденным субъектом Конвент не несет никакой ответственности за последствия. В случае летального исхода страховые суммы и пенсия иждивенцам по потере кормильца не выплачивается».

- Жаль, не могу вручить братцу эти бумажки лично. Ему и шеру Лью категорически противопоказано знать, что я в Суарде. У меня тут, видишь ли, особо секретное задание.

- Да ну? – поднял бровь Роне.

- Ну да. Внеплановая проверка деятельности полпреда Конвента. Жалобы поступали. Если узнаешь, что полпред что-то нарушил, обязательно доложи в компетентные органы, мой темный шер.

- Непременно доложу, мой светлый шер, – усмехнулся Роне, прихватил со стола бумажки и подмигнул Дайму. – Кстати, раз уж Тюф уважает тебя до дрожи в коленках, сделай из него копию Шуалейды. Нам сегодня пригодится. И будь осторожен. С Люкресом приехал лейтенант Диен. Вряд ли ты захочешь с ним встречаться.

Глава 22

Хорошими делами прославиться нельзя

26 день холодных вод, Риль Суардис

Дайм шер Дюбрайн

Несколько секунд Дайм смотрел вслед Бастерхази и пытался поверить собственным глазам. Темный оставил его в своем убежище, защищенном не хуже императорской сокровищницы. Одного. И ушел с таким видом, словно ему на День-между-годами подарили живого единорога, о котором он все свои десять лет мечтал.

Дивны дела Близнецов!

Если бы не срочная необходимость оградить Шуалейду от августейшего братца и Саламандры, Дайм бы непременно поискал ту таинственную книгу, которую Роне спер у Паука, чем Паук неоднократно хвастал Светлейшему. Но старые тайны могут подождать, а Шуалейда – нет.

Первым делом Дайм подозвал Тюфа и, не обращая внимания на его попытки прикинуться безмозглой тварью, объяснил задачу.

– Ты должен напугать любого, кто к тебе подойдет, и отожрать как можно больше. Даже если это будет светлый шер. Уяснил?

– Тюф понял, Тюф послушный! Тюфа не будут бить?

– Будут. Если попадешься, огненная шера тебя развеет. Но ее, если сумеешь, можешь съесть целиком. Разрешаю.

– Ай-ай-ай! Тюф не голодный, Тюф не хочет кусочек сладкого, вкусного огня! – прокрипел скелет гоблина и прикрыл лапами глазницы, но тут же облизнулся раздвоенным призрачно-зеленым языком.

– Не будешь слушаться, я тебя в музей Магадемии отдам, чтобы сотни студентов тебя разбирали на части, упокаивали и поднимали заново, и так лет двести.

– Ай-ай-ай! Тюф хороший, Тюфа нельзя студентам!

Ухватив попытавшегося спрятаться в пол гоблинского шамана за куцый хвост, Дайм его слегка потряс для прояснения усохших мозгов.

– Мне надоело с тобой шутить, кучка ты гнилых костей. Или слушаешься, или...

– Слушаюсь! Добрый шер, светлый шер, не бей Тюфа! А точно можно съесть огненную шеру?

– Точно можно. Только ее, запомнил?

Скелет гоблина закивал, голодно скалясь и сверкая синим из пустых глазниц. Выглядело изумительно, Люкрес обязательно оценит милую братскую шутку.

– Итак. Смотри модель и повторяй.

Из гоблинского шамана вышла отличная приманка. Тварь так быстро и точно повторила образ, что можно было не сомневаться: этот способ охоты на глупых вкусных шеров ему отлично знаком. Не будь Дайм офицером МБ, за свой век поймавшим не одну сотню хитрых и хищных тварей, сам бы принял морок за настоящую Шуалейду. Гоблин даже ее ауру изобразил, хиссово отродье.

До пустых покоев Зефриды, ныне – комнат Шуалейды, Дайм довел гоблина сам, не

столько из недоверия твари, сколько из простого человеческого любопытства. Разумеется, под самой плотной пеленой невидимости, чтобы его не заметило даже око Рахмана. Он бы с удовольствием заглянул и в покои братца Люкреса, благо они находились совсем недалеко от башни Рассвета, но если там лейтенант Диен – рисковать не стоит. С императора станется послать с Диеном недвусмысленный приказ убираться к шисам лысым из Валанты, и послушаться Дайм не сможет.

Он и так лавирует на грани фола, не устая благодарить Светлейшего за такое своевременное секретное задание и еще более своевременный отпуск самого Светлейшего. Ведь связаться с Даймом, пока он «на секретном задании», можно только через непосредственное начальство, которое умотало отдыхать куда-то в Ургаш. Чем потом придется расплачиваться за выкрутасы и проваленное поручение императора, Дайм даже предполагать не хотел. Если выживет, уже будет хорошо.

Задвинув в дальний угол пораженческие мысли, Дайм помог Тюфу создать в пустых покоях видимость присутствия и самой Шу, и ее верной подруги. Оставив Тюфа обживать спальню и мысленно попросив Светлую отвести от этих комнат ни в чем не повинных обитателей Риль Суардиса и прислать в чем-нибудь виновных, Дайм наведлся к покоям Каetano.

По галерее около покоев принца степенно прогуливались герцог Альгредо и канцлер Сальепус, обсуждая что-то ужасно важное, что никак нельзя было обсуждать в другом месте. Четыре парящих под потолком Ока Рахмана наблюдали за умиротворением и благодатью, слюдянисто взблескивая фасеточным покрытием. Одно из них даже повернулось было в сторону Дайма, но не распознало под пеленой невидимости и вернулось к ожиданию.

Почувствовать Шуалейду даже Дайму оказалось непросто, она хорошо спряталась. Дайму очень хотелось позвать ее, наконец-то поговорить откровенно. Но, во-первых, не под Оком Рахмана и не в присутствии ее брата. А во-вторых, если она начнет волноваться, пелена с нее слетит, и отвлекающий маневр сдохлым гоблином пойдет гоблину же под хвост. Так что Дайм лишь поставил под дверь корзинку с ветками цветущей фейской груши и коротенькой запиской:

«Добрых снов, любовь моя. Увидимся завтра на балу.

Твой светлый шер».

И коротко постучал в дверь.

На стук тут же высунулся капитан Герашан. Все четыре Ока Рахмана тут же повернулись, зафиксировали невесть откуда взявшиеся цветы и капитана МБ. Герашан же вытянулся во фрунт и отдал честь ближайшему:

– Служу империи!

Око Рахмана зафиксировало и это, и обернувшихся на шум Альгредо и Сальепуса. Которые сделали вид, что ровным счетом ничего интересного не произошло.

Дайм покинул галерею с улыбкой во все лицо. Приятно же видеть слаженную работу собственного ведомства с местной СБ! А координацию с полпредом Конвента можно вообще в учебники вносить как образцово-показательную.

Именно эта координация и навела Дайма на еще одну гениальную мысль из серии «раз терять уже нечего, повеселимся!» Для ее осуществления требовалась помощь Бастерхази – и его Дайм нашел аккурат рядом с засадой на Люкреса, вешающим еще одно Око Рахмана перед дверью.

– Сразу видно профессионала, – кивнул Бастерхази на совершенно невинно выглядящую дверь в пустые комнаты.

Эта дверь так и манила, так и звала! Причем ни малейших признаков манка обнаружить на ней не представлялось возможным. Не зря Дайм настаивал, чтобы гоблинов из

опасности третьего уровня перевели в четвертый – по причине их коварства и скрытности.

– У тебя отличная коллекция... – Дайм дождался, пока Бастерхази активирует Око, и продолжил: – Это не у вас ли сбежал лич, мой темный шер?

– Лич? – Глаза Бастерхази чуть не полезли на лоб. – Разумеется, нет! Содержать личей в городе незаконно и негигиенично. Они воняют.

– Вот и я подумал, не может полпред Конвента нарушать закон, а других сильных некромантов в Суарде нет. Так что наверняка жалобщикам просто померещилось спяну. Ведь если бы в Королевском парке завелся лич, вы бы знали об этом, мой темный шер?

– Хм... если лич свежий... Говорите, в МБ поступали жалобы?

– Вот буквально на днях с кухни пропал поваренок вместе с копченым окороком и бочонком пива. Повар утверждает, что тут не обошлось без нечисти.

– Окорок, пиво и поваренок... хм... все признаки нечисти налицо. Определенно, нам с вами следует незамедлительно проверить окрестности. Как удачно, что я уже оповестил его высочество с сопровождающими лицами о необходимости немедленно покинуть зону повышенной магической опасности.

– Под роспись?

– Разумеется. Посмотрите сами, полковник, – и Бастерхази продемонстрировал Оку Рахмана подписанные гербовые бумажки. – Мой долг – заботиться о безопасности императорской семьи. Кристаллы с записью уже отправлены магопочтой в столицу.

Дайм тоже с самым серьезным видом просмотрел бумажки, заодно еще раз проверив подлинность росписи брата Люкреса и шеры Лью.

– Благодарю, мой темный шер. Идемте же скорее, если где-то завелся лич – мы обязаны его найти и обезвредить.

Едва удержавшись, чтобы по примеру капитана Герашана не отдать честь Оку Рахмана и гаркнуть «служу империи», Дайм с серьезнейшим видом покинул обвешанную наблюдателями галерею и позволил себе подмигнуть темному шеру лишь на половине пути к башне Рассвета.

– Думаю, у нас есть около часа до романтического вечера, – сказал Бастерхази, когда они с Даймом вышли из дворца через башню Рассвета. – И что же за лич завелся в Риль Суардесе, мой светлый шер?

– А сейчас узнаем, – подмигнул Дайм. – Нам на городское кладбище.

– Ну хоть не в Лощину Памяти, – хмыкнул Бастерхази.

– Что интересного тебе сказал его высочество на рекомендацию выметаться из Суарда?

– Что их высочество еще припомнят мне эту наглость. Но сам понимаешь, под запись их высочество были изумительно вежливы. И не пустили меня дальше порога.

– А ты пытался? – поднял бровь Дайм.

– Разумеется! Я же явился вынюхивать и пакостить, а бумажки были лишь прикрытием. Иначе бы их высочество ни за что не подписал смертный приговор Саламандре и полное отпущение грехов нам с тобой.

– Твое коварство меня восхищает, мой темный шер.

Бастерхази важно раскланялся, прижимая руку к сердцу. Ни дать ни взять, оперный злодей после выходной арии. Для полноты образа к черно-алому плащу не хватало лишь лопаты – раскапывать могилы. О чем Дайм и сообщил Бастерхази с должной долей восторга.

- Так кто у нас самовыкопался и ворует у честного повара окорока?
- А с кем ты справишься за полчаса, мой темный шер?
- Дюбрайн, я не в том возрасте, чтобы брать меня на слабо!
- Как жаль. Мне казалось, ты молод душой, о мой замшелый пенё!

Бастерхази довольно засмеялся и пихнул Дайма плечом. Дайм толкнул его в ответ. Пожалуй, если бы не важное дело, они бы с наслаждением устроили дружескую потасовку прямо тут, среди пышной кладбищенской зелени. И не только потасовку. Дайм с удивлением осознал, что успел соскучиться по Бастерхази за каких-то три дня. И что он будет с этим делать, если Зефрида права? А ведь она права. Близость Линзы продула Бастерхази чердак насквозь. Придумать единение и инициацию Линзы втроем – это надо быть самонадеяннее Ману Одноглазого.

Впрочем, есть еще шанс, что Бастерхази опомнится и передумает. Маленький шанс. И Дайм сделает все возможное, чтобы Роне этим шансом воспользовался.

- Ага, вот и наш лич. – Дайм остановился под кривым вязом, покрытым клочьями серого лишайника. – Посмотришь – и сразу видишь: здесь не упокоился гадостный человечешко.

- Ты с ума сошел, мой светлый шер. Трогать шера второй категории, погибшего насильственной смертью?

- Только не говори, что тебе не хватит получаса, чтобы его поднять, мой темный шер.

- Мне-то хватит, а вот кто его потом упокаивать будет?

- Ну даже не знаю... ты не видел поблизости офицера Магбезопасности? Если нет – городу конец.

- Выпендрейщик.

- От скромника слышу.

Фыркнув, Бастерхази жестом велел Дайму отойти. А потом буднично, словно поднимал личей каждую ночь, позвал:

- Идите-ка сюда, шер Кельмах. Пора искупить вашу глупость добрым делом во славу Двухединых.

Глава 23

Кто не спрятался

26 день холодных вод, Риль Суардис

Рональд шер Бастерхази

Свеженького, голодного и отчаянно матерящегося лича они с Дюбрайном слегка подкормили воронами и посадили в кладовку, подумать над грехами его тяжкими. А сами отправились в сад наблюдать и корректировать романтический вечер его императорского высочества.

Пока они гуляли по кладбищу, его императорское высочество успело отправить Шуалейде цветы и записку с приглашением в сад, полюбоваться луной. В точности, как Роне и предсказывал.

– Даже скучно, – поморщился он, выслушивая краткий доклад Герашана о содержании записки и о постигшей ее незавидной участи: Шуалейда ее прочитала, бросила в камин, закрыла окно дополнительным щитом и села изучать научные труды. Видимо, для лучшего сна.

Ожидая принцессу под балконом, его императорское высочество потерял не меньше часа и изрядно разозлился.

– Нет чтобы воспользоваться моментом и помедитировать, – прокомментировал перекошенное лицо брата Дюбрайн, с удобством расположившийся бок о бок с Роне на ветке пятисотлетнего дуба. – Погода дивная, луна полная, чего ему не хватает?

Словно объясняя, чего именно не хватает кронпринцу, в башне Рассвета завыл голодный лич. В его вое так явственно слышался северный мат, что Роне даже забеспокоился: не опознали бы шера Кельмаха раньше времени. А то еще в самом деле сбегут из Суарда и испортят все веселье!

Шис. Кто бы мог подумать, что с полковником МБ может быть так весело!

Правда, весело было не всем. Шуалейда мирно читала труды ученых мужей, не подозревая, какой балаган пропускает – и слава Двуетиным, вздумай она вмешаться, и Роне бы забеспокоился за сохранность королевского дворца. Императорское высочество караулило невесту у романтично подсвеченного розовым фонтана и репетировало обольстительные речи, лейтенант Диен караулил высочество – на почтительном расстоянии в две сотни локтей, голодный гоблинский шаман подкарауливал вождя добычу... Романтично подвывал голодный лич... А шера Лью шныряла вокруг башни Заката, притворяясь, что прогуливается по саду и не замечает развешенных кругом Очей Рахмана. Не зря Роне использовал весь запас, выданный Конвентом на год вперед. И план дворца, на котором Роне когда-то тренировки ради разметил оптимальные точки обзора, пригодился.

Наконец до императорского высочества дошло, что невеста сама не придет. Что сделало высочество первым делом? Спустило всех собак на лейтенанта Диена, который оказался ближе всех, за то, что записку не передал лично в руки. Как будто это помешало бы Шуалейде ее сжечь!

Голему было плевать на все, кроме обеспечения безопасности, о чем голем и сообщил высочеству. Поэтому высочество быстро заткнулось, приказало нести еще цветов, гнать музыкантов под балкон и начинать уже серенаду.

Роне с брезгливой жалостью смотрел, как высочество пыхтит, самостоятельно забрасывая цветы на балкон: голем помогать отказался. Да уж. До живых звездных фиалок этим несчастным привядшим розам было далеко. О том, насколько высочеству было далеко до самого Роне или Дайма, и вовсе говорить не стоило.

- Он что, вообще ничему не учился, твой братец? Довести цветы до такого состояния, это ж надо быть полным упырем.

- Это надо быть полным идиотом. Он же не контролирует собственные артефакты.

- Дери его... он что, пьет из всего, до чего дотянется?

Такая небрежность не укладывалась в голове. Пользоваться запрещенными артефактами типа «упырь» (тюремное заключение до двадцати лет) и «манок» (от пяти до пятнадцати лет) – укладывалось. Ничего другого от бездарщины, притворяющейся истинным шером, Роне и не ожидал. Блестящую обманку-ауру, сотворенную Саламандрой на основе другого запрещенного артефакта (пятнадцать лет тюрьмы за использование, тридцать за изготовление) надо чем-то поддерживать, и «упырь» подходит идеально. Но надевать сильный артефакт, который не можешь полностью контролировать, это же верх глупости! Впрочем, как и доверять Саламандре.

- Сдается мне, он поставил на брак с Шуалейдой слишком много, чтобы осторожничать, – пожал плечами Дайм, который тоже наверняка прикинул, на сколько лет тюрьмы потянет запрещенный арсенал кронпринца. – Любопытно, как он собирается избавиться от тебя, мой темный шер.

- С твоей помощью, разумеется. Мы ж с тобой – злейшие враги. А что тебе пообещали за эту авантюру, мой светлый шер?

- Брак с Ристаной, разрешение на наследников и право служить Люкресу и его детям до конца моих дней. Как видишь, я в полном восторге от монаршей щедрости.

О да. Восторг можно было ложкой черпать. Как и очередную порцию боли – которую Роне тут же забрал, так что Дайм едва ли успел ее почувствовать. Зато благодарно улыбнулся Роне.

За разговором они чуть не пропустили начало представления. Музыканты заиграли нечто сладкое и явно очень популярное в столице, Люкрес запел – против ожидания, вполне пристойно. Не оперный прим-тенор, но в целом ничего так. Почти не фальшиво. Но главное – за занавесками обозначился тонкий девичий силуэт. Несколько более соблазнительных очертаний, чем настоящая Шуалейда, но гоблину простительно. Он же тварь простая и прямая: что Люкресу нравится, то ему и показывает.

По окончании серенады из-за занавески высунулась рука в чем-то кружевном и поманила ухажера, а заодно мелькнули черные кудри, манящие округлости в декольте и лукаво блестящие очи.

Смотреть, как пыхтит и старается высочество, поднимаясь к балкону, без слез было невозможно. Да любой первогодок Магадемии взлетает на балкон к деве (или в окно общежития) на счет «раз», даже если он не воздушник. А этот, простите Двоединые, светлый шер? Даже аура-обманка слегка потускнела от невероятного напряжения сил.

- Он серьезно считает, что Шуалейда не заметит кряхтения? – задал Роне риторический вопрос.

Впрочем, Шуалейда в исполнении гоблинского шамана видела лишь прекрасного, желанного до капель слюны на полу светлого шера, который идет все ближе и ближе... Глаза морока лилово светились, и весь он буквально истекал соблазном. Чуть-чуть с гастрономическим привкусом, но вряд ли Люкрес заподозрит подвох прямо сейчас.

Не заподозрил. Под гитарные переборы и флейтовые вздохи ангажированных на весь вечер менестрелей он взлетел на балкон, отпустил «деве» за полупрозрачной занавеской комплимент, потянулся к ручке. Ручка тут же убралась, зато занавеска приглашающе распахнулась.

- Вот же тварь, – восхитился Дайм и тут же накинул на покои Шуалейды пелену молчания. Причем не «свою», а «авторства Саламандры». Не увидел бы Роне этого

собственными глазами, ни за что б не поверил. – Ставлю динг, что без посторонней помощи Люкрес от Тюфа не удержит.

– У меня лишних дингов нет, – фыркнул Роне и активировал спрятанное в покоях Око Рахмана. На этот раз контрафактное, не состоящее на учете в Конвенте и МБ.

– Жлоб, – отозвался светлый шер, подмигнул Роне, взял его за руку – и переместился на балкон, одновременно укрепляя их общую пелену невидимости.

Они переместились вместе, легко и мягко. Каких-то две сотни локтей по прямой, сущий пустяк. Конечно, если ты не бездарное недоразумение вроде Люкреса. И успели вовремя. Люкрес был настроен решительно, но «Шуалейда» – еще решительнее. Сверкая голодными мертвенно-синими глазами и не дослушав витиеватый комплимент, «дева» смело повалила своего кавалера на ковер и впиалась ему в губы страстным поцелуем.

Ошалелый кавалер даже не сразу понял, что происходит, и почему вместо юного девичьего тела и нежных губ он чувствует острые кости и еще более острые зубы. А гoblin тем временем не терял времени даром. Целую секунду, а то и полторы он нагло жрал добычу: кровь вместе с даром и жизненной силой. Роне даже приготовился его одернуть, не хватало еще угробить кронпринца и потом иметь дело с гневом императора и лейтенантом Диеном. Пожалуй, лейтенанта Диена он опасался больше императорского гнева, ибо император далеко, а натасканный на шеров голем – вот он, под окошком торчит, серенады слушает. Но не пришлось.

Люкрес активировал один из своих амулетов, и сердито шипящее умертвие отбросило на пару локтей.

И тут Люкрес наконец увидел, что именно целовал, и заорал. О добрые боги, как он орал! Такой паники, смешанной с недоумением обиженного дитяти, Роне давно не пробовал! Гоблинский шаман тоже. Он радостно распахнул пасть и тоже заорал, копируя Люкреса – и забирая себе весь поток вкуснейших эмоций вместе с остатками силы. Вот же тварь жадная! Ни капельки не упустил! Роне и не знал, что Тюф так может.

– Какой экземпляр, – снова восхитился Дюбрайн, с научным интересом разглядывая орущего кронпринца и на глазах обрастающего плотью гоблинского шамана.

– Придурок, что он орет? Бежать надо, – лениво прокомментировал Роне.

– До него не дошло, что его никто не слышит.

– Кстати да, где там наша спасительница? Пора бы.

– Пора, – согласился Дайм.

Они синхронно отошли к дальней стеночке, и только тогда Дайм ослабил пелену молчания. Двойной ор тут же резанул по ушам. А через три секунды в комнату через окно влетела шера Лью во всем блеске и великолепии защитных и атакующих заклинаний.

Появившегося следом за ней лейтенанта Диена на ее фоне никто бы и не заметил. Впрочем, он и сам не спешил вмешиваться. Ему хватило одного взгляда на панически орущего Люкреса, жрущее умертвие и защищающую патрона шеру Лью, чтобы остановиться перед окном и скрестить руки на груди. Роне даже ощутил к нему нечто вроде уважения и симпатии.

А тем временем гoblin и Саламандра...

О, это была битва гигантов! Один гигант кидался боевыми заклинаниями и ловчими сетями, а другой это все жрал. Вот так просто ловил и жрал! И Саламандра поняла это далеко не сразу, потому что гoblin при этом корчился, прыгал, метался и всячески показывал, как ему больно и страшно, но он никак, ну просто никак не может сбежать от ужасной огненной шерсти!

До нее дошло, что здесь что-то не так, только когда бедняга Люкрес вконец охрип, заткнулся и начал отползать к окну, а она сама потратила почти весь резерв. Совершенно впустую! И как-то слишком быстро.

– Кажется, нам пора, – еле слышно шепнул Дайм.

Роне согласился. Быть рядом, когда Саламандра поймет, что ее одурачили, а гоблин откусит последний самый жирный кусок и слиняет, им явно не стоит. А то еще кто-нибудь додумается поискать тут кого-то кроме гоблина и, упаси Двоединые, найдет.

– Ах ты, тварь!

– Ай-ай-ай-ай!

– Диен, что ты стоишь как пень! Держи его!..

– Уй-уй-уй!

– Безопасности его высочества ничего не...

Они переместились обратно на ветку дуба, не досмотрев трагикомедию. Впрочем, им и так хватило, чтобы едва не свалиться с этой самой ветки от хохота. Особенно крепко пришлось держаться друг за друга, когда все трое «победителей» покидали ловушку все через тот же балкон. Под нежные звуки серенады, кстати.

Нежные звуки серенады оборвались, лишь когда Люкрес швырнул в музыкантов горшком с геранью, украшающим перила балкона. Он был бледен, перепуган до икоты и ненавидел всех вокруг. Его фальшивая аура мигала и шла плесневело-зелеными пятнами, из прокушенной губы сочилась кровь, шелковый белый сюртук был подран в ключья и замаран какой-то дрянью.

Саламандра ненавидела всех вокруг еще сильнее, чем Люкрес. Потому что ей досталось куда больше. Ее настоящая аура побледнела и съежилась, сама она выглядела морщинистой каргой – седой, горбатой и хромой. Причем сама этого еще не осознала, и потому очень удивлялась отвращению, написанному на принцессой физиономии.

Один лейтенант Диен был свеж, подтянут и невозмутим, несмотря на то что оба, Люкрес и Саламандра, напустились на него с двух сторон.

– ...как ты посмел? Не защитить! Не вмешаться!..

– Жизни вашего императорского высочества опасность не угрожала, – раз, наверное, десять повторил голем, пока Люкрес и Саламандра не плюнули и не принялись опять орать друг на друга.

– Я буду пересматривать этот кристалл долгими зимними вечерами, – мечтательно протянул Роне. – И детям завещаю.

– Не спеши кричать «браво», мой темный шер, – не менее мечтательно отозвался Дайм. – У этой оперы будет второй акт. Под названием «Страшный вой в шкафу, или Кто не спрятался, мы не виноваты».

Роне лишь хмыкнул. Лич, некогда бывший светлым шером Кельмахом, наверняка уже соскучился и проголодался. А Роне всегда было интересно, учат ли на Огненном факультете упокаивать личей? И особенно – модифицированных и усиленных по методу Паука личей, которым дали понюхать крови светлой шерсти.

Глава 24

О родном бассейне с акулами

1 день Каштанового цвета

Шуалейда шера Суардис

Этой ночью ей снились очень странные сны. Какой-то страшненький скелет пел ей серенаду и дарил алые розы; светлый и темный шер почему-то сидели на дереве и резались в кости; под деревом кто-то клал зубами и тоскливо выл; отвратительная карга в алом платье танцевала с принцем Люкресом хуетту; мама гладила Шу по голове и обещала подарить лошадку, но Шу плакала и звала кого-то, чье имя забыла, но кто был ей очень-очень нужен...

Он пришел под утро, когда Шу тревожно ворочалась в постели и прислушивалась к тоскливому вою за окнами. Шу не видела его, только почувствовала его присутствие – просто стало тепло и спокойно. Даже вой в саду затих, сменившись предрассветным щебетом и кваканьем.

– Спи, – шепнул он, легко касаясь дыханием ее закрытых глаз.

– Я сплю. Ты мне снишься?

– Да. А ты – мне. Я ужасно соскучился по тебе, моя нежная Гроза.

– Я знаю, кто ты. – Она улыбнулась и провела ладонью по его скуле, задела пальцем губы. – Тебя зовут Дайм.

– Мне нравится, как ты произносишь мое имя, – шепнул он, и Шу ощутила, как шевелятся его губы. Странное, удивительно теплое и интимное ощущение. Безумно приятное.

– Скажи еще раз, Шу.

– Да-айм, Дайм шер Дюбрайн, – повторила она, наслаждаясь его удовольствием и вдыхая его запах: сосен, моря, капельку оружейного масла и совсем немножко мокрой травы и пота. – Я сплю, и ты...

– Мы снимся друг другу, – сказал он, щекоча дыханием ее губы.

– Снимся, – согласилась Шу.

Во сне все наконец-то стало просто и понятно. Есть светлый шер Дайм, его она видела в Тавоссе, он писал ей письма и приходил к ней в Уго-дель-Риу. Он любит ее, а она – его. И есть его брат Люкрес, который похож на Дайма, но на самом деле совсем другой. Он только притворяется влюбленным, и он не нужен Шу. Совсем-совсем. И притворяется он плохо, у него глаза холодные и злые. А у Дайма – ласковые, они похожи на просвеченное солнцем море. И под этим солнцем ей вдруг стало жарко, и губы пересохли, и безумно захотелось дотронуться, приникнуть к нему...

Шу не поняла, как они оба оказались в постели, но точно знала – именно так правильно. Вместе. Обнаженными. Правильно – это чувствовать губы Дайма на своей коже, стонать и гореть от его прикосновений, и когда голова кружится и дыхание захватывает, словно их обоих несет огромная океанская волна...

Дайм ласкал ее неторопливо, изучая каждый изгиб ее тела – на ощупь, на вкус, словно слепой. И она открывалась ему, бесстыдно позволяя любоваться и восхищаться собой, трогала его – губами и ладонями, всем телом, и голова опять кружилась от восторга и чувства полета. Он весь был светом, чистой стихией, драконом с белыми крыльями – и в то же время живым мужчиной из плоти и крови... Это было так сладко, так ярко и

невыносимо прекрасно, ощущать биение крови в его жилах...

Она прослеживала их губами – синие вены на его шее, над ключицей, в сгибе локтя и на запястьях... Мощные, крепкие запястья, совсем светлые, не загорелые, с мягкими рыжеватыми волосками и выступающими жилами, с огрубевшей от клинка кожей на ладонях. Она поцеловала каждую мозоль, слушая его приглушенные стоны и шепот:

– Шу, моя Шу, о боги, я люблю тебя!..

А потом он резко выдохнул – и перевернул ее на спину, подмял под себя. Она застонала от накатившей волны удовольствия: чувствовать вес его тела, твердые мускулы его плеч и бедер, крепкую хватку его рук на собственных запястьях – и сладкую истому в собственном теле. Нежную, тягучую, требующую подчиниться и отдаться сейчас же, немедленно, принять его в себя всего, целиком! Всю его силу и нежность, его страсть и ласку, весь этот исходящий от него свет, свет, пронизывающий ее насквозь, наполняющий ее – и выплескивающийся вовне, этот прекрасный бесконечный свет!..

Она кричала, когда он входил в нее, обжигаяще горячий, необходимый до боли, до фейерверка перед глазами. Она вцепилась в него руками и ногами, она требовала – еще, Дайм, еще, мой Дайм! Мой!.. Ей казалось, каждым мощным толчком он вбивает ее в землю, и она сама становится землей, и водой, и воздухом, и огнем – им самим, его телом и даром, его светом и тьмой, вырастает намертво, так, что невозможно разъединить...

А потом свет и тьма слились в одну вспышку, выжгли все мысли и чувства, оставив единственное ощущение счастья.

Быть вместе.

Быть едиными.

Просто быть.

Шу проснулась с ощущением счастья и наполненности – светом, бытием, чем-то невероятно прекрасным и невыразимым словами. Правда, немножко ныло все тело, но это была очень сладкая боль. Шу даже невольно потрогала себя – припухшие губы, ставшие слишком чувствительными соски... и живот... кажется... кажется, она хочет еще? Иначе почему внизу живота все так сладко скручивается и голодно пульсирует, а между ног влажно и все словно набухло? Ох, Да-айм...

Стоило вспомнить, как он целовал ее, как касался, как двигался в ней – и пальцы невольно прижали скользкие складочки между ног, и нежная истома вдруг начала расти и расти, как шар огня, так что Шу перестало хватать воздуха, и все тело словно загорелось, потекло волной сладкого пламени... и ее всю окутал кокон света, впитал ее в себя – или сам впитался в нее, она уже ничего не понимала...

Она вынырнула в утреннюю реальность лишь несколько минут спустя. Первым делом она подумала: как хорошо, что я уснула на диване в кабинете, и никто меня сейчас не видит! Вот стыдно было бы!

А второй мыслью было: интересно, этот сон приснился только мне или Дайму тоже?

Дайм. Светлый шер Дайм. Как она могла вчера спутать их с Люкресом, они же совершенно не похожи! Теперь она понимала это совершенно ясно. Как и то, что вчера ее пытались околдовать. Ментальное воздействие какого там уровня, пятого? Надо спросить у Энрике, он точно знает.

По справедливости, ей следовало разозлиться на Люкреса. Но как-то не получалось. Слишком ей было хорошо. И все вокруг, даже ее подушка, по-прежнему пахло Даймом. Или она сама им пахла. Интересно, это тоже ментальное воздействие? Наверное, уже шестого уровня, если такой вообще бывает. И на такое вопиющее нарушение закона следует пожаловаться... мм... в Магбезопасность? Или в Конвент?..

Подумав про Конвент – она вспомнила о полпреде Конвента в Валанте. О Роне.

О звездных фиалках и обжигающе прекрасной тьме. Вспомнила вкус его крови и его поцелуев. Его запах. Два тела и два дара, слившиеся в одно целое.

Злые боги. Она что, умудрилась заняться любовью с двумя шерами подряд? Ой... кажется... кажется, это как-то нехорошо.

Мысль о «нехорошо» ей не понравилась. Потому что ей было очень, очень хорошо! И вчера, и прямо сейчас. И вообще, почему нехорошо? Вон у Ристаны десяток любовников, и ничего в этом такого нет. Конечно, Ристана злобная гадина и вообще убийца, так что она – плохой пример... Ну и ладно. Вот у Роне – полно любовниц. И любовник тоже есть. И всех этих любовниц Шу... ну, не поубивает, конечно. Пусть сами идут с миром. Роне – ее, и точка. Зачем ему кто-то еще, если он может любить Шу? Правильно, не нужен.

Ну... разве что Дайм...

Роне и Дайм. Дайм и Роне. И она, сумрачная шера Шуалейда Суардис. О боги. Но ведь она же никого не обманывает, правда же? Хотя она не сказала Дайму о ночи с Роне. Просто... ну... как-то оно было некстати. Да и вообще, как она могла хоть что-то сказать, когда она и думать-то не могла?

Шу прижала ладони к горящим щекам и с надеждой посмотрела на чей-то портрет, висящий над столом в кабинете. Кого-то из предков, вот честно, она бы сейчас даже под угрозой смерти не вспомнила, кого именно.

Портрет укоризненно молчал и не одобрял ее поведения.

– Сам ты... предок! – сердито заявила она портрету. – Ну и не одобряй сколько влезет. У тебя сколько было любовниц, а? Десять? Сто? Вот и молчи. Будет он мне тут не одобрять. Лучше скажи, что делать с этим, который жених! Он же сам не отстанет, он же Брайнон...

Брайнон. Дюбрайн. Да-айм... может быть, Дайм подскажет? Он умный, он – целый полковник Магбезопасности. И... он где-то рядом. Точно! Он наверняка где-то совсем близко, ментальное воздействие пятого уровня невозможно на большом расстоянии! Она помнит, она в учебнике читала! Как хорошо быть умной и не прогуливать уроки...

Щелкнув пальцами, Шу оделась – бриджи, сорочка, ничего лишнего – и помчалась искать Дайма. Правда, ее сразу за дверью кабинета поймал Энрике. В охапку.

– И куда это ваше высочество несется с дикими глазами и неодетое?

– Вот тебя мне и надо! Ты уже видел полковника Дюбрайна? Где он? Он нужен мне срочно, немедленно!..

– Тихо! – рыкнул на нее Энрике и сжал крепче. – Давай-ка, прежде чем ты куда-то побежишь отсюда, ты умоешься, оденешься и обдумаешь диспозицию. И позавтракать не мешало бы вашему высочеству.

Из всего, что он сказал, Шу прежде всего услышала самое важное: завтрак! Вчера она унеслась покорять башню Заката почти на голодный желудок и за обедом больше старалась не уснуть, чем ела. Сегодня она не повторит этой ошибки. Тем более в гостинной Кая так вкусно пахнет, так пахнет...

– Ладно, уговорил. Завтракать!

Шу попыталась вырваться из рук Энрике и помчаться к накрытому столу.

– Умываться и одеваться! – не пустил ее Энрике, но Шу не прекратила попыток добраться до источающей умопомрачительные запахи жареной куропатки. – У ваших высочеств к завтраку гости... Бален! Белочка, на помощь!

Помощь подоспела немедленно. Первой – Морковка, она с разбегу ткнулась Шу в колени и принялась мурлыкотать и пофыркивать, требуя любви и ласки. Второй – Бален, которая ничего не требовала, а молча протянула Шуалейде мясной пирожок.

- Ты спасла меня, о прекрасная дева, - ухмыльнулся Энрике, которому достался второй пирожок, - от съедения этой бешеной виверрой.

- Ах ты! - замахнулась на него Шу надкушенным пирожком.

И тут же об этом пожалела, но поздно: Морковка правильно поняла, что хозяйка с ней играет, радостно подпрыгнула и сцапала пирожок.

- Ах ты!.. - От обиды и несправедливости Шу чуть не расплакалась. Или от того, что в животе пели серенады сразу десять голодных котов.

Ее снова спасла Бален, сунув ей в руки сразу два пирожка - с расчетом на то, что если Морковка слопает один, второй все же достанется Шу. Так что когда в гостиную выглянули Кай и Зако - уже при полном утреннем параде - Шу быстро дожевывала пирожок.

Помахав им обоим рукой (без пирожка!) Шу умчалась в умывальную, а затем и в гардеробную. Только там, с сомнением глядя на вчерашнее сине-стальное платье, она спросила у верной подруги:

- Что за гости? Надеюсь, не его высочество Люкрес?

- Ее высочество Ристана, - поморщилась Бален. - Жаль, что ночной упырь не погрыз еще и ее.

- Какой еще упырь? - замерла в недоумении Шу.

- Ну явно не тот, который покусал тебя, - хмыкнула Белочка, опустив взгляд на ее грудь.

Шу невольно прикрыла грудь ладонями и вспыхнула вся, от ушей и до кончиков пальцев - слишком горячими были воспоминания о Дайме. А когда сама глянула в зеркало, покраснела еще сильнее. Не то чтобы Дайм оставил на ней какие-то метки, нет. Просто... ну... просто она выглядела, словно Морковка после весеннего загула. Довольная, глаза горят, губы яркие и припухшие и... ну... В общем, нагулявшаяся кошка как она есть.

- Никто меня не кусал, - почти не соврала Шу. Кажется, Дайм ее только целовал. Наверное. Вот Роне кусался, да... ширхаб... кажется, она сейчас сгорит на месте.

- Верю-верю, - кивнула Бален, подавая ей вчерашнее платье от мадам Антуанетты. - Ты именно его искала с утра попозже?

- Кого его?

- Того, о ком ты сейчас грезишь наяву. Шу! Проснись, и давай сделаем это платье посветлее.

- А... конечно...

Окинув себя, уже одетую и причесанную, критическим взглядом, Шу попробовала сосредоточиться на цвете. И у нее даже получилось! Платье из сине-стального стало ярко-бирюзовым, как пронизанное солнцем море, даже с легкими золотистыми бликами.

- Красивый цвет, - едва сдерживая смех, кивнула Бален.

И только тут до Шуалейды дошло, что платье она сделала под цвет глаз Дайма. Мало того, даже запах... о, боги. Кажется, теперь ее платье пахнет соснами и морем. А... ну и пусть! Ей нравится этот запах! И цвет! И вообще, она любит Дайма и не собирается этого скрывать, вот!

- Очень красивый, - задрав подбородок, заявила Шу.

Бален не выдержала, засмеялась. Правда, как-то у нее это получилось не обидно, а словно даже с облегчением. Интересно почему?

- Ну слава богам, ты больше на него не злишься за письма, - ответила Бален на ее невысказанный вопрос.

- Письма... а... ты знала? Ты - знала?! - Шу почти разозлилась и почти обиделась, но как-то у нее это получилось неубедительно. Да. Ей было слишком хорошо. Ну и она в целом догадывалась, что у Дайма были веские причины, какие - он обязательно ей расскажет. Чуть позже.

- Просто я знаю, что кронпринцы империи не разъезжают по стране в одиночку, не суются в самые опасные места и вообще... - Бален неопределенно повела руками. - Он не такой, понимаешь?

- Понимаю, - вздохнула Шу.

О да. Теперь ей самой было смешно и досадно, что она приняла Дайма за Люкреса. Они совсем-совсем не похожи! Дайм такой... такой...

- Если ты выйдешь к завтраку с такой улыбкой, твоя сестра с досады зарежется вилочкой для пирожных.

Шу попыталась вернуть лицу серьезное выражение, а лучше даже хмурое, но ничего у нее не вышло. Губы сами расплзались в улыбке, глаза продолжали светиться... и, кажется, она не чувствовала пола под ногами.

Да, действительно. Опустив взгляд, она убедилась: стояла она не на полу, а на воздушном потоке. Не так чтобы прямо очень заметно, всего-то стала на палец-другой выше. Плевать! Ей слишком хорошо, чтобы думать о таких мелочах! После завтрака она обязательно найдет Дайма и...

Что будет потом, она не очень себе представляла. То есть представляла, но... наверное, это неприлично, вот так среди бела дня...

- Еще немного, и я начну сочувствовать твоей сестре.

Голос Бален буквально опустил Шу с облаков на землю. То есть на пол. Кажется, если она не хочет взлететь прямо во время завтрака, ей следует подумать о чем-то другом. Не о том, что она увела у старшей сестры двух любовников стразу... нет-нет, об этом лучше вообще не думать. Если Бален узнает о Роне, она точно не поймет. У нее с темным шером давние личные счеты.

Лучше она подумает о Люкресе. Кстати...

- Те цветы, которые вчера мне прислали, где они?

- Которые? - сделала невинные глаза Белочка. - Первые или вторые?

- Вторые! - фыркнула Шу. - Где груша, я и так знаю.

Еще бы она не знала. Корзинку цветущих ветвей, напитанных жемчужной силой, она взяла с собой в кабинет, где закрылась глухими щитами и до полуночи читала принесенные Берри книги. И записку с пожеланием доброй ночи и обещанием встречи завтра она сохранила. Заложив ей самый толстый талмуд. В отличие от второй, с приглашением в сад - ее Шу скомкала и велела сжечь. Хотя в тот момент ей хотелось сжечь самого Люкреса. Он даже сейчас не дал себе труда написать записку сам! Поручил любовнице! Почерк Дайма она подделала отлично, с виду и не отличишь, но ощущения - вообще ничего общего! И эти розы, какая пошлость - дарить розы!

Вот о них Шу и спрашивала. Розы от его высочества Люкреса отлично подойдут, чтобы подразнить Ристану. Нельзя отказывать себе в маленьких удовольствиях.

- Я их воскресила и выставила в гостиной, - ухмыльнулась совершенно с ней согласная Бален. - На самое видное место.

- Грушу тоже поставь! И...

- Карточку с автографом Люкеса я уже нарисовала. Все равно твоя сестра не поймет, что она фальшивая.

Глава 25

Еще одна отравленная стрела

1 день каштанового цвета, Риль Суардис

Шуалейда шера Суардис

К завтраку Шу вышла в превосходном настроении. Подумаешь, сестра пришла ее то ли стыдить, то ли увещевать, то ли вовсе травить! Чихать на сестру. Главное, что Дайм здесь, и они совсем-совсем скоро увидятся!

Кроме сестры к ним явились герцог Альгредо и граф Сильво. Правда, Шу не совсем поняла, в каком качестве: подчиненного Альгредо или любовника Ристаны. В любом случае он смотрел на Шу в точности как Ристана – как на кару небесную.

С кары небесной завтрак и начался. Даже был ею предварен.

– Опустим любезности, – с порога начала Ристана, отмахнувшись от пожелавшего ей светлого утра Кая. – И попробуем предотвратить дипломатический скандал. Надеюсь, то, что вы натворили вчера, вы натворили лишь по недомыслию.

Обедая Кая с Зако, обоих Герашанов и Шуалейду с прижавшей уши Морковкой тяжелым взглядом, Ристана прошла к столу и заняла место во главе. На бледные розы с торчащей из них карточкой (автографом Люкреса наружу) она даже бровью не повела. Ваза с ветками груши лишь заинтересовала ее чуть больше – ровно чтобы на мгновение раздуть тонкие ноздри и отвернуться.

Пока все рассаживались, Ристана молча рассматривала Шуалейду – с брезгливой опаской, словно ядовитую сколопендру. Шу ответила ей сияющей улыбкой: плевать, что ты там обо мне думаешь, сестрица, важно совсем не это!

– Альгредо, введите нас в курс дела, – садясь на свое место (и опередив Ристану на полмгновения), велел Каetano.

– Да, объясните моим дорогим родственникам, чем чреваты их выкрутасы, – сверкнула глазами Ристана и жестом велела Сильво налить себе шамьет.

Шу лишь задрала подбородок выше. Выкрутасы, да? То есть ей следовало показаться на глаза Люкресу и толпе шеров в том розовом ужасе, который прислала Ристана? Модель «ворона в кремовом торте»? Что-то сестра преувеличивает скандальность ее опоздания. Сильно преувеличивает.

– Прошу прощения, ваши высочества, но идея с нападением на его высочество Люкреса и светлую шеру Лью была не самой удачной. – Альгредо укоризненно глянул на Шу, а Шу чуть не подавилась: нападение? Какое-такое нападение? – Мне жаль, что информация о его высочестве вас сильно расстроила. Но поднимать умертвие и устраивать такое... Вы понимаете, что сейчас мы все попали в зависимость от полпреда Конвента? А темный шер...

– Ни за что не примет сторону Люкреса. Альгредо, ваши позиционные войны сейчас неуместны, – оборвала его Ристана.

Шу перевела недоуменный взгляд на Бален: она же что-то говорила о ночном упыре! Что за ночной упырь?

Белочка лишь пожала плечами, мол, сейчас все сама услышишь.

– Оставим вопрос доверия темному шеру, – поморщился Альгредо. – Важно, что за нападение на его высочество нам придется дорого заплатить. Слава Двуетиным, его жизни ничто не угрожает...

- И у вас пока есть шанс избежать трибунала, драгоценная моя сестра.

- Какого трибунала? Альгредо, объясните толком, что произошло! - потребовала Шуалейда, напрочь забывшая о завтраке.

- Видите ли, ваше высочество, сегодня ночью кто-то напал на кронпринца в ваших покоях, и если бы не своевременная помощь шерсти Лью и лейтенанта Диена, их высочество могли бы погибнуть.

- Это была не я! - возмутилась Шу, украдкой сожалея, что шера Лью и лейтенант Диен не задержались на час-другой. - Я всю ночь провела здесь, в кабинете.

- Я вам безусловно верю, - кивнул Альгредо, не верящий ей ни на динг. - Однако в ваших покоях была использована некая странная магия, одновременно и темная, и светлая, и еще какая-то неопределимая.

- Моя сестра не покидала этих покоев со вчерашнего обеда, - нахмурился Каетано. - Надеюсь, мое слово еще что-то значит?!

- Конечно же значит, ваше высочество, - без особой уверенности кивнул Альгредо.

- Ни динга против слова кронпринца и его прихвостней, - отрезала Ристана. - Никто, кроме моей слабоумной сестры, не мог поднять опасное умертвие и натравить его на шеру Лью. Невероятная глупость! Мало того, что вы влюбились в того, кому нужна от вас только корона Валанты, вы еще и взревновали, как последняя свинарка! Боги, какой позор! Вам не хватало только устроить публичную драку с дерганьем шерсти Лью за волосы! Право, это даже было бы лучше - все бы увидели, что вы всего лишь глупая девчонка без малейшего представления о приличиях. Но так?! Связать имя Суардисов с некромантией! Напасть на кронпринца!..

- Ваше высочество, прекратите, - попробовал урезонить Ристану Альгредо.

- Прекращать надо было очень давно! Для некоторых монастырь Прядильщиц - самое лучшее место! Единственное, где слабоумная темная колдунья не будет угрожать Валанте! И если в вас осталась хоть капля разума и совести, моя дорогая сестра, вы немедленно туда отправитесь и примете постриг. Немедленно! Пока еще можно хоть как-то спасти...

Шу сама не поняла, что она такое сделала. Кажется, просто очень сильно захотела, чтобы сестра замолчала. И она замолчала. Поперхнулась, закашлялась и схватилась за горло. Граф Сильво тут же бросился к ней, хлопать по спине и отпаивать водой, при этом бросив на Шу полный ненависти взгляд.

- Ваше высочество, - теперь Альгредо укоризненно смотрел на Шу.

А она злилась. Сильно злилась.

- Что наше высочество? Если кто-то подавился собственным ядом, тоже я виновата? В том, что Люкрес - жадный мерзкий лжец - опять я виновата? Да уж поверьте, если бы на него напала я, ширхаба с два он смог бы пожаловаться!

- Bravo! - ее прервали аплодисменты Каетано. - Брависсимо! Альгредо, неужели вы не видите...

- Что вы ведете себя, как дети? Еще как вижу. Энрике, вы можете поклясться перед ликом Двуетиных, что ее высочество Шуалейда не покидала этой ночью покоев его высочества Каетано?

- Разумеется, - кивнул Энрике. - И предоставить запись Ока Рахмана. Ее высочество весь вечер провели в кабинете с книгами, даже ужинали там. И там же спали. Можете сами проверить окна, они запечатаны так, что ее высочество даже не слышали серенады.

- Ты ничего не потеряла, - улыбнулся ей Каетано. - Ужасная сопливая серенада. И петь кронпринц не умеет.

- Зато умеет быстро бегать и громко орать, - невозмутимо продолжил за ним Энрике. - И

предъявить ему нечего, он сам вчера подписал отказ от претензий.

– Какой еще отказ от претензий?.. – растерялся Альгредо.

– Официальный. Вчера в Риль Суардисе открылась магическая аномалия пятого уровня, МБ в таких случаях настоятельно рекомендует всему гражданскому населению покинуть опасную зону. Полпред Конвента принес их императорскому высочеству циркуляр и проинформировал о необходимости эвакуации. Под роспись.

– Вы... какую еще зону?.. Какому еще гражданскому населению?.. – прошептала Ристана, одной рукой держась за горло, а второй делая повелительный жест графу Сильво: убрать стакан с водой и отойти.

– Аномальную, – терпеливо повторил Энрике. – Вас полпред еще не предупреждал? Сильво, раз вы отвечаете за безопасность ее высочества, вам следует немедленно ознакомиться с циркуляром. Наверняка вы просто его еще не видели.

И в доказательство своих слов Энрике вынул из воздуха переливающуюся всеми цветами радуги стопку бумаг и отправил каждому по экземпляру. Перед Шуалейдой тоже зависли два листа, украшенные печатями и витиеватыми подписями Светлейшего и Темнейшего. Но привлекли ее внимание не печати и подписи, а запах. Отчетливый запах моря и сосен, пробивающийся сквозь казенные чернила и архивную пыль.

Просмотрев бумаги, Шу невольно восхитилась. Вот это формулировки! А как ловко в них вплетены ментальные нити! Почти незаметно, но после прочтения бумаги остается стойкое ощущение присутствия чего-то очень важного, сильного и надежного, чего непременно следует слушаться. Вот прямо сейчас встать со стула и с благодарностью конторе, которая нас бережет, покинуть аномальную зону.

Глянув на Ристану, Шу поймала ее мысль: а не уехать ли на неделю-другую в Силенсию, что на побережье? Пока все не успокоится. Но, к сожалению, мысль не задержалась в голове Ристаны дольше секунды.

– Люкрес это подписал? – потребовала ответа Ристана.

– Разумеется. Шер Бастерхази предоставил МБ копии подписанных экземпляров, а оригиналы отправил в Конвент. Как видите, их высочество сами взяли на себя полную ответственность за все, что может с ними произойти в пределах аномальной зоны. Крайне неосмотрительно со стороны их высочества было оставаться в Риль Суардисе, аномальные зоны совершенно непредсказуемы!

– Но почему-то эта аномалия напала на кронпринца и не тронула никого из сотни обитателей Риль Суардиса, – тихо и недоверчиво сказала Ристана, кинув ненавидящий взгляд на Шуалейду.

– Что лишь подтверждает высокий уровень опасности! Полуразумные аномалии, способные поднимать нежить, прежде всего угрожают не местным жителям, а чужакам, и прежде всего – истинным шерам. Поэтому полпред совершенно верно сделал, что предупредил сначала его императорское высочество, как самую значимую и самую подверженную опасности особу.

Шу смотрела на Энрике во все глаза. Как складно врет-то! Да что там врет, Энрике – и говорит доброе слово в адрес шера Бастерхази, которого ненавидит до глубины души? Вот уж точно – аномалия.

А ей надо как можно быстрее выяснить, что же происходит и каким образом в этом замешан светлый шер Дюбрайн... хм... вместе с темным шером Бастерхази? Конечно! Следы светлой и темной магии вместе – это либо сумрачный шер, либо светлый и темный, действующие заодно.

Жаль только, без нее. Шу с удовольствием бы посмотрела, как упырь охотится на кронпринца! И ее симпатии однозначно были бы на стороне упыря!

– Заберите ваши циркуляры, капитан. Я не собираюсь ничего подписывать! – Ристана отодвинула от себя висящие в воздухе бумажки.

– Ну что вы, ваше высочество. Вам и не нужно. Мы все видели, что вы внимательно ознакомились с предостережением и в курсе грозящей вам опасности, – улыбнулся Энрике и быстро глянул вверх, на невесть откуда взявшееся над столом Око Рахмана. – Граф Сильво позаботится, чтобы с вами ничего не случилось. В меру своих способностей, разумеется.

Граф Сильво метнул на Энрике уничтожающий взгляд и процедил что-то на тему дальнейшего обсуждения способностей в более подходящем для этого месте. Наверное, они бы сейчас договорились до дуэли – на что Шу уже надеялась, – но помешала открывшаяся дверь.

– Ваши высочества, прошу прощения. Срочное донесение герцогу Альгредо!

Щелкнув каблуками, адъютант подал Альгредо записку. Тот пробежал ее глазами, хмыкнул и поднял взгляд на Каetano:

– Ваши высочества, прошу меня простить. Их императорское высочество требует меня к себе. Немедленно. Капитан Герашан, дайте мне окристалл с записью. А прекраснейшую Шуалейду я настоятельно прошу не покидать этих покоев до самого бала. Поверьте, это убережет нас всех от множества проблем. А чтобы вы не скучали и лучше понимали обстановку, оставляю это вам.

Откуда у Альгредо взялась еще одна папка – синяя, с королевским гербом и скрещенными пером и мечом, эмблемой службы безопасности, Шу не поняла. И трогать ее не хотела. Простый раз она, прочитав правду о Люкресе, едва не сорвалась. А что будет на этот раз? И правду о ком предлагает ей узнать Альгредо?

Задать ему вопрос Шу не успела. Забрав у Энрике кристалл с записью, герцог Альгредо быстро поклонился всем сразу и умчался гасить дипломатический скандал. А Ристана смерила Шу злорадным взглядом, так и говорящим: добро пожаловать в реальный мир придворных интриг, где нет друзей, а есть лишь временные союзники, и у тех полные шкафы скелетов и запас камней за пазухой.

– Что ж, если вашего ума не хватает, чтобы покинуть Риль Суардис, хотя бы не выходите из комнат, дорогая моя сестра, – с притворной заботой сказала Ристана. – И не забывайте, что сейчас жизнь вашего отца зависит от вашего благоразумия и сдержанности. Если вы поднимете умертвие или устроите бурю прямо на балу, следующее мероприятие будет похоронами.

Выпустив отравленную стрелу, Ристана гордо удалилась, так и не притронувшись к шамьету и жареным куропаткам. Сильво, разумеется – вместе с ней, на прощанье бросив Энрике:

– Завтра утром на плацу.

– Самоубийца, – прокомментировал Кай вслед закрывающейся двери. На оставшуюся на столе папку он старательно не смотрел.

– Не беспокойтесь, ваше высочество, – ухмыльнулся Энрике, тоже принципиально не замечающий папку с очередным подвохом. – Здоровье графа Сильво не пострадает, только гордыня.

Что ж. Тогда и Шу не будет в нее заглядывать. По крайней мере, пока не позавтракает и не успокоится. На этот раз – никаких срывов, истерик и слез. Она знает, что приехала не в родной дом, а в кишасший акулами бассейн, и готова принять правду о ком угодно. Даже если в этой папке собраны материалы на Дайма Дюбрайна – это ничего не изменит в ее отношении к нему. Ни-че-го!

– А теперь, Энрике, расскажи толком, – потребовала Шу, пододвигая к себе ближайшее блюдо с пирожками, – что произошло этой ночью и где полковник Дюбрайн?

– Высокое начальство не изволит докладывать, где проводит время, – пожал плечами Энрике, левитируя ближайшую куропатку на свою тарелку. – А вот сегодня ночью... Видели ли вы когда-нибудь свежего лича, бывшего при жизни истинным шером? Поверьте, зрелище незабываемое. Особенно когда лич голоден, а добыча сопротивляется. Хотя я бы на месте светлой шерсти Лью не пытался на него нападать и

тем более от него бегать. Качественный лич так не ловится.

– А как ловится? – тут же заинтересовался Каetano.

– Надежнее всего – на живца. Вообще свежие личи чем-то похожи на лягушек, реагируют только на подвижную добычу. Право, не понимаю, как шера Лью могла не знать таких элементарных вещей! Разве что перепутала в темноте с обычным упырем...

Энрике не успел объяснить, чем обычный упырь отличается от лича в плане охотничьих привычек, как за окном что-то душераздирающе завывало.

Глава 26

Конспирация как точная наука

1 день Каштанового цвета, Риль Суардис

Роне шер Бастерхази

– Ваше императорское высочество желали меня видеть? – поклонившись мечущемуся по собственной гостиной Люкресу, спросил Роне.

– Мы желаем, чтобы вы наши злоумышленника, который посмел на нас покушаться! Или же вы ответите за это собственной головой, вы меня поняли?

– Вы желаете видеть того, кто подверг опасности бесценную жизнь вашего императорского высочества? – в высшей степени почтительно переспросил Роне.

– Да! Да! Какого шиса вы задаете идиотские вопросы! Мы желаем! Немедленно! Поймайте и...

– Вот он. – Роне поставил перед кронпринцем воздушное зеркало.

На мгновение Люкрес замер, не веря своим глазам – и в наглость какого-то жалкого прислужника.

– Вы... вы... – он чуть не подавился собственной слюной, – как вы смее! Диен! Взять его!

Лейтенант Диен, изображающий торшер рядом с дверьми, не двинулся с места.

– Это приказ, Диен! – Люкрес побагровел, жилы на его шее вздулись. – Взять под стражу!

Голем сделал три неторопливых шага к Роне и так же неторопливо объявил:

– Вы арестованы, темный шер Бастерхази.

– За оскорбление императорской фамилии! – злорадно добавил Люкрес.

– Прошу уточнить, ваше высочество, в чем именно выразилось оскорбление, – ровно сказал Диен.

– Ты... – Кронпринц яростно прищурился на Диена. – Деревяшка шисова! Ты сам видел!

– Прошу прощения, темный шер Бастерхази. В ваших действиях не обнаружено оскорбления императорской семьи. Вы свободны. – Голос Диена остался таким же ровным, но ехидством от него несло на половину лиги. – А вашему высочеству следовало еще вчера вечером покинуть зону магической аномалии.

– Да как вы!.. – вытаращил глаза кронпринц...

Тут где-то неподалеку завывало – и Роне проснулся. В собственной постели. Один. Правда, на всю спальню пахло шамьетом с корицей и сливками, и слышались два тихих голоса.

Открыв глаза, но не подавая виду, что проснулся, Роне наблюдал дивную картину. Полковник Дюблайн в шелковом халате, расположившись с чашкой шамьета в любимом кресле Роне, переговаривался через зеркало с капитаном Герашаном. Пожалуй, эта картина была еще более прекрасной и сказочной, чем прервавшийся на самом интересном месте сон. И видимо, чтобы Роне уж точно мало не показалось, к запаху шамьета примешивался еще один, едва ощутимый – аромат грозы и возбужденной женщины. Как будто Дюблайн прямо здесь, в одной постели со спящим Роне, занимался любовью с Шуалейдой.

На миг прикрыв глаза, Роне присмотрелся к остаточным потокам и восхищенно усмехнулся не то наглости некоторых полковников МБ, не то их мастерству. Ментальный контакт высшего уровня на расстоянии больше сотни локтей считается невозможным. Теоретически. Пауку он удастся и с двух с половиной сотен локтей, а может быть, и больше – у Роне не было шанса проверить. А тут, от башни Рассвета до спящей Шуалейды – минимум две сотни. Что же будет после ритуала единения?

Роне мечтательно улыбнулся, прикидывая новые возможности: послать в Ургаш Паука и Конвент, забрать наконец у прабабки герцогство Бастьер, вплотную заняться исследованиями, да просто вылезти из Валанты, где он заперт уже четырнадцать лет! Простая, но совершенно невозможная мечта – посмотреть мир, не опасаясь Паучьего «к ноге, дубина». А лет через пятьдесят-сто обзавестись детьми, чтоб было кому оставить то же герцогство когда-нибудь потом. Когда самому надоест. Он же совсем немногого хочет, так почему бы Двуетиным не дать ему это небольшое? Самую капельку свободы, безопасности и счастья.

Тем более теперь Роне точно знает, как выглядит счастье. Он понял это вчера. Когда они с Даймом оттащили недоевшего Саламандре лича и заперли в ближайшей кладовке, а потом с чувством не зря прожитого дня отправились спать. Где-то часа в три ночи. Вместе. Так, словно делали это последние сто лет – буднично, привычно и естественно. Просто лечь спать рядом, в одну постель. Не опасаясь удара в спину. Не думая о подвохе. Просто... просто – лечь рядом, шепнуть: «Добрых снов, мой светлый шер», – и услышать то же самое в ответ.

И сейчас, вдыхая запах чужого, но в то же время и его собственного счастья, Роне улыбался. Потому что знал: у него все получится. Обязательно. Он получит и Дайма, и Шуалейду, и Линзу. Совсем скоро.

Капитан Герашан тем временем заканчивал краткий отчет: гвардейцы Люкреса всю ночь шарили по дворцу и парку, ни следа умертвия не нашли, войти в магический слой башни Заката не сумели, патрону пока не докладывали – ибо патрон вчера утомились бояться и изволят почивать. Аномалия тоже пока спит и не в курсе ночных приключений Люкреса.

– Если она будет спрашивать, где я – ты не знаешь, – велел Дайм.

– Разумеется, не знаю, – невиннейшим тоном ответил Герашан. – Совершенно незнакомый интерьер за вашей спиной, шеф. Кстати, шеф, что там с моим следующим званием?

– Не облагтели ли вы в корягу, капитан?

– Никак нет, полковник. Но если не звание, то может быть, отпуск? За последние двенадцать лет.

– Пиши запрос в контору, капитан, – ухмыльнулся Дайм. – Когда там кто-нибудь появится, непременно рассмотрят.

– Я вам уже докладывал, полковник, что мой шеф – тиран и самодур?

– Восемнадцать раз.

– Ну тогда сразу дважды, для ровного счета.

– Дважды тиран и дважды самодур... хм... пора гордиться. Такая репутация у подчиненных дорогого стоит.

– Все трепещут, шеф, и произносят ваше имя с благоговейным придыханием. О! Слышите? Вот так! – Герашан замолк, давая Дюбрайну возможность насладиться воем голодного лича где-то под окнами. В этом вое явственно различалось «Суки! Ненавижу!»

– Хорошо поет, – мечтательно прижмурился Дюбрайн. – Душевно! Гвардия Альгредо тоже ловит беднягу?

– Все утро. Шеф, может, пора поймать кого-нибудь?

– Поймаем, но не так сразу. Держи циркуляр, Суард объявлен зоной магической

опасности четвертого уровня. Гражданскому населению рекомендуется валить к шисам собачьим.

Дюбрайн щелчком пальцев отправил Герашану официальные бумажки, прямо через зеркало. Тот их просмотрел и восхищенно присвистнул.

- Люкрес и Саламандра подписали это?! Как вам удалось, шеф?

- Не мне. Полпреду Конвента. «Четкая координация действий и взаимопомощь между конторами...

- ...заявление о безопасности государства», - процитировал устав Магбезопасности Герашан. - Дивны дела ваши, о Близнецы.

- Работайте, капитан, работайте. Молиться будете потом.

- И спать тоже... - проворчал Герашан под нос.

На что Дюбрайн только ухмыльнулся и погасил зеркало. И без паузы, тем же жестом подвесил перед Роне кружку шамьета со сливками.

- Светлого утра, мой темный шер.

- Мне нравится твой настрой, мой светлый шер, - сев в постели и отпив глоток в меру горячего и в меру сладкого шамьета, отозвался Роне.

- Как ты слышал, ужасную нечисть так и не поймали. Видимо, провалилась в Ургаш.

- Ай-ай-ай! - послышалось тихое, но возмущенное из-под кровати. - Тюф хороший, Тюфа нельзя в Ургаш!

- Обнаглел в корягу, кучка костей, - усмехнулся Роне.

Под кроватью обиженно завозились, но спорить не стали. И вылезать тоже. А за окнами снова завывало, почему-то сразу с двух сторон. Роне вопросительно поднял бровь:

- Шер Кельмах успел размножиться?

- Ну что ты, мой темный шер. Это всего лишь феи-пересмешники. Лич сидит в башне Заката и рассказывает Зефриде, как он был неправ и как сильно раскаивается.

- Ты спрятал его... о добрые боги! - Роне рассмеялся и чуть не пролил остаток шамьета. - Магбезопасность с чувством юмора... с ума сойти...

Дайм только хмыкнул и, прикрыв глаза, отпил еще шамьета. А Роне... он сам не понял, почему в груди защемило и перехватило дыхание. Ничего же не случилось. Ровным счетом ничего. Просто... все было слишком хорошо. Как прекрасный сон. Как сказка.

Мысль о скоротечности сказок Роне отогнал. Дурные предчувствия - вернейший путь к дурным событиям. К Мертвому их. Все будет хорошо. Уже хорошо, прямо сейчас.

Пока Дайм мечтательно жмурился - не столько наслаждаясь шамьетом, сколько вспоминая собственный сон, о чем ясно говорило его возбуждение - Роне выскользнул из постели и, как был обнаженным, приблизился к нему. Опустился на колени у кресла, между ног Дайма. Положил ладони поверх его рук, обнимающих чашку с шамьетом. И шепнул:

- Ты пахнешь Грозой, мой светлый шер.

Вспышка эмоций Дайма на миг ослепила Роне - хрупкое недоверчивое счастье, нежность, потребность защитить свою возлюбленную, восторг, сводящее с ума желание... и крохотный отзвук сомнения: примет ли это все Роне? Не будет ли ему больно?

– Я счастлив твоему счастью, мой свет, – ответил на невысказанный вопрос Роне, пряча подальше обжегший его стыд.

Он так и не сказал Дайму всей правды. В отличие от Дайма – тот не стал ничего скрывать. Доверился Роне. Истинно светлый шер. Проклятье, но не говорить же ему прямо сейчас: я обманул тебя, дружище, я взял ее первым. Испортить Дайму это прекрасное утро было бы как-то уж совсем подло и цинично.

Потом. Он обязательно все расскажет потом. А сейчас...

Сейчас Роне притянул Дайма к себе и прижался щекой к щеке, впитывая окутывающий его запах грозы и шамьета, его такое хрупкое и такое драгоценное доверие. И – отдавая свое. Доверие, понимание, любовь. Свой дар.

Хрупкий, драгоценный миг слияния душ, когда мир рассыпается на осколки и воскресает вновь – один на двоих. Изумительно цельным, ярким и правильным. Миром, где свет и тьма – лишь две стороны одной любви. Миром, где прохладная, нежная гроза обнимает их обоих, щекочет ноздри запахом свежести и весны, ласкает дождевыми струями, растворяет их в себе – и сама впитывается в них обоих, и капли шепчут: «Я люблю тебя, Дайм, мой Дайм...»

«Я люблю тебя, Дайм. Мой свет», – повторил Роне. Одними губами, потому что горло перехватило от какого-то странного чувства. Может быть – нежности. Может быть – восторга. Может быть – от ощущения яркости и неповторимости именно этого мгновения. Или просто от счастья жить, по-настоящему жить, только здесь и сейчас, без прошлого и будущего – ослепительно прекрасным настоящим моментом...

Сколько длился этот момент, Роне понятия не имел. Он не задумывался о таких странных и далеких материях, как время. Ему достаточно было обнимать Дайма, защищать и изучать его – потоками одной на двоих магии. Без слов, но идеально понимая друг друга. Просто даря этот миг ослепительной радости бытия друг другу.

«Я дарю тебе мое сердце, мою жизнь и драконью кровь в моих жилах», – звучали слова Единения в каждом касании магических потоков, в каждом вдохе, в каждом биении пульса, одного на двоих. И Роне был уверен: Двуетьные слышат. Они здесь, со своими детьми, плотью от плоти своей, кровью от крови. И если сейчас сказать эти слова вслух – Дайм повторит, не сомневаясь ни мгновения.

Роне почти сказал. Почти успел. Не забыв ни о Шуалейде, ни о Линзе. Нет. Просто нужно было – сейчас, вдвоем. И будь что будет.

– Дайм, я... дарю тебе... – начал Роне, и тут в дверь башни Рассвета ударила чья-то тяжелая рука.

– Именем императора! – прогрехотал магически усиленный голос голема.

В башне Рассвета лейтенант Диен не нашел ничего – и, главное, никого! – постороннего или подозрительного, если не считать полирующего колбы в лаборатории Эйты. Даже сам Роне толком не понял, как Дюбрайн умудрился исчезнуть сам и убрать все следы своего присутствия, а заодно припрятать гоблинского шамана. Конечно, если бы не исчез и не припрятал, вдвоем они бы и лейтенанта Диена уж как-нибудь обезвредили. Ради Дайма Роне готов был на открытый конфликт с императором, Конвентом и самим Мертвым. Но – повезло.

Пока же он, тщательно пряча ярость, под конвоем голема подходил к покоям его императорского высочества – и слушал доносящиеся из-за двери голоса Люкреса и герцога Альгрето. Саламандры слышно не было, но наверняка она присутствовала. И наверняка была жива и здорова, несмотря на то, что ночью ее едва не сожрали. Помешал все тот же лейтенант Диен, будь он проклят. И будь проклят император, пославший с сыном самого надежного из всех возможных охранников.

В гостиную Роне практически втолкнули. Видимо, в инструкции голема не было пункта «вежливость». Что ж. Счет к императорской семейке всего лишь вырос еще немного.

Совсем немного, если сравнивать с тем, что сделал Роланд Святой: вырезал весь род Бастерхази, кроме прабабки Магды, вычеркнул герцогов Бастерхази из геральдических книг и попытался отобрать и сами земли. Бастьер остался в роду только благодаря оберегающим границы химерам и древним кровным узам, закрывшим герцогство от чужаков.

Сцена из сна повторилась почти в точности. Разве что Люкрес не метался по гостиной, а торчал в кресле, безобразно похожем на трон, и метал гневные взгляды в Альгредо. Тот стоял в трех шагах от возвышения, с непокрытой головой, гордо расправленными плечами и каменным равнодушием на физиономии.

За креслом Люкреса, как и опасался Роне, торчала Саламандра. Живая, Мертвый ее задери, здоровая и полная ненависти. Наверняка опустошила десяток накопителей, чтобы восстановиться так быстро и подлатать обманку и манок на своем патроне.

– Светлого дня, ваше императорское высочество.

Роне поклонился принцу в точном соответствии с этикетом, ни на волос ниже. Саламандре же он лучезарно улыбнулся, словно давно не виденной обожаемой сестренке. Ее слегка перекосило – а значит, ментальная защита восстановилась не полностью, хоть какая-то радость.

Люкрес же сделал вид, что не увидел Роне, и продолжил распекать Альгредо, словно провинившегося пажа. Впрочем, ничего кроме «так точно, ваше высочество», «никак нет, ваше высочество» и «необходимые меры принимаются, ваше высочество» Люкрес от него не услышал. Да и маринование Роне в собственном соку лишь дало ему несколько минут для оценки ситуации и прощупывания состояния кронпринца и Саламандры. Отвратительно здорового состояния.

Наконец, разозлившись еще больше на непрошибаемого Альгредо – с герцогом он не мог сделать ровным счетом ничего, не поправ суверенитета Валанты, – Люкрес переключился на Роне. Не отпустив Альгредо, разумеется.

– Я желаю видеть эту тварь немедленно, шер Бастерхази. Это ваш единственный шанс дожить до разбирательства в Конвенте, – внешне спокойно, но кипя от бессильной ярости, заявил кронпринц.

– Конвент услышал ваше императорское высочество, – ответил Роне стандартной формулой: что-то ему подсказывало, что убить его здесь и сейчас кронпринц не решится (и не сможет), а все прочее он уж как-нибудь переживет.

Люкрес выверился окончательно, побагровел и вцепился в подлокотники кресла.

– Вы – не Конвент, шер Бастерхази. Вы – темный отщепенец, пятно на репутации империи, и ваша служба закончится сегодня же. Апартаменты в подвалах Магбезопасности давно ждут вас.

– Я отвечу перед Конвентом и Двуетиными за все, что сделал, ваше императорское высочество, – склонил голову Роне, перед этим поймав торжествующий взгляд Саламандры. Ну кто бы сомневался, что прелестная сколопендра поделилась с кронпринцем своим ядом! Да и Мертвый с ней, она не помешает только что оформившемуся плану. – А пока продолжу исполнять свой долг перед империей.

Смирение в его позе и голосе должно было выглядеть и ощущаться искренним, не зря ж он полвека тренировал навык. Да и Саламандра с Люкресом – не Паук, отобрать их ярость и ненависть куда как проще. Вкусные, полезные ярость с ненавистью. Конечно, совсем не то, что Роне только что получил от Дайма... шис... не думать о Дайме, а то в его печаль и смирение никто не поверит. Не бывает печали и смирения с такой довольной и сытой мордой.

Роне еще ниже склонил голову и дополнительно укрепил образ маленького, бедненького, насмерть перепуганного придурка. Главное, не переиграть, а то Альгредо уже недоверчиво на него косится...

– Вы допустили, что наша августейшая особа подверглась опасности, – с уже меньшим накалом продолжил Люкрес.

А герцог Альгредо выдохнул и снова сделал каменное лицо настоящего служки. Шис. Плохо, что до него дошло, насколько хорошо Роне умеет притворяться и манипулировать чужими эмоциями, но с этой досадной шероховатостью можно будет разобраться потом. Лишь бы не дошло до Люкреса, что его ментальные амулеты и поставленная Саламандрой защита не так надежны, как ему обещали.

– Не по моей вине, ваше высочество. – Роне подпустил в голос самую капельку страха, так, на грани восприятия. В большее Саламандра не поверит. И слегка повысил темп речи, чтобы казалось: он торопится оправдаться. – Магическая аномалия... за четыре часа... – он нервно сглотнул, – до прибытия вашего высочества. Никто бы не смог ее остановить.

Люкрес слушал его, наслаждаясь отзвуками страха – и Роне слегка усилил его удовольствие и добавил еще немного столь желанных кронпринцем эмоций. Пусть порадуется, Роне не жалко. Главное – слушает, успокаивается и уже не так сильно хочет убить и Роне, и Альгредо на месте. Куда больше ему хочется осознавать свое величие, презирать пресмыкающихся у его ног червей и наслаждаться всемогуществом. Еще бы оба, Роне и Альгредо, упали на колени, и Люкрес бы оргазм словил.

– Отвратительная халатность, – поморщился Люкрес, что прозвучало как «еще, еще этого сладкого унижения!».

– Простите, ваше императорское высочество! – Роне чуть подался к Люкресу, всей позой и мимикой показывая страстное желание бухнуться на колени и лобызать лакированные туфли их высочества, но при этом страх уронить достоинство Конвента при Альгредо.

Разумеется, Люкрес это прочитал и отреагировал правильно:

– Что вы стоите, как пень? Убирайтесь! – махнул он герцогу Альгредо и перевел взгляд на голема Диена, которому из всех сил желал доказать что-то там о своем величии и могуществе.

Альгредо ретировался немедленно, оставив Роне простор для маневра: почему-то ему вдруг стало не плевать, что Альгредо увидит его унижение, и главное – что может рассказать Дайму. Странно и нелогично, ведь Дайм видел подобный балаган на заседаниях Конвента раз сто, не меньше, и как Паук обзывает Роне дубиной и лупит тростью – тоже видел, даже шрамы лечил.

Проклятье. Не вспоминать об этом! Не нарушать концентрацию! Замереть, еще немного поникнуть плечами, сжаться, словно в предчувствии удара. Поймать удовлетворение реципиента, укрепить эмоциональную связь. Да. Отлично. Ноздри Люкреса трепещут, во взоре надменное превосходство. Он готов внимать извинениям и восхвалениям.

А вот Диен не впечатлился показным страхом и смирением темного шера, так и продолжал торчать равнодушным столбом. И Мертвый с ним, лишь бы не вмешивался. Зато впечатлилась Саламандра, чего Роне даже и не ожидал. Она с нескрываемым наслаждением приняла к щедро выплескиваемому Роне страху за собственную кожу и прочим, не менее аппетитным ингредиентам отравы. Отличной, испытанной отравы. Между прочим, без малейшей примеси прямого ментального воздействия.

Пользуясь поводом – реплику «убирайся» по-настоящему испуганный человек непременно бы отнес на свой счет, – Роне отступил к двери, натягивая эмоциональную нить. И с чувством глубокого удовлетворения услышал:

– Бастерхази! – в смысле – куда же вы, пресмыкайтесь дальше, мне мало!

– Ваше императорское высочество... – с почтительной дрожью в голосе подал голос Роне и посмотрел на Люкреса, словно на Хисса Карающего, с ужасом и благоговением.

Переиграл? Да ни шиса! Плевать Люкресу на достоверность балагана, ему сейчас надо эмоций, эмоций и еще эмоций. Если б не Саламандра и Диен, можно было бы брать тепленьким и вить веревки.

Люкрес отреагировал на его реплику молчаливым похлопыванием ладони по подлокотнику кресла, вариация команды «к ноге». И Роне послушался с должной долей опаски и восторга. А тошноту от происходящего постарался запихать в самый дальний

угол сознания и никогда, ни за что не показывать этого момента ни Дайму, ни Шуалейде.

– Ваше великодушное высочество... – приблизившись к «трону» на пару шагов, Роне вытянул остатки августейшего гнева и опустил-таки на одно колено, чем вызвал вздох неподдельного наслаждения у Люкреса. – Моя вина, я не сумел предотвратить... но сейчас мой долг – спасти ваше высочество!

– Бастерхази! – прошипела Саламандра, до которой наконец-то дошло, что именно он делает. Но поздно, дорогуша, поздно.

Люкрес жестом велел ей заткнуться, замороженный мнимой покорностью темного шера и отчаянной потребностью узнать какую-нибудь гадость про ближнего своего.

– Прошу, ваше высочество, посмотрите вокруг, ведь вас окружают предатели! – зачастил Роне, одновременно выставляя мощнейший щит против Саламандры: вовремя, она атаковала тут же, не озаботясь возможными пятнами крови и неэстетичным трупом у ног патрона. Но, разумеется, щит из собственной ярости ей пробить не удалось:дохлый номер воевать против себя самой. – Вас не предупредили! Никто, никто не дорожит вашей бесценной жизнью! Они соврали вам, они хотят вашей смерти, ваше милостивое высочество! Вы слишком благородны и добры... прошу, умоляю вас, не позволяйте им... Вам грозит опасность, в любую минуту... они не представляют, что здесь происходит, ваше высочество!..

Где-то за окном особенно громко и матерно завыл лич, ему с трех сторон отозвались феи-пересмешники.

Люкрес, замороженный собственной обидой на весь мир, вздрогнул и подался к Роне, готовый пить и пить желанную отраву. Саламандра, еще не понявшая всю бессмысленность нападения, усилила атаку, лишь напитывая щит – незаметный для Люкреса и Диена ментальный щит высшего уровня.

– Вас обманывают, вами манипулируют, от вас ей нужна лишь корона империи. Не верьте никому, особенно ей, мой светлый принц!

– Кому ей?.. – с горящими глазами спросил Люкрес.

И тут Роне изменил структуру щита, так что направленная на него атака частично отрикошетила в Люкреса. А невинную жертву и пламенного защитника в лице самого Роне подняло в воздух, закружило и вышвырнуло в окно – разумеется, с грохотом и фейерверком.

Звенело осыпающееся стекло. Были активированные амулеты защиты кронпринца. Сам кронпринц матерился. Панически топали сбегающие на шум гвардейцы. Саламандра испуганно визжала, как какая-то простолюдинка.

– Вы арестованы за нападение на августейшую особу, – поверх всего этого бедлама раздался равнодушный голос лейтенанта Диена.

О «невинной жертве и пламенном защитнике престола» все, разумеется, забыли. И его довольной улыбки, разумеется, не видели. Ибо воистину добрые дела творятся в тишине и без надежды на благодарность потомков.

До земли стратегически отступивший в окно Роне не долетел, переместился напрямиком на крышу башни Рассвета. Еще не хватало, чтобы всполошившиеся гвардейцы попытались его задержать. Нет уж. Его роль сыграна, клин между Люкресом и Саламандрой вбит. Конечно, если бы лейтенант Диен убил ее на месте, Роне бы аплодировал себе стоя, но и так неплохо. Саламандра наверняка выкрутится, менталистка она или где, но вот Люкрес станет шарахаться от каждой тени, они оба наделают ошибок – и Роне останется лишь собрать урожай. Как истинно темному шеру.

Хм. Может быть, и стоит рассказать обо всем Дайму. Не то чтобы в надежде на благодарность потомков, нет, все куда скромнее. Вдруг, когда Роне надоест быть полпредом в Валанте, для него найдется должность в Магбезопасности? Кажется, у него неплохо получается в плане охраны безопасности империи. Ведь его главная цель – чтобы их императорское высочество вернулись домой целыми и невредимыми. И, что

немаловажно, неженатыми.

Глава 27

Об уважении к закону, протоколе и балконе

1 день Каштанового цвета, Риль Суардис

Дайм шер Дюбрайн

Зеркало связи зазвенело через полчаса после того, как Дайм сбежал из башни Рассвета в свои покои, прихватив перепуганную гоблинскую нежить, и через пять минут после того, как Роне туда вернулся. Целый, невредимый и довольный по самые уши.

Разумеется, на вызов Дайм не ответил. Если его хочет видеть Светлейший – активация связи не требуется, Светлейший сам все прекрасно сделает. Роне может его позвать и безо всякого зеркала. А для всех остальных его нет дома.

– Полковник Дюбрайн не может выйти на связь по причине нахождения на секретной операции. Оставьте ваше сообщение, полковник Дюбрайн свяжется с вами при первой же возможности, – механическим голосом заявил привязанный к зеркалу джинн, и душераздирающе заскрипел, подавая сигнал к началу голосовой записи.

– Шеф, катастрофа! – послышался из мерцающего мутного стекла трагический голос капитана Герашана. – Все пропало, шеф!

– Что ты несешь, идиот? – раздался сердитый голос Люкреса. – Убирайся от зеркала... где связь?! Что это за шисов дысс?!

– Новейшее изобретение гномов, вашимпер-раторскосочство, называется автоматический отвечатель, – тоном тупейшего на свете служаки ответил Герашан.

Дайм хмыкнул. Гномов, говоришь? Отличный у тебя навык, капитан, врать и не краснеть. Гномы и магия, ха-ха. На самом деле сажать джиннов в зеркала связи, чтобы принимали первый удар жалобщиков на себя, придумал Светлейший еще лет сто назад. Так и проштрафившиеся джинны при деле, и нервы личного состава МБ целее.

– Автома... Проклятье, мне срочно нужен Дюбрайн!

– Так точно, вашсочство!

– Заткнись, идиот.

– Есть заткнуться, вашсочство!

– Где его носит, когда он мне нужен?!. Что ты таращишься, отвечай!

– Никак не могу отвечать, вашсочство! Приказано заткнуться!

– Приказываю: вызови Дюбрайна сюда. Немедленно! Головой отвечаешь, идиот.

– Так точно, вашсочство! Есть вызвать полковника Дюбрайна! Позвольте исполнять?

– Исполняй.

Представив, какую презрительную и страдальческую мину скроил августейший брат, Дайм расплылся в улыбке. И мысленно пообещал выдать капитану премию, раз уж отпуск ему в ближайшие годы не светит.

– Все пропало, шеф, катастрофа! – начал сначала свой трагический монолог Герашан. Где-то на заднем плане прошипел что-то матерное о тупых солдафонах Люкрес. – Аномалия разбушевалась! Мы без вас не справимся, спасите-помогите, шеф!..

– Заткнись! – снова оборвал капитана Люкрес и, судя по звукам, оттолкнул его от

зеркала. – Дюбрайн, ты нужен здесь сегодня же. В твоих интересах поторопиться, пока Аномалия не разнесла весь Суард.

На мгновение повисла пауза: до Люкреса дошло, что запись все еще продолжается, а как ее остановить, он не знает.

– Капитан!

– Слушаю, вашсочство!

– Отключи это... этот... автомат.

– Есть отключить это, вашсочство! Конец связи, полковник! – оттарабанил Герашан, и на зеркале проступила руна скрытной односторонней связи, нарисованная капитанским пальцем.

Дайм заржал, как полковая лошадь. Ну, капитан! Наглый – в корягу! На глазах у Люкреса поставить прослушивание в его покоях! И ведь пока Саламандра не попробует с кем-нибудь связаться через это зеркало, ничего не заметит.

Что ж, прослушивание покоев Люкреса – это прекрасно. Но что такое натворил темный шер Бастерхази, что Люкреса одолела паника? К сожалению, наблюдать за разговором Люкреса и Роне было невозможно. Перед тем как заселить Люкреса в покои, Саламандра тщательно вычистила все «глаза» и «уши», до того тщательно попрытанные по углам и МБ, и Конвентом, и внутренней СБ Валанты. Единственное, что Дайм мог видеть – это всплеск магической активности, больше всего похожий на светлую атакующую связку, и забежавшую гвардию кронпринца. Ну, по крайней мере, Роне удалось отвертеться, а у Дайма появился официальный повод появиться в Суарде.

– Благодарю тебя, мой темный шер, – вслух сказал Дайм.

– Для тебя – все что угодно, мой светлый шер, – не то слышался, не то почудился полный отзвуков пламени голос.

– Хиссов ты сын, – уже привычно восхитился Дайм и активировал свежееустановленную прослушку.

Вдруг Люкрес и Саламандра окажутся наивными идиотами и начнут обсуждать свои коварные планы прямо перед зеркалом в гостиной? Как в дешевом бульварном романчике, выложат ему все на блюдецке.

Но, увы, коварные планы никто не обсуждал. Единственное, что услышал Дайм – это горестные вскрипы Саламандры и сбивчивое «это совсем не то, что ты подумал», и прочие вариации на тему «прости, люблю тебя, всегда тебе верна, а виноват темный шер и только темный шер, воплощение зла и коварства!».

Насчет коварства Дайм был совершенно согласен, а вот насчет зла – нет. Некоторые светлые в плане «зла» дадут Роне фору в сто очков.

Разумеется, смотреть на страстное примирение брата с любовницей Дайм не стал. Не потому что Саламандра была нехороша, скорее наоборот. За двадцать лет, прошедшие с ее попытки очаровать Дайма и заполучить титул маркизы Дюбрайн, а там, глядишь, и корону императрицы, она ничуть не изменилась. Разве что ее ненависть к Дайму – он посмел отказать! – расцвела и окрепла. Наверняка еще и потому, что Дайм, исключительно Дайм был виноват в том, что ей приходится изображать любовь и опекать капризное, балованное, хитрожопое и почти бездарное недоразумение по имени Люкрес.

Ну и потому, что Люкрес внешне был слишком похож на Дайма. А видеть себя, занимающегося любовью с Саламандрой, Дайму не хотелось от слова «совсем».

Нет уж. Они с Люкресом поделятся по-братски. Люкресу – Саламандра и все остальные, кого он захочет, а Дайму – Шуалейда. Остальные ему не нужны.

А вот Шуалейда нужна прямо сейчас. Потому что стратегический план меняется. Да просто потому, что ему очень хочется ее увидеть! Убедиться в том, что этот сон

приснился не ему одному. И что она искала его не для того, чтобы убить за наглое ментальное вмешательство, а для чего-то другого.

Правда, оставалась еще одна небольшая проблема. Приказа «не называть своего настоящего имени и хранить тайну братской помощи» император не отменял. Но Шу – умная девочка, она сама назовет его по имени и не станет задавать вопросов, на которые он не сможет ответить.

Шуалейда шера Суардис

– Ну? – в один голос потребовали отчета Шу и Кай.

– Катастрофа, – довольно ответил вернувшийся от кронпринца капитан Герашан.

– Энрике! – Шу от нетерпения притопнула.

На что капитан ухмыльнулся и заявил:

– Их императорское высочество взывали к высшим силам Магбезопасности в лице полковника Дюбрайна. Высшие силы не отозвались, но скоро явятся во всем блеске и великолепии.

– Зачем? У них же... ничего не понимаю! – нахмурилась Шу. – Разве Люкрес не запретил полковнику появляться в Суарде?

– Пытался запретить, – уточнил Энрике. – Но обстоятельства изменились, и теперь их высочеству без МБ совсем никак.

– Давай с начала и по порядку, – велел Кай.

– Ладно. Сначала был упырь, и сдается мне, что не только упырь, а какая-то еще опасная тварь из малоизвестных. О том, что тварь напала на Люкреса и Саламандру, вы уже знаете.

– Знаем, – кивнула Шу.

– За ночь и утро тварь не нашли. Слышите, опять воеет? – заявил Энрике с такой гордостью, словно замогильный вой в парке был его личной заслугой. Впрочем, этому бы Шу ничуть не удивилась. – Их высочество проснулись, услышали упырью серенаду и изволили гневаться. Вызвали Альгрето, потопали ногами, получили обещание сделать все возможное и разозлились еще больше. Вызвали полпреда Конвента... – Энрике загадочно усмехнулся. – А дальше никто ничего не знает, а если и знает – то не говорит. Но через десять минут аудиенции Саламандра напала на кронпринца, шер Бастерхази вылетел в окно и исчез, лейтенант Диен арестовал Саламандру и вызвал Магбезопасность. Но мне расследование не доверили, велели призвать полковника Дюбрайна в Суард. Иначе... – Энрике выразительно провел ладонью по горлу.

– Так его высочество живы и здоровы? – с надеждой на отрицательный ответ спросила Шу.

– Увы... то есть милостью Двуетидных их императорское высочество почти не пострадали.

– Какая до... какое счастье, – пробормотал Кай.

– В самом деле, счастье, – посерьезнел Энрике. – Пока Люкрес жив и относительно здоров, все происходящее в Валанте не слишком волнует императора. Но если кронпринц погибнет, виноваты окажемся мы. А императорский гнев – не то, что нам нужно.

Шу поморщилась, а Кай фыркнул:

- Кто бы сомневался, что пока Люкрес мошенничает, император ничего не замечает. И плевать на законы империи.

- Их высочество уважают закон. Прошу ваши высочества об этом помнить.

- Мы помним, - за себя и брата ответила Шу. - И уважаем - в смысле закон. И надо понимать, полпред Конвента его уважает?

- Несомненно, - с непроницаемым лицом сказал Энрике и едва заметно покосился на так и не прочитанную папку. - Ни одного доказанного нарушения.

Папка - и Бастерхази? Но... зачем Альгредо принес ей дело Бастерхази? Он догадался? Или перестраховывается?..

- И что теперь, Энрике? - спросил Кай, пока Шу убеждала себя, что не стоит прямо сейчас смотреть, что там такое в папке.

- Теперь, ваши высочества, глубоко дышим, не высовываемся из своих покоев и готовимся к балу. Думаю, до бала их императорское высочество будут сильно заняты разбирательством с шерой Лью.

- Ее же арестовали, - нахмурился Кай. - За нападение на члена императорской семьи полагается казнь.

- Поверьте, шера Лью вывернется и обратит все себе на пользу. Уверен, это нападение либо замнут, либо обвинят в нем шера Бастерхази.

Судя по тону Энрике, он очень хотел свидетельствовать против Бастерхази и присутствовать при его казни, но не был уверен, что начальство одобрит инициативу.

- Обвинят и правильно сделают, - вмешалась молчавшая до того Бален. - Бастерхази давно пора укоротить на голову. Устрице понятно, что нападение Саламандры на кронпринца спровоцировал он.

- Это недоказуемо, - с сожалением покачал головой Энрике. - Иначе бы шер Бастерхази уже был закован в кандалы и отправлен в темницу. А то и сразу на плаху, чтобы Темнейший не успел вмешаться.

- Плаха - самое для него место! - отрезала Бален и взяла Шу за руку. - И если кому-то кажется, что темный шер провокацией защищал его интересы - этот кто-то ошибается. Для темного шера важен только он сам, все прочие - материалы, инструменты и корм. Овцы.

- Но я не думала о... - отвела глаза Шу, которую очень согрела мысль о том, что Бастерхази сделал это ради нее.

- Вот и правильно, - хмыкнула Бален. - Ты не думай, ты почитай, что тебе Альгредо принес.

- Белочка! - укоризненно покачал головой Энрике.

- Что Белочка? - Бален уперла руку в бок. - Шу должна знать, что такое шер Бастерхази. Не думаешь же ты, что он не попытается очаровать сумрачную принцессу? Даже странно, что вчера не было букетов, записочек и серенад от него.

Шу залилась жаром, припомнив звездные фиалки и все, что последовало за ними.

А за окном особенно громко и горестно завывало, словно протестуя: а как же я? Чем вам не серенада? И Шу в очередной раз подумала: если она не поднимала никакой нежити - а она не поднимала! - то это мог сделать лишь шер Бастерхази. Больше некромантов в Риль Суардисе нет. Если только не спрятался где-то неучтенный маньяк. Но неучтенный маньяк рядом с шером Бастерхази - это нонсенс. Темный шер не потерпит конкуренции.

Ширхаб подери все эти сложности! Вот почему она не может нравиться кому-то сама по себе, а не как приложение к Валанте, к Линзе или к собственному дару? Не будь она сумрачной колдуньей, ни шер Бастерхази, ни его высочество Люкрес, ни полковник

Дюбрайн и не посмотрели бы на нее второй раз...

Впрочем...

Не будь полковник Дюбрайн светлым шером – она сама бы на него не посмотрела ни одного раза вообще. М-да. Как все сложно-то!

– Все, хватит рефлексировать. – Бален потянула Шу за рукав. – Сегодня твой первый бал, а ты хмуришься, как старая карга. Давай лучше посмотрим протокол сегодняшнего мероприятия, барон Уго принес, пока ты еще спала. И велел выучить наизусть!

– Протокол?.. – недоуменно переспросила Шу.

– Про-то-кол, – злорадно повторила Бален. – Как циркуляр МБ, на трех листах с приложениями!

– С приложениями? О злые боги!

– Учи-учи, твое сумрачное высочество, – едва не показал ей язык Кай. – Двести тридцать две фамилии с титулами, именами, должностями и связями. А нечего было прогуливать геральдику!

– Геральдика... – Шу от ужаса зажмурилась.

– Да ладно, для менталистки запомнить двести тридцать две фамилии – сущий пустяк! – заявила Бален и сунула Шу в руки тонкую папочку, переплетенную в синий сафьян.

Корзинку с солнечными ромашками ей принесли на сто второй фамилии.

– От кого? – настороженно спросила она у капитана Энрике.

С некоторых пор она не слишком-то доверяла даже жемчужному сиянию дара, напивавшего ромашки. Шера Лью – тоже светлая, а с Люкреса станет поручить доставку цветов ей.

– От светлого шера инкогнито.

Разумеется, папка с геральдическими писульками тут же полетела на пол, а Шу подхватила корзинку и сунула нос в ромашки – о боги, как прекрасно они пахли! Солнцем, горьковатой травой и чарующе-сладким нектаром! А еще морем, соснами и самую капельку оружейным маслом...

– Кхм... Кхм!

– А?.. – неохотно вынырнула из грез Шу.

– Там записка, – с едва заметной улыбкой сообщил Энрике.

Записка! От Дайма! Записка!..

«Жду тебя на балконе. Твой с. ш.»

На балконе! Ждет! Ох... Дайм...

Она вылетела из кабинета и промчалась через гостиную, едва заметив, что кто-то чудом успел убраться с ее пути. Кажется, Зако. Неважно. Ничего неважно, кроме того, что Дайм – тут!

Выбежав на балкон, она не успела удивиться – где же он? – как из солнечного света соткался знакомый силуэт, и Шу облегченно уткнулась в обтянутое черным мундиром Магбезопасности плечо. Знакомые сильные руки обняли ее, виска коснулись горячие губы, и тело прошил знакомый разряд чужой боли. Шу тут же его впитала, и следующий – тоже.

Ширхаб, она совсем забыла о проклятии! Когда-нибудь она доберется до того, кто сделал это с Даймом, и этот кто-то пожалеет, что на свет родился, не будь она Суардис!

- Здравствуй, моя Гроза, - нежно шепнули ей на ушко. - Я соскучился по тебе.

От удовольствия Шу прикрыла глаза и так же шепотом ответила:

- Я тоже соскучилась, мой светлый шер. Да-айм... - и, оторвавшись от его плеча, вопросительно заглянула в морские, маняще глубокие глаза. - Дайм?

- Мне нравится, как ты это произносишь, - сказал он, глядя на ее губы, и тут же коснулся верхней пальцем, обвел ее контур.

- А мне нравится звать тебя по имени, Дайм шер Дюбрайн.

Ей хотелось мурлыкать и петь, и летать, и жмуриться от его прикосновений, от его тепла и запаха, от ощущения ласкающих ее потоков света. От уверенности в его любви. Да какая разница, почему Дайм любит ее? Он - любит, и это единственное, что имеет значение.

- Я люблю тебя, Шуалейда шера Суардис, самая прекрасная на свете Аномалия, - низким, бархатным голосом сказал Дайм и поцеловал ее. Бережно. Жадно. Так, словно она была хрупким чудом, готовым в любой момент исчезнуть. - Моя Аномалия.

Шу снова прижалась к нему, уткнулась лицом ему в шею и потерлась всем телом, словно кошка. Ей хотелось сейчас же, немедленно почувствовать его всего, целиком, как ночью. Только наяву. И ему совершенно точно хотелось того же. Она чувствовала это - в его сбившемся дыхании, в крепости его объятий, в ускорившемся биении его пульса. В том, как он просунул колено между ее колен, как притиснул к себе за бедра и голодно потерялся губами о ее губы, как запрокинул ее голову и обжег ее шею цепочкой поцелуев - вниз, к ямочке между ключиц, вдоль самой ключицы...

Она пила его боль, рожденную проклятием. Пряную и горькую, придающую наслаждению еще большую яркость и остроту. Словно каждый поцелуй может стать смертельным ядом. Словно Дайм готов целовать ее, даже если ему придется пить яд из ее губ.

- Дайм, - нетерпеливо застонала она, запуская пальцы в растрепавшиеся каштановые пряди: мягкие, шелковые, почти рыжие на ярком солнце...

И вдруг он отстранился. Словно оторвал ее от себя - с кровью и плотью. Его глаза казались черными из-за расширенных зрачков, хриплое дыхание сбивалось: от боли или от наслаждения? От того и другого сразу? Да какая разница, если она хочет, они оба хотят... Шу потянулась к нему, но Дайм удержал ее на вытянутых руках, словно пойманного дикого зверька.

- Дайм?.. - Шу не поверила, что он это всерьез. Что они не займутся любовью сейчас же, на этом прекрасном удобном балконе, где их все равно никто не увидит. Ведь она забрала его боль, выпила всю, до последней капли! - Дайм, ты не хочешь?..

- Хочу. - Он покачал головой, потянулся к ней, но сам себя остановил; в его глазах читалось что-то похожее на отчаяние. - Ты не представляешь, как сильно хочу... Шу...

- Что, Дайм? Что случилось?

Вместо ответа он ломко улыбнулся - и опустил на колени, уткнулся лицом ей в живот и скользнул ладонями вверх по ее ногам. Шу замерла, так это было... интимно? Близко? Столько нежности и восторга было в его касаниях... В том, как он потянул вниз ее штаны, дурацкие батистовые штаны с кружевами, по самой последней моде...

Шу залилась жаром. Почему сейчас, наяву, когда они оба были одеты - все происходящее казалось ей особенно острым, сладким и неприличным? Наверняка во всем были виноваты эти проклятые белые кружева! Она в них - как ворона в торте...

Додумать про ворону и торт она не смогла, потому что штаны наконец исчезли, а вместо них кожи касались ладони Дайма. Уверенные, чуть шершавые от мозолей ладони

изучали ее бедра, раздвигали их, ласкали – круговыми движениями, не слишком сильно, но и не щекотно, а именно так, чтобы у Шу в глазах темнело от наслаждения. Так, что ей пришлось ухватиться за его плечи – мощные, по-прежнему обтянутые черным полковничьим френчем. И почему-то именно сейчас, когда Дайм стоял перед ней на коленях – она ощутила себя не грозной колдуньей, а маленькой беспомощной девушкой, полностью во власти сильного, уверенного мужчины. Того, кто точно знает, чего хочет – и как сделать ее счастливой. Здесь и сейчас. Надо лишь довериться властным рукам...

– Да-айм, – вырвалось из пересохших губ, когда твердые пальцы проникли между влажных от желания складочек, и обнаженных бедер коснулся прохладный ветерок.

Куда делась ее юбка... нет, все ее платье – она не знала и знать не хотела. Ей нравилось стоять перед ним обнаженной. Перед ним, в его руках. Держаться за рыжеватые шелковые пряди, ощущать себя открытой, уязвимой, и в то же время надежно защищенной. Подставлять низ живота настойчивым мужским губам. Позволять ему развести ее бедра, поставить ногу ему на плечо – и хрипло, длинно стонать от прикосновения его языка к мучительно пульсирующей от нетерпения точке где-то там... там... и его пальцы – там, внутри... О злые боги, как это сладко! Его губы, его дыхание, нежный язык – и жесткие пальцы, растягивающие ее, трогающие изнутри, посылающие по всему телу огненные языки наслаждения, острого, пронзительного, стыдного и такого правильного, словно она создана именно для этого. Создана принадлежать ему и владеть им. Отдаваться и брать. Создана кричать от наслаждения в его руках, растворяться в нем – и парить, ощущая лишь пронизывающие ее потоки света и стихий. Его света и его стихий.

Она вернулась в реальность не сразу. Сначала почему-то запахи и звуки: море, солнце, сосны и цветущий каштан; шелест ветвей, птичьи крики и перекличка гвардейцев в парке; и только потом – щекочущие ее губы каштановые пряди, и ощущение крепких надежных рук, и шероховатость черного сукна под щекой.

На миг она испугалась, что все еще голая – когда он полностью одет, и тут же вспомнила касания его губ там... Ох. Кажется, она хочет еще. И платье на ней – ужасно лишнее. И его мундир лишний. Все лишнее!

Наверное, она бы утянула его на пол, заняться любовью еще раз, но тут в парке снова душераздирающе завывало. Почему-то этот вой напомнил о предстоящем бале и о кронпринце, и о темном шере Бастерхази, и о Линзе... До чего некстати это все!

Дайм хмыкнул и согласно шепнул:

– Ужасно некстати. Но потом у нас будет сколько угодно времени.

Шу залилась жаром. Кажется, она думает слишком громко. И вообще ведет себя ужасно неприлично. Шера Исельда говорила, что вешаться на мужчину – дурной тон. Порядочные девушки так себя не ведут. Но ведь она же – порядочная девушка? Или уже нет?..

– О боги... – Дайм тихо рассмеялся. – Ты такая... моя Гроза...

– Какая такая?

– Самая прекрасная на свете Гроза. Моя сумрачная шера, моя изумительная Аномалия. Мое чудо.

Шу вздохнула: порядочной девушкой ее не назвали. Наверное, это плохо.

– Я веду себя ужасно неприлично, – горестно шепнула она прямо в растрепанные каштановые пряди, пахнущие морем и соснами.

– И мне это ужасно нравится, моя неприличная принцесса. – Дайм на миг крепче прижал ее к себе, а в следующую секунду поставил на ноги. Не выпуская из объятий. – Упаси Двуетидные тебе стать приличной и порядочной девушкой.

– Почему?

– Потому что это будешь уже не ты, – улыбнулся Дайм, отводя от ее лица выбившийся из

утренней косы локон. И добавил куда серьезнее: – Не стоит путать правила для истинных шервов и бездарных людей. Тем более – правила для августейших особ и простолюдинов. Тебе можно то, что нельзя какой-нибудь горожанке, но с тебя и спросится не как с горожанки.

Шу только вздохнула и прислонилась щекой к его плечу.

– Что мне делать, Дайм? Твой брат, он... я не понимаю, что он делает. Или не он, а Саламандра. Ты же поможешь мне?

– Конечно. Не стану врать, что будет просто, но вместе мы справимся.

– Мне нравится, как это звучит – вместе. Я... ну... это ужасно, что я вот так...

– Искренна и непосредственна? – Он погладил ее по щеке и заглянул в глаза. – Это прекрасно, но только не с моим братом.

Шу поморщилась.

– Он притворяется тобой! Это глупо. Если бы я вышла за него замуж, я бы все равно узнала об обмане.

– Думаю, у него на этот случай есть какой-то план. И мне даже думать не хочется о том, какую именно гадость он для тебя приготовил.

– В смысле гадость? – вскинулась Шу.

– В смысле он хорошо подготовился к сватовству. Фальшивая аура и манок – определенно не все. Это все годится для очарования будущей невесты, но не для удержания под контролем жены.

Шу поежилась от пронзившего ее ледяного страха. Жена под контролем? Она – под контролем? Какая мерзость! И как это похоже на ее сон о рождении Каетано... о нет, она не будет вспоминать тот ужас, ни за что!

– Это незаконно, – почему-то хрипло сказала она и теснее прижалась к Дайму.

– И аморально, но когда это останавливало его императорское высочество? Так что я думаю, для тебя подготовлен управляющий артефакт. Возможно, целый комплекс заклятий, который можно активировать одновременно. Логичнее всего именно артефакт. Он что-нибудь тебе дарил?

– Цветы, – хмуро передернула плечами Шу.

– Цветы не годятся для этой цели. Скорее он подарит тебе украшение. Не дотрагивайся до него даже в перчатках. Даже щипцами не дотрагивайся! Артефакт должен быть настроен лично на тебя, иначе велик риск промахнуться и получить... ну, допустим, покорную Бален и очень злую тебя.

– Я уже очень злая, – обиженно буркнула Шу.

Думать о том, что «жених» хотел сделать с ней то же самое, что когда-то охотники за «лесными духами» проделали с Бален, было отвратительно до тошноты.

– Только не показывай своей злости Люкресу, прошу тебя. Притворись, что ты влюблена в него и не догадываешься об обмане. Как будто ты под очарованием.

– Зачем? Не лучше ли просто отказать ему прямо на балу, и пусть катится обратно в Метрополию? Не хочу видеть его в Суарде ни единой минуты!

– Затем, что мы не знаем точно, что еще есть в его арсенале. Если ты уже очарована, ему нет резона рисковать и применять что-то еще более опасное. Конечно, даже если шер Бастерхази заметит чары, Люкрес сумеет выкрутиться, но лишние проблемы ему ни к чему.

– Ну и пусть применяет! Чихать мне на его фокусы! – насупилась Шу.

- Даже если они заденут тех, кто тебе дорог? К примеру, твоего отца.

- Я ненавижу Люкреса, - зажмурившись, прошептала Шу. - Хиссов сын. Это из-за него на тебе проклятие?

- Люкрес не проклинал меня, - поморщился Дайм. - Не спрашивай, пожалуйста. Просто сегодня сделай вид, что ты очарована им до полной потери критического мышления. Мышления вообще.

- Безмозглая влюбленная овца?

- Именно. Похлопай глазами и скажи что-то вроде: «Ой, как полковник похож на вас, мой светлый принц! Но и вполтину не так хорош!»

- Ой, как мне хочется утопить вас в ближайшем болоте, мой светлый принц! Но жабы и вполтину не так отвратительны, как вы! - жеманно пропищала Шу и похлопала глазками, как дочери графа Ландеха.

- М-да. Я бы на месте Люкреса удирал не оглядываясь.

Шу тяжело вздохнула.

- Я постараюсь. Правда, очень постараюсь.

- Просто помни, от твоей убедительности зависит очень многое. И помни: что бы я ни говорил при Люкресе, как бы ни вел себя на балу - я люблю тебя. Мне не нужна никакая другая женщина. Никогда.

- Я верю тебе, Дайм Дюбрайн.

Глава 28

Весенний бал

1 день каштанового цвета

Шуалейда шера Суардис

Начало столь ожидаемого бала прошло для Шу как во сне. Наверное, потому что думала она совсем не о том, что происходит вокруг, а о Дайме Дюбрайне и об оставленной Альгредо папке – ее Шу принципиально не открывала.

До бала она пыталась читать книги о Линзах, обсуждать с Каetano стратегию поведения с Люкресом, что-то отвечать мадам Антуанетте на тему нового платья и дальнейших заказов. Она даже обедала. Кажется. А сейчас она смотрела на своего пока-еще-не-жениха Люкреса, входящего в бальный зал на целых пять минут позже короля Валанты, и не чувствовала ровным счетом ничего.

Ни ненависти.

Ни обиды.

Ни даже неприязни.

Ни-че-го.

И это было крайне странно. Ведь он приехал в Суард, чтобы обмануть ее саму, убить ее семью и забрать Валанту себе. А может быть, Валанту и Линзу. К тому же его снова сопровождает любовница – прекрасная огненная шера, рядом с которой Шу в любом самом модном и изысканном платье будет выглядеть неуклюжей цаплей.

А чихать. Хоть сто любовниц. Хоть тысяча планов. Его очарование больше не действует на Шу, его фальшивая аура больше не делает его похожим на Дайма. Люкрес – неинтересен. Как неинтересны одаренные и не очень шеры, жадно разглядывающие настоящего наследника империи и его будущую супругу. Как смешна их уверенность в том, что Шуалейда радостно согласится на этот брак!..

Но где же Дайм?! Он обещал быть на балу – но его нет. Шу обязательно бы его заметила. Не смогла не заметить. Он же такой, такой...

Ее окатило жаром, внизу живота потяжелело и затрепетало, и наверняка вид сделался донельзя дурацкий.

Очень кстати. Пусть Люкрес думает, что она так улыбается ему. И плевать, что сопровождающая его Саламандра над ней смеется, а все семейство Суардис глядит на нее, как на предательницу. Дайм просил никого не предупреждать об ее игре, потому что Саламандра сильная менталистка, а Кай не очень-то умеет притворяться.

Злость и недоумение брата, а заодно и обоих Герашанов, и Зако, и Ристаны с ее прихвостнями Шуалейда ощущала всей кожей, и это было крайне неприятно. Но она должна сыграть свою роль до конца. Поэтому, едва их императорское высочество склонил голову перед королем Тодором, Шу шагнула вперед, словно в нетерпении. Поперек этикета? Отлично, пусть Люкрес считает ее глупой и невоспитанной. Чем глупее, тем лучше.

Изображать влюбленную овцу было мерзко и отвратительно, но Шу следовала совету Дайма: все отрицательные эмоции тут же преобразовывать в энергию и вливать в скрытый ментальный щит. Этому скрытому щиту ее тоже научил Дайм. Оказалось довольно просто, если понимать, как это работает и зачем нужно. Так что Саламандре и Люкресу сейчас должно казаться, что ее единственная защита сейчас – это связка амулетов, которые она даже подпитывать не умеет. А на самом деле... о, когда Дайм

показал ей двойное обманное плетение, Шу пришла в полный восторг! Теперь и она сможет прятать свою силу не только под сплошной пеленой невидимости, вместе с самой собой, но и так же, как он. Оставляя снаружи лишь часть, остальное замыкать в самоподдерживающийся контур, он же щит.

Кажется, она слишком углубилась в проверку собственных стихийных потоков и пропустила, что там сказал ей Люкрес. И ладно. Овца она или где?

Наивно похлопав ресницами, Шу смущенно улыбнулась и прошептала:

– Мой светлый принц...

Аура Люкреса на мгновение полыхнула чем-то похожим на удовольствие. Или самодовольство, без разницы. И он продолжил:

– Прекраснее всех столичных красавиц. Дивный экзотический цветок посреди пустыни...

Шу не особо вслушивалась в расточаемые им комплименты, но не забывала ахать, смущаться и повторять, как заведенная:

– О, мой светлый принц...

Ужасно глупо. У нее в голове не укладывалось, как кронпринц – с его опытом, в его возрасте! – может верить вот этой хлопающей глазками кукле. Но он верил! В самом деле верил! И ему нравилась ее наивность и восторженность, да что там, она ощущала, как он поглощает ее влюбленные взгляды и смущенные охи, как изысканный деликатес.

Ей даже подумалось: может быть, он именно таким образом рассчитывает усиливать свой дар? За счет ее любви? Надо будет потом спросить у Дайма. А пока – пока она делала все, чтобы кронпринц ощутил всю сладость победы. Танцевала с ним, открывая бал, смотрела ему в рот и восхищалась каждым его словом, безусловно верила его заверениям в том, что светлая шера Лью – всего лишь состоит у него на службе и нужна ему исключительно в силу высокого положения. Неприлично кронпринцу не иметь охрану хотя бы второй категории.

– Шера Лью, наверное, очень опытная? – широко раскрыв честные-честные глаза, спросила Шу. – Правда, что она училась у самой магистры Пламя целых семьдесят лет? Ох, как бы я хотела тоже учиться в Магадемии!

– Вам это совершенно ни к чему, моя прелесть. Все эти скучные науки не нужны будущей императрице.

– Но как же? А... я же должна быть достойна вас, мой светлый принц! Вы так умны и сильны... – Шу добавила в голос придыхания, а для пущей убедительности в эмоциях вспомнила первую встречу с Даймом и шером Бастерхази. – Вы так светитесь, почти как солнце!

Она на миг замерла, предчувствуя, как Люкрес поморщится или засмеется: ваше сумрачное высочество переигрывает. Но не тут-то было! Как и предсказал Дайм, кронпринц засветился еще ярче и... о боги! Он даже бросил косой взгляд в ближайшее зеркало! И ему явно понравилось то, что он там увидел. Он даже снисходительно улыбнулся Шуалейде и сделал ей комплимент:

– У вас прекрасный вкус, моя дорогая. Это так мило, украсить прическу ромашками и фиалками.

Прозвучало это как «милая скромная провинция», и плевать, что позволить себе звездные фиалки и солнечные ромашки могут лишь истинные шеры не ниже второй категории, к тому же бессовестно богатые и везучие. Ведь эти цветы растут лишь там, где живут зеленые ире, а чтобы они, сорванные, не завяли, им требуется очень много магии. Звездным фиалкам – темной, а солнечным ромашкам – светлой.

Впрочем, еще это прозвучало как «милая, щедро одаренная дурочка, мне пригодится твоя сила».

– Ох, вы так добры, мой светлый принц! – Шу вполне естественно зарделась и

потупилась. Даже повела плечиком, этак кокетливо. – Если вы пожелаете, я покажу вам, где растут звездные фиалки.

– Вы зовете меня в Даилла Сейе? – тут же сделал охотничью стойку Люкрес.

Еще бы не сделал. Истинный Лес, суверенное государство зеленых ире, лишь одно на всю Твердь, и располагается оно на территории Валанты. И союзный договор зеленые подписали не с империей, а с Валантой. Эстебано Кровавый Кулак Суардис заботился о благополучии своей семьи и страны, а не какой-то там абстрактной империи. Так что входить в Даилла Сейе сами Брайноны не могут, как и торговать с ире. Только через Суардисов.

Но Шуалейда опустила Люкреса с небес на землю:

– В Фельта Сейе, мой светлый принц. Ведь у вас в Метрополии тоже есть Лес Фей, правда же? Наверняка наш меньше и не так красив... – Она же наивная дуручка и не знает ни истории, ни географии, не так ли? И даже не подозревает, что Лес Фей такой один, личный подарок Первого Ире семье Суардис. – Но... там живут настоящие феи, они так красиво светятся в темноте! Туда надо идти непременно вечером, когда солнце село. Вам обязательно понравится!

– Хм... так звездные фиалки растут прямо здесь, в Риль Суардисе?

Конечно, растут, иначе где бы темный шер Бастерхази, а потом и Бален Герашан их взяли! Сама Шу, как приехала домой, дальше балкона не высывалась – но об этом она промолчала.

– Там, у реки Циль, прямо под фейскими грушами. Они так пахнут! Почти как... вы... – она взмахнула ресницами и потупилась, чтобы спрятать злой блеск глаз.

О да, фейские груши пахнут божественно. А еще их пыльца – лучшее лекарство от магического истощения и сотни болезней, обязательный ингредиент множества зелий и к тому же сильный наркотик, и плоды циль – самое лучшее и самое дорогое освещение для шерских домов. Сами груши продаются на вес золота, а пыльца – в сто раз дороже. Да что там, подаренный Даймом букет цветущей груши циль стоит дороже породистого скакуна. При том, что Дайму он обошелся в сущую мелочь: сходить в Фельта Сейе, наломать веток и залечить дерево. Залечить дерево – обязательно, иначе бы феи его оттуда не выпустили.

А от Люкреса повеяло такой жадностью, что Шу едва подавила дрожь отвращения. Все же роль очарованной овечки давалась ей очень тяжело, хоть прошло всего с полчаса, она уже мечтала, чтобы кронпринц куда-нибудь провалился. Желательно насовсем.

Ее желание сбылось очень быстро, и помогла ей, кто бы мог подумать, родная сестра. То есть она уже давно прожигала Шуалейду ненавидящим взглядом, а тут наконец-то решилась действовать и подошла. Томно и беззащитно улыбнулась Люкресу и выразила желание познакомиться поближе со своим драгоценным будущим родственником.

К удивлению Шу, Люкрес прямо расцвел.

– О! Прекраснейшая Ристана! Мой возлюбленный брат Дамиен столько рассказывал о вашем уме, превосходящем даже вашу красоту! Для меня честь породниться с древней и славной семьей Суардисов. Хотя... если не ошибаюсь, ваша бабка по матери приходится сестрой...

От его любезности у Шу сводило скулы. И ведь устрице понятно, что Ристана ему даром не нужна и с приплатой не нужна. Так зачем он ее обхаживает? Неужели чтобы потрафить Дайму?.. Наверное. Ведь Люкрес не знает, что Дайму она не нужна.

Долго слушать токование Люкреса Шуалейде не позволили. Рядом с Ристаной возник шер Бастерхази, сверкнул глазами на ночные фиалки в волосах Шу – ее откатило горячей волной желаний пополам со стыдом, ведь желать темного шера, когда она любит светлого – нехорошо и неприлично! Ужасно неприлично!

– Позвольте пригласить вас на эту вельсу, прекраснейшая Гроза, – тихим, проникающим в самые потаенные уголки ее сути голосом сказал Бастерхази и подал ей руку.

Сделав вид, что ей отчаянно не хочется отдаляться от кронпринца больше чем на полшага, Шу все же подала руку темному шеру и позволила увести себя на середину зала. Честно говоря, восхищаться Люкресом, когда ее даже через шелковую перчатку обжигала рука шера Бастерхази, было ужасно трудно.

– Вы великолепны, моя Гроза. Даже я почти поверил, что вы очарованы, – тонко улыбнулся Бастерхази, поднося ее руку к губам. – Я восхищен вашим дипломатическим талантом.

– Благодарю, мой темный шер.

– Роне, прошу вас. – Он обласкал ее и взглядом, и потоками дара. – Вы можете ненадолго расслабиться, долго держать двойное плетение утомительно с непривычки.

– Но... – Шу кинула косой взгляд на Люкреса (в белом и золотом), воркующего с Ристаной (в малиновом и золотом): великолепная пара, аж глазам больно.

– Я подержу щит. Тебе в самом деле надо немного передохнуть и чуть-чуть подправить плетение. Помнится, когда я впервые использовал его, потом свалился с истощением на трое суток.

– Но я не чувствую усталости, – возразила Шу скорее по привычке. Забота Роне была приятна, что бы там ни говорила о нем Бален и что бы там ни содержалось в синей папке. – Вы прекрасно танцуете, мой темный шер.

– Благодарю. Ты и не почувствуешь, пока не упадешь. Дайм отлично научил тебя его плести, но поначалу это не так просто, как кажется. Позволь, я подправлю вот тут. – Один из узлов плетения словно подсветился красным, но Шу все равно не поняла, что именно там не так. Пока Роне не переплел узел заново, убрав лишний поток и сделав контур подпитки намного тоньше. – Увидела? Повтори на симметричном узле.

Шу повторила. Плести двойной щит, одновременно танцуя вельсу и светски улыбаясь, оказалось непросто. Но она справилась. И заслужила горячее:

– Я говорил, что ты – прекраснейшая из всех шер этого мира? Ты так остро и сладко его ненавидишь!

– Я не... это так заметно?

– Не беспокойся, ему – нет. Отдай эту ненависть мне, сегодня твой разум должен быть кристально чист.

Шуaleyда не успела ответить, как в руке темного шера оказался поднос с двумя полными бокалами, а от ее ауры отделился зло мерцающий лиловый поток и с шипением влился в игристое ардо. Вино маняще и опасно мерцало, почти как глаза темного шера. Но этого ему показалось мало. Он провел над бокалами ладонью, осыпая их лиловыми, алыми и черными искрами. Свежо и терпко запахло предгрозовым морем и прогретым на солнце виноградом. Несколько танцующих вокруг них пар среагировали на запах, начали оглядываться – но ничего не увидели, даром что Шу и Роне остановились почти в середине зала, и поток гостей обтекал их, словно море обтекает рифы. А Шу даже не заметила, как темный шер накинул на них пелену отвода глаз!

– Выпей со мной, – Роне протянул ей один из бокалов, – за самую прекрасную в империи принцессу, истинную Грозу.

Краем сознания Шу понимала, что сейчас ее бессовестно очаровывают, но ей так хотелось поддаться! Совсем чуть! Ведь темный шер Бастерхази для нее безопасен. Он – на ее стороне. Или на своей, но против Люкреса и Саламандры? А, какая разница! В любом случае – союзник.

– Благодарю тебя, мой темный шер, – улыбнулась она.

– Учить тебя будет истинным наслаждением. Для нас обоих.

Ее снова обволокло бархатной нежностью его голоса и его обещания. Боги, как же хорошо! Пусть так хорошо будет как можно дольше!

– Мне нравится то, что ты обещаешь, – ответила Шу и отпила невероятно вкусного вина.

Оно пощекотало небо, прокатилось теплом по горлу и тут же разошлось волной искристой, свежей силы по всему телу. Правда, почему-то с явственным оттенком желания. Но... это не колдовство. Потому что темный шер чувствует то же самое. Она точно это знает. Она ощущает его эмоции так глубоко и полно, словно между ними нет никаких ментальных барьеров, словно на них обоих не надето по целой связке амулетов. Словно между ними нет вообще ничего, даже одежды...

Шу залилась жаром вся, от кончиков ушей до кончиков пальцев на ногах. Но не потупилась, а наоборот, шагнула к темному шеру чуть ближе и шепнула:

– Мы все еще танцуем, Роне.

От его улыбки, от его жадного взгляда ее охватила истома, до сумасшествия сладкая, опасная и запретная истома, и подумалось: если они сейчас сбегут с бала – Люкрес заметит? Боги, о чем только она думает!

– Заметит, но не Люкрес, а Саламандра, – шепнул Роне ей на ухо, снова подхватывая ее в очередную фигуру вельсы. – Но плевать на Саламандру и Люкреса. Мы дождемся Дайма.

Дайм. Имя, произнесенное низким, щекочущим самые потаенные уголки ее сути голосом, отозвалось новой волной жаркой неги.

Дайм. Ее светлый шер.

– Наш светлый шер, – поправил ее Роне.

И до Шуалейды внезапно дошло, что именно она видит. Странное. Немыслимое. То, чего не может быть. Конечно, если верить официальной истории и теологии. А если верить своим глазам – то очень даже может. И есть.

Темный шер светился золотым светом истинного благословения. В черной, мерцающей алыми, голубыми и лиловыми всполохами ауре ветвились, оплетали его ажурным коконом золотые нити любви. Настоящей любви. Но не к ней – а к Дайму Дюбрайну.

И почему-то от этого вдруг стало очень грустно и защемило где-то в груди. Странно, нелогично и неразумно. Ведь она тоже не любит Роне Бастерхази, и он никогда не говорил о любви ей. Но... словно у нее отняли чудо, которое могло бы сбыться, но уже никогда не сбудется. Мало того, словно у нее пытаются отнять и самого Дайма, его любовь. Ведь не ответить темному шеру Бастерхази совершенно невозможно. Дайм ответит, обязательно ответит на его любовь. Может быть, он уже любит его. И несомненно предпочтет его – взрослого, сильного, опытного шера, с которым у Дайма очень-очень много общего. Предпочтет ей, глупой девчонке. Пешке в их политических играх. Боги, да как она вообще могла подумать, что она – что-то большее, чем фигурка на доске?..

– Шу, что случилось? – обеспокоенно склонился к ее уху темный шер.

– Кажется, в твоем присутствии я теряю концентрацию, – ответила она почти правду. Просто не всю правду. И с печальным удовлетворением добавила: – А меня уже ищут.

Ее в самом деле искала Саламандра. Огненная шера не показывала беспокойства, но слишком пристально следила взглядом. Наверняка она-то как раз заметила, как они с шером Бастерхази ненадолго исчезали из поля зрения.

– Твой ответственный подход меня восхищает, – с легчайшим оттенком иронии сказал темный шер; золотые нити в его ауре погасли и растворились во тьме, оставшись лишь едва заметным отблеском на черных крыльях. Которых тоже не должно быть, если верить официальной теологии, но Шу все равно их видела. – Не надо прятаться от меня, Шу. Мы на одной стороне.

– Я знаю, – кивнула она и аккуратно перехватила у темного шера все энергетические

нити своего двойного щита. – Но мне бы не хотелось, чтобы об этом сейчас же узнал Люкрес.

– Опять Мертвым драный Люкрес, – зло сверкнул глазами Бастерхази. – Не беспокойся, он уберется из Суарда не позже твоего дня рождения. Один.

– Нет уж, пусть забирает Саламандру с собой.

– Посмотрим.

По губам Бастерхази скользнула такая улыбка, что если бы Шуалейда была Саламандрой, она бы бежала из Суарда прямо сейчас. Не оглядываясь.

Возможно, и не будучи Саламандрой, ей следует сделать то же самое. Сейчас же. И не оглядываясь до самой Сойки. Но вот незадача, у нее здесь брат. И Дайм. И неинициированная Линза, которую нельзя оставить.

Глава 29

Нежданные откровения

1 день каштанового цвета, Риль Суардис

Шуалейда шера Суардис

Появления Саламандры, едва отзвучал последний такт вельсы, Шу не заметила. Та просто возникла за спиной Бастерхази, мило улыбнулась и непререкаемым тоном заявила:

– Ступайте, Бастерхази, вас желает видеть его величество. – А потом, едва он отошел на шаг, укоризненно покачала головой: – Нельзя быть такой доверчивой, ваше высочество. Неужели вы сами не видите?

Саламандра быстрым движением пальцев что-то сдернула с Шуалейды и тут же показала в открытой ладони неприятного оттенка фиолетовый сгусток.

Шу едва не позабыла, что сегодня она – глупая очарованная овца. Не то чтобы она была твердо уверена, что Саламандра сняла с нее обманку, а не реальное заклинание Бастерхази. Все может быть. Но как же сложно хлопать глазами, когда все кругом считают тебя безнадежной душой!

– Ах... как он посмел! – Шу обиженно топнула ножкой. – Негодяй, мерзавец...

– Полнейший мерзавец, – сочувственно кивнула Саламандра.

– Он... он... – Шу кинула в спину Бастерхази исполненный пламенной ненависти взгляд. – Таких, как он, нужно...

– Запирать в монастырях? – закончила за нее Саламандра.

– Ну... – смутилась Шу собственной кровожадности. – Раз Конвент его назначил, должно быть, шер Бастерхази не так уж ужасен.

– Поверьте, ваше высочество, он еще ужаснее. Но вам не стоит беспокоиться, шеру Бастерхази недолго осталось отравлять воздух империи. Магбезопасность займется им.

– А еще он – любовник моей сестры, – наябедничала Шу с таким видом, словно за одно это Бастерхази должны были немедленно казнить, желательно вместе с Ристаной.

– Весьма, весьма неосмотрительно с ее стороны, – покачала головой Саламандра. – Я так понимаю беспокойство вашего высочества! Влияние темного шера из самого лучшего человека способно сделать чудовище. Но я уверена, когда ваша сестра выйдет замуж за полковника Дюбрайна, все изменится.

– За полковника? – переспросила Шу с такой высокомерной миной, словно полковник Магбезопасности – это что-то вроде конюха.

Изображать ширхаб знает что, когда при одном только звуке его имени внутри все тает и колени подкашиваются, было очень непросто, но Шу справилась. Потому что понимала, что Саламандра проверяет ее реакцию, и реакция должна быть однозначной: ни с какими полковниками не знакома, не интересуюсь никем, кроме наследника империи.

– Конечно, светлый шер Дюбрайн не принц, а всего лишь бастард, – снисходительно улыбнулась Саламандра, прочитавшая ровно то, что Шу и хотела показать, – но уже почти герцог. И очень, просто очень полезный человек! Ваше высочество не находит, что женитьба на ненаследной принцессе и герцогский титул – достойная награда для верного слуги империи?

– Наверное, – неуверенно согласилась Шу, всем своим видом показывая: что герцог, что свинопас – все едино. Ее сумрачного высочества достоин исключительно принц, и точка, а если старшая сестра желает размениваться на слуг, это ее проблемы.

– Верных слуг следует время от времени поощрять. Тем более вашему высочеству будет приятно видеть рядом родную сестру.

«Которая замужем не за принцем, а всего лишь за герцогом-бастардом и всю жизнь будет отчаянно завидовать», – не добавила Саламандра вслух, но это подразумевалось.

– Мой светлый принц добр и милостив, – с некоторой задержкой одобрила план Шуалейда, но тут же нахмурилась. – О чем его высочество так долго беседует с моей сестрой?

– Разумеется, о вашей свадьбе, – сладко-сладко улыбнулась Саламандра. – Ваше высочество будет самой прекрасной невестой империи!

На эту беспардонную лесть Шу очаровательно порозовела, похлопала ресницами и «в смущении» вынула из прически одну из солнечных ромашек и вдохнула ее горьковато-сладкий аромат. Он несколько помог справиться с тошнотой от собственного притворства и лицемерия Саламандры. Шу не была уверена, что Саламандра до конца поверила в «овечку», но не отступать же от выбранной тактики. Хоть и противно.

Дальше оказалось еще противнее. Отведя Шуалейду в сторонку, к стоящим у стен диванчикам, Саламандра всучила ей бокал лимонада (который Шу так и держала в руках, не решаясь пить – мало ли какую дрянь ей туда подмешали). И принялась, мило улыбаясь очарованной дурочке, выяснять, что Шу знает о Линзе и что вообще она поняла в случившемся. Шу с глубокомысленным видом поделилась дикими предположениями о природе аномалии, сославшись на капитана Герашана и дру Бродерика. В целом так, чтобы стало понятно: наставники не зря считают ее весьма недалекой особой. Саламандра кивала с таким же глубокомысленным видом, задавала наводящие вопросы и наконец добилась откровенного признания.

– Я не представляю, что мне делать. Мне страшно! Но ведь его высочество мне поможет, правда же? Он такой умный! Вот шер Бастерхази тоже умный, он обещал научить меня и даже принес книгу! – Слово «книга» Шу произнесла с благоговейным ужасом и тут же пожаловалась: – Но там столько непонятных слов, что у меня кружится голова. К тому же, я не уверена... он же темный!

На информацию о конкуренте Саламандра тут же сделала охотничью стойку, прикрытую милой улыбкой и заботой о благополучии Шуалейды. Исключительно из этой заботы она выложила Шуалейде несколько фактов из биографии Бастерхази, один другого отвратительнее. И самым отвратительным было то, что она ни разу не солгала.

Шу хотела бы пропустить все это мимо ушей, и ей даже поначалу удавалось. По крайней мере, пока Саламандра рассказывала, как Бастерхази приторговывал запрещенными зельями и амулетами, как обманывал бездарных шеров и манипулировал светлыми адептами Магадемии. Шу продержалась, пока речь не зашла о пятерых старших учениках Паука – их Бастерхази своими руками убил, одного за другим, но сумел вывернуться и остаться безнаказанным.

– Зачем – я не понимаю, – поморщилась Шуалейда и, «случайно» уронив бокал с лимонадом, призвала стакан с простой водой. Из собственной комнаты.

– Темные любят боль, убийства и прочие мерзости, – ответила Саламандра, но тут же поправилась, вспомнив, что Шу хоть и дура душой, но все же менталистка и чувствует любую ложь. – Это была месть.

– Месь за что?

– О, поверьте, вашему высочеству не нужно этого знать. В паучьей банке такие нравы... – Саламандра скривилась. – Об этом даже думать противно.

– Бедняжка Бастерхази, – вздохнула Шу, подло ломая игру Саламандре.

– Бедняжкой он был полвека тому назад, и то, дорогая моя, лишь с виду. Этой темной

твари досталось по заслугам!

- Но ведь он был совсем юным! Скольких лет от роду его отдали Пауку, пятнадцати, младше меня сейчас?.. - Шу подпустила в голос слезу и часто заморгала, хотя на самом деле ей отчаянно хотелось выплеснуть на Саламандру кувшин лимонада и потребовать, чтобы она заткнулась. От рассказанных ею гадостей Шу тошнило.

- Даже не вздумайте сравнивать, ваше высочество. Вы не темная и никогда темной не были. А этот... он заслужил все, что с ним произошло. Двуетиные справедливы.

Шу благочестиво осенила себя малым окружьем и вопросительно уставилась на Саламандру: рассказывай же, рассказывай! Свежие сплетни о темном шере, что может быть интереснее юной дурынде! И плевать, что тошнит все сильнее. Она справится и никак не выдаст, что видит манипуляцию Саламандры насквозь.

- Понимаете ли, Темнейший никогда не берет в обучение девушек, только юношей, и выпускает их из своего дома крайне редко. А у мужчин же потребности...

- Неужели его там соблазнили?.. - сделала Шу круглые глаза.

- Соблазнили? - презрительно усмехнулась Саламандра. - Это же темные, ваше высочество. Разумеется, изнасиловали. Темные любят боль, унижение и прочие мерзости. И поверьте, юному Бастерхази это нравилось, темные умеют сделать так, что жертва еще и получает удовольствие вопреки собственной воле.

Шу сглотнула горькую слюну, невольно вспомнив, как Бастерхази щедро отдавал ей свою боль пополам с наслаждением - и как ей самой нравилось... о боги...

А Саламандра, почуяв ее тошноту, словно нечаянно добавила к рассказу картинки. Как именно это делали с Бастерхази, вместе с эмоциями и ощущениями.

- Прекратите, - сдавленно потребовала Шу, отгораживаясь ментальным щитом. Слабым щитом, сломать собственную игру она не могла себе позволить, как бы противно и гадко ей не было.

- О, простите, ваше высочество, я не хотела...

Не хотела она, как же. Хотела и сделала, сука выбеленная. Так хотела, что теперь вся эта мерзость стоит перед глазами и не собирается никуда деваться.

- Отвратительно, - прошептала Шу, двумя руками держась за стакан с водой и изо всех сил отгоняя воспоминания: вкус крови Бастерхази, ощущение вливающейся в нее тьмы, их общее наслаждение - все приобрело оттенок болотной гнили и привкус насилия.

- Вы правы, это отвратительно. Такое заслуживает мести. И если бы Бастерхази отомстил и остановился на этом, я бы сказала: его не в чем винить, - с ненатуральным сочувствием продолжила Саламандра. - Но он сам такой же, как убитые им монстры, вот в чем ужас. То, что сделали с ним - он делал с другими, ни в чем не повинными людьми. Ненависть, боль, насилие, убийства. Он не щадил ни стариков, ни детей. Разве пятилетняя шера Эспада и ее родители могли быть виноваты в том, что произошло с Бастерхази полвека тому назад? Но это соображение не помешало ему зверски замучить всю семью. Вашему высочеству повезло не видеть того, что от них осталось. А я - видела.

- Я не хочу...

- Не бойтесь, я не стану вам показывать. Хватит того, что это до сих пор снится в кошмарах мне самой... Давайте поговорим о чем-нибудь другом, ваше высочество. Более приятном. Вы знаете, я была знакома с вашей матушкой. Вы так на нее похожи!

- Я похожа?.. - плохо понимая, что говорит, переспросила Шу.

Ее почти выворачивало наизнанку от отвращения. Картинки, показанные Саламандрой, смешались с ее детскими воспоминаниями: кто-то огромный, злой и страшный тянет лапы к ней и новорожденному Каetano, ломится сквозь щиты, сминая и сметая все на своем пути. Мама не зря боялась Бастерхази, теперь Шу понимала это совершенно ясно. Она знала, что он такое, она не поддалась темному очарованию. В отличие от Шу. Боги,

какая же она дура! Не послушала ни маму, ни Энрике с Бален, никого не послушала! Своим глазам – и то не поверила, глупая девчонка! Ведь убийца проник в спальню Каетано с помощью амулета, сделанного теми же руками, что рабский ошейник, который она сняла с Бален восемь лет назад. Руками Бастерхази.

А Саламандра тем временем рассказывала о королеве – тогда еще всего лишь графской дочери и студентке Магадемии – Зефриде.

– Не сказать, что мы стали близкими подругами, все же разница в возрасте, – ностальгически улыбнулась Саламандра. – К тому же я уже была ассистенткой магистры Пламя, а Зефрида Тальге только поступила на воздушный факультет. Но мы обе родом с юга Брескони, это очень сближает...

В другое время Шу слушала бы, затаив дыхание, и задавала бы сотню вопросов. Впервые кто-то рассказывал ей о маме, кто-то, кто был долго знаком с ней. Сейчас же она никак не могла отделаться от тягостного и мерзкого ощущения – боль, бессилие, надругательство... Не столько над телом, сколько над душой. Она не хотела думать об этом. Помнить об этом. Она со страхом думала – как она теперь будет смотреть в глаза Бастерхази, зная о нем такое?! После того, как она видела его распятым, униженным – и тут же злобным убийцей, отвратительным монстром с руками по локоть в крови... Нет. Нет! Она просто не будет думать о нем. Какого ширхаба! Она не обязана! Она просто поставит блок. Небольшой. Ненадолго. Всего лишь до вечера. А пока – она хочет как можно больше узнать о маме! Снова увидеть ее живой и счастливой!

Она больше не пропустит ни слова из рассказа Саламандры. И плевать на то, что Саламандра – хитрая лживая тварь. Маму это никак не пачкает. Просто... просто... когда еще у Шу будет шанс узнать, какой была мама?!

Глядя на воспоминания Саламандры – живые картинки, почти как делал для нее Дайм – Шу забыла и о Бастерхази, и о Люкресе, и об отце. Обо всем на свете. Она впитывала каждое слово, каждый жест. Замирая от восторга, слушала о коротком романе мамы с одним из старшекурсников, о веселых проделках компании ветрогонов, о том, как на четвертом курсе Зефриду Тальге взял под свое покровительство сам Светлейший и давал ей уроки менталистики.

– А вместо седьмого курса шеру Тальге отправили в Валанту. Лично Светлейший отправил. Ходили слухи, что это была ее практика перед службой в Магбезопасности. Обычно о таком не распространяются, но чтобы валантская королева вдруг запросила на службу ни разу не виденную бресконскую шеру? Полную достоинств, кто бы спорил, шера Тальге наверняка лет через пятьдесят получила бы вторую шерскую категорию. Но тут слишком явно видна рука Светлейшего.

– Но зачем? – Мысль о том, что маму с папой фактически свел глава Конвента, показалась Шу странной и тревожной.

– Светлейший не докладывает. Возможно, он просчитал вероятность второго брака его величества Тодора и рождение одаренных детей. А может быть, его интересовали гномы или зеленые ире. Будете в Метрополии, спросите сами, ваше высочество.

Шу только собиралась задать Саламандре еще десяток-другой вопросов, как их прервали.

– Две прекраснейшие шеры не заскучали в одиночестве? – раздался медовый голос его императорского высочества.

Шу стоило большого труда не ответить: нет, и не собираемся. Вместо этого она обернулась – порывисто, словно услышавшая запах колбасок рысь, и просияла.

– Ах, мой светлый принц!

Ей подали руку, чтобы помочь подняться с кресла, и притянули к себе – достаточно близко, чтобы у юной дурынды затрепетало сердечко. Оно бы непременно затрепетало, будь на месте Люкреса Дайм, но уж изобразить восторг и прерывистый вздох Шу смогла. Даром что ей хотелось послать Люкреса куда подальше. Да хоть в парк, любоваться на звездные фиалки, и пусть его там русалки защекочат насмерть!

- Ваша улыбка освещает мой вечер, - еще медовее проворковал кронпринц.

И пока Шу смущалась, потупив глазки и розовея скулами и ушами, сделал какой-то знак Саламандре. То ли куда-то пойти, то ли кого-то поймать. Впрочем...

За окнами снова подвывало, до крайности тоскливо и голодно. Может быть, Саламандре велено поймать упыря? Судя по кратчайшей вспышке ее злости - похоже на то. Что ж. Охрана кронпринца - ее прямая обязанность, вот пусть и охраняет. А утром можно будет позвать ее к завтраку и послушать еще истории о маме. Каю тоже будет интересно.

- Вы так добры, мой светлый принц, - в тон Люкресу проворковала Шу и позволила увести себя в центр зала, танцевать обязательную хозтту, третью по счету, и проклинать этикет и протокол.

Глава 29

Об упырях, любви и чудесах

1 день каштанового цвета, Риль Суардис

Шуалейда шера Суардис

Отчаянный женский крик и торжествующий вой упыря раздались, когда Люкрес милостиво обещал Каetano время от времени отпускать свою драгоценную супругу в родную провинцию погостить. К раскрытым дверям в парк обернулись разом и Шу, и Люкрес, и Каetano – да все, кто был в зале. Даже музыка смолкла.

– Капитан, что это? – на удивление быстро собрался Люкрес и кинул взгляд на Бастерхази, который последнюю четверть часа ни на шаг не отходил от Ристаны.

Как будто ему жизненно важно все время быть на виду и как можно дальше от дверей в парк. И не ему одному. Герашаны тоже держались около Каetano, словно приклеенные. Не было видно лишь лейтенанта Диена, императорского голема, но его присутствие тут же, в тени колонны, Шу ощущала кожей. Слово он на протяжении всего бала следил за ней.

– Похоже на упыря, ваше высочество, – озабоченно нахмурился Энрике. – Прошу вас не покидать этого зала ни в коем случае! Мы не можем рисковать вашей...

– Что вы стоите? Бегом, поймайте его! Диен, твою... Диен!

– Прошу прощения, ваше императорское высочество, у меня приказ не отходить от вас, – равнодушно заявил голем и кивком обозначил поклон.

– Вы... а вы что стоите, капитан?! Там опасная тварь, там... там шера Лью!

– Безопасность августейших особ важнее всего, – тоном упертого служаки парировал Энрике.

– Мы должны помочь шере Лью! Она же там совсем одна, бедняжка! – вспомнила о своей овечьей роли Шу. – Мой светлый принц, вы же разделаетесь с этим ужасным упырем, правда?

– Разумеется, разделаюсь... Диен, успокойте людей. Паника нам совершенно ни к чему. И пусть уже кто-нибудь найдет шеру Лью! Наверняка она поймала упыря, просто... мы все пойдем, немедленно! – решил Люкрес и с горящими глазами шагнул в сторону дверей.

Похоже, шера Лью и в самом деле ему дорога, подумала Шу, но вот беда – голем все равно его не выпустит на свежий воздух. Там же упырь.

Шу ошиблась. Вместо того чтобы остановить кронпринца, голем отступил на шаг, освобождая дорогу.

Но добраться до дверей в парк они все равно не успели. Там снова что-то завывало, на сей раз обиженно и до крайности матерно, потом затрещало, темнеющее небо на миг окрасилось всполохом воздушного заклинания – и повисла мертвая тишина. Все замерли, даже любопытные кумушки замолчали и утонченно-обморочные дамы передумали лишаться чувств. Нельзя же пропустить столь интересный момент! Упырь, битва магов, и все это в присутствии кронпринца. Событие века!

– Что вы застыли? – гневно спросил Люкрес и рванул к выходу.

И опять не успел. То есть почти успел пробиться сквозь медленно и недоуменно расходящуюся толпу к самым дверям, когда на пороге возник... еще один Брайнон,

только не в белом мундире, а в черном. И с окровавленным женским телом на руках.

По залу разнесся дружный «ах!», кто-то все же упал в обморок, кто-то громко потребовал целителя. А Шу с сожалением подумала, что теперь ей не удастся послушать истории о маме. И наверное, ей должно быть жаль шеру Лью, но почему-то не жаль ни капельки. Может быть потому, что даже мертвая, она была сказочно красива. Алая кровь на алом платье, и алые пряди в снежных волосах, алые капли на снежной коже плеч и кружевных перчатках... только рана на горле портила весь вид. Алая, почти черная, раскрытая, словно второй рот. И ни капли жизни, ее душа уже отлетела в Светлые Сады.

За спиной второго Брайнона – то есть полковника Дюбрайна, конечно же, – беззвучно дергалось и разевало пасть нечто темное, зубастое, злобное и уже не опасное. Пойманный упырь. Или лич. Без разницы.

– Мередит... – прошептал Люкрес, делая последний шаг к дверям, и коснулся снежных, с кровавыми прядями, волос.

– Мой светлый принц, я не успел ее спасти, – полным горя тоном сказал Дайм и склонил голову перед Люкресом, так и продолжая держать тело огненной шерсти на руках. – Шера Лью почти победила лича... почти... мне так жаль. Она сражалась, как истинный потомок Драконов.

– Ты сделал все что мог, брат мой, – преисполненным скорби, дрожащим голосом прожженного политика ответил Люкрес.

– Если бы я мог приехать раньше... Гибель шерсти Лью – ужасная трагедия и невосполнимая потеря. Одна из сильнейших шер империи...

– И какой-то лич! Дюбрайн, откуда он взялся? Что за...

– ...лич? Откуда лич? Что еще там прячется? Нам грозит опасность? Боги, надо бежать! Куда смотрит Магбезопасность?! – тут же послышалось из зала.

– Замолчите! – обернулся к гостям Люкрес.

Он был бледен, по виску стекала капля пота, глаза лихорадочно блестели, а на шее бешено билась жилка. Была бы Шу нормальной светлой, обязательно бы ему сочувствовала. И шере Лью тоже. Ведь, кажется, они любили друг друга? Или только играли в любовь? А, какая разница! Один из врагов повержен, а все прочее не так уж важно. Наверное.

– Мой светлый принц, я с вами! – она все же бросилась к Люкресу, молча проклиная роль влюбленной овцы. Не в того брата влюбленной.

– Воскрешение... воскрешение! Воскресите светлую шеру, ваше высочество! Явите светлое чудо! – послышалось тут и там, на Шуалейду дохнуло общей надеждой.

Вот тут Шу испугалась не на шутку. Оказывается, когда от тебя ждут чуда, нет, требуют чуда – это очень тяжело и страшно. Потому что когда выяснится, что чуда не будет, вся эта толпа обидится и разозлится. На нее, а не на лича. Потому что она, Шуалейда, заставила их надеяться – и разочаровала.

– Но я не могу... я же не Райна... ваше высочество, скажите им... – Шу уцепилась за руку Люкреса и попыталась выставить на пути сжимающей круг толпы воздушный щит.

– Попробуйте, прошу вас, – обернулся к ней кронпринц. Он выглядел совершенно невменяемым. – У вас однажды получилось! Ну же, я прошу вас!

– Но... я... я попробую... – Глядя в его бешено горящие глаза, Шу отступила к Дайму, держащему труп. – Я не знаю...

– Воскрешение! Светлая, воскрешение! – неистовствовала толпа шеров.

– Тише! – поднял руку Люкрес, и толпа послушно замолкла. – Молись, молись же, Шуалейда! Сотвори чудо!

Проклиная про себя балаган в графстве Ландеха, Шу поймала полный веры в нее взгляд Мануэля Наба – и простерла руки над трупом Саламандры. Ни на что не надеясь, она призвала весь свет, который у нее был, всю творящую силу жизни и направила в безжизненное тело. Оно засветилось, поднялось на жемчужном облаке силы, ужасная рана на горле срослась, даже сердце забилося, но души-то в теле уже не было! И возвращаться она не собиралась.

А толпа тем временем благоговейно молчала и даже дышала в такт дыханию Шуалейды, словно став с ней одним целым.

– Мередит... шера Лью... – так же благоговейно шепнул Люкрес, когда веки тела затрепетали и оно вздохнуло.

А Шу зажмурилась, не желая видеть, как в потоки света все больше вплетается тьма. Ее собственная тьма. Ведь тело без души не может оставаться живым, и если сейчас же не прекратить лить в нее энергию, то шера Лью поднимется нежитью. Очень, очень сильной нежитью. По сравнению с ней лич – хрупкая безобидная фиалка.

Что же делать? Боги, что же делать? Прервать «воскрешение» – и толпа набросится уже на саму Шуалейду... боги... что же делать?..

Она почти решилась изобразить явление потусторонней силы, когда потусторонняя сила явилась сама.

– Именем императора, прекратить! – грянул механический голос, очень похожий на голос императорского голема – но лишь похожий.

Шу тут же, не дожидаясь конца фразы, отвернула потоки от тела, выплеснув всю собранную силу вверх, через стеклянный купол Народного зала.

Дальше произошло одновременно несколько событий, которые для Шу слились в один невразумительный пятнистый гул. Потому что она упала там же, где стояла, от сильнейшего магического истощения. И в то же самое время...

...тело шеры Лью вспыхнуло и рассыпалось пеплом...

...Дайм поймал Шу, когда она почти коснулась головой каменного пола...

...связанный заклинаниями лич отчаянно завыл и тоже рассыпался пеплом, последовав за шерой Лью в Светлые Сады...

...Люкрес закричал почти так же страшно, как лич – но никто не понял, что кричит именно он, ведь кронпринц не может в самом деле любить свою нетитулованную фаворитку...

...Роне Бастерхази накинул на толпу полог спокойствия, отчего высокородные гости тут же притихли, а те, у кого были недостаточно сильные ментальные амулеты, прилегли тут же на полу отдохнуть...

...капитан Герашан тремя меткими выстрелами-заклинаниями сбил три Ока Рахмана, записывающие все происходящее для Конвента, Магбезопасности и потомков...

...лейтенант Диен подошел к Люкресу, положил ему руку на плечо – и Люкрес замолк, его глаза на мгновение сделались бессмысленными, а блестящая аура потускнела и сжалась до своего естественного размера...

...король Тодор, так и не покинувший своего трона, белыми губами шептал молитву Светлой Райне и держался за сердце...

...рядом с королевским тронном молился готовый защищать своего сюзерена от любой беды герцог Альгредо – молился, потому что он снова не мог сделать ничего больше...

...стихийный смерч в башне Заката улыбнулся и, дотянувшись призрачной рукой до головы Шуалейды, погладил ее по волосам и шепнул: «Все будет хорошо, моя девочка...»

...Каetano Суардис, Закариас Альбарра и Мануэль Наба бросились на помощь Шуалейде,

но темное ментальное воздействие пятого уровня накрыло их тоже, и они растерянно остановились, не добравшись до нее всего полудюжины шагов...

...не обращая внимания ни на Люкреса, ни на ментальные воздействия, ни на мертвую королеву Зефриду, Дайм Дюбрайн коснулся губами лба Шуалейды – и его боль разбудила ее, вернула с половины пути в Светлые Сады... его боль или его любовь, какая разница?..

– Не уходи, моя Гроза, – попросил он.

И она вернулась. Открыла глаза. С его помощью поднялась на ноги. Благодарно улыбнулась – чтобы тут же обернуться к его брату.

– Шуалейда? – в холодном голосе кронпринца Люкреса она услышала все: и что ее игра раскрыта, и что приговор Дайму Дюбрайну вынесен. Тот же приговор, что и Роне Бастерхази. – Что все это значит?

– Боюсь, я не смогу ответить на вопрос вашего высочества, – твердо встретила его ледяной взгляд Шу.

– Боюсь, вам придется ответить, – выплюнул кронпринц и перевел сверкающий безумием взгляд своего брата-бастарда. – Дюбрайн, ты... Хиссов ты сын... Лейтенант, взятъ изменника!

– Нет, вы... вы не можете, мой светлый принц! Полковник Дюбрайн не виноват... – прошептала Шуалейда непослушными губами.

Все происходящее казалось ей кошмарным сном. Особенно то, что она четко понимала: Дайм виноват. Именно он убил Саламандру, то есть он с Бастерхази вместе. Слишком вовремя и эффектно он появился с телом на руках, и слишком явно Бастерхази держался на виду.

Но кронпринц ее не слышал. Он кипел ненавистью и болью, он жаждал отомстить всем, кто не уберег его Саламандру, по чьей вине ему сейчас так плохо, так ужасно плохо...

– Не смотри на него, – шепнул ей на ухо Дайм и потянул назад, подальше от своего августейшего брата. – Он не в себе.

Шу тоже была не в себе. Голова кружилась, перед глазами мелькали цветные пятна, а магический резерв был пуст до доньшка. И ни боль Дайма Дюбрайна, ни его любовь не могли его восстановить. словно магия, едва рождаясь, тут же куда-то утекала.

– Кого именно ваше высочество имеет в виду под изменником? – равнодушно осведомился лейтенант лейб-гвардии, не торопясь исполнять приказ, но вставая между кронпринцем и полковником Дюбрайном.

– Да как ты смеешь, деревяшка бесчувственная! Ты, ты... Ты должен был уберечь ее! Это ты должен был поймать упыря! – Голос кронпринца все повышался, и под конец он кричал на весь бальный зал. – Вы все тут изменники! Все!

– Не вмешивайся, – тихо велел Дюбрайн, еще дальше отталкивая Шуалейду от кронпринца, и сам шагнул к нему, не обращая внимания на его бешеные крики.

– Это все из-за тебя! Почему тебя нет, когда ты нужен мне?! Хиссов ублюдок! – С последним воплем кронпринц выхватил шпагу и ударил брата.

Попытался ударить.

Полковник Дюбрайн отвел клинок ладонью, затянутой в черную перчатку, и обнял кронпринца – тесно, не давая ему возможности пошевелиться. А лейтенант Диен аккуратно вынул шпагу из руки кронпринца и вернул ее в ножны. И встал рядом, ясно показывая, что никого не подпустит. Впрочем, никто и не стремился подойти – насколько видел Шуалейда сквозь стаю мельтешащих перед глазами черных мушек, гости в основном спали либо бессмысленно бродили по залу, словно сомнамбулы.

– Я здесь, брат мой. Никто больше не посмеет... – успокаивающе шептал полковник Дюбрайн.

Кронпринц дернулся, когда Дайм погладил его по спине, но тут же успокоился, расслабился. И Шу ясно увидела, как тускнеет аура Дайма – и наполняется светом аура его брата, словно... словно тот пьет чужой дар. Как упырь. Разве Дайм не видит? Зачем он это допускает, он же сейчас сам останется пустым... беспомощным... Она должна помочь ему, прекратить это...

– Не вмешивайся, – раздался над ухом тихий, полный отзвуков гудящего пламени голос Бастерхази, и его руки легли Шу на плечи. – Дюбрайн знает, что делает. А тебе стоит вернуться к отцу и брату. Идем.

Бастерхази подтолкнул ее в спину и одновременно поставил щит, какой-то странный, незнакомый. Что это за щит, Шу поняла буквально через несколько шагов, когда сосущая пустота внутри нее наконец-то начала заполняться, а мир вокруг – снова обретать краски, вкус и запах.

Правда, вместе с красками начали возвращаться и совсем другие ощущения. Шу невольно вздрогнула, наконец-то почувствовав прикосновение. Горячее, нужное – через ладони Бастерхази в нее вливалась сила. Но еще больше в этом прикосновении было опасности. Иррациональной, удушающей, давящей опасности, словно ее касался не ласковый и заботливый любовник, а омерзительное, вечно голодное порождение Бездны. И острый взблеск его злости, стоило ему ощутить ее новую реакцию, лишь испугал ее еще больше.

– Что за зуржьего дерьма наговорила тебе Саламандра? – тихо, стараясь не выплеснуть бурлящую в нем ненависть к уже мертвой интриганке, спросил Бастерхази.

И коротко выругался. Потому что Шуалейда тут же вспомнила – и что Саламандра ей рассказала, а главное, что ей показала. В отвратительных подробностях. Шу сама не думала, что так хорошо все это запомнила. Она же старалась пропускать мимо ушей! Но ничего, ровным счетом ничего не могла с собой поделать. Картины насилия и убийств не просто стояли перед глазами – они затягивали, вползали ей под кожу, требовали рассмотреть и прочувствовать вновь и вновь каждую отвратительную подробность.

Мерзость, злые боги, какая же мерзость!

– Не трогай меня. Пожалуйста, – с трудом справившись с потребностью завизжать и отпрыгнуть от темного шера в ужасе, попросила Шу. Остаться спокойной и не отдергиваться от его касания ей не удалось, и она как можно мягче попыталась вывернуться из его объятий. – Я... не хочу об этом. Не сейчас.

– Поговорим об этом позже.

– Нет! Не хочу...

– Позже, ваше высочество. – Бастерхази отстранился, и Шу вздохнула с облегчением. И плевать, что поток живительной энергии прервался. Лучше она останется пустой, только не дотрагиваться, только не ощущать этой склизкой ядовитой гадости, разъедающей ее кожу и ее душу. – Вам нужно отвлечься. Попросите Герашана, он поможет вам слить эту дрянь.

– Эту ложь? – в последней отчаянной надежде спросила Шу, подняв глаза на Бастерхази: по-прежнему красивого, по-прежнему манящего, но страшного до тошноты. – Пожалуйста, скажи мне, что она солгала! Ты же не убивал семью Эспада?.. Ты не убивал детей?..

Перед глазами вспыхнуло зарево пожара, по ушам ударил отчаянный, полный муки детский крик, внутренности скрутило от запаха паленой плоти.

Сжав губы, Бастерхази покачал головой:

– Поговорим об этом позже. – И тут же позвал: – Капитан Герашан! Помогите ее высочеству.

Шу обернулась к Энрике, бросилась ему на шею и зажмурилась, позволяя другу гладить себя по волосам и успокаиваясь.

- Что с тобой, Шу? - спросил Энрике, так и не выпуская ее из объятий.

- Прозрение, - вместо Шу ответила Бален и тоже обняла ее, делясь прохладной свежестью леса. - Ты просто не привыкла видеть его настоящим, без масок и иллюзий. Ничего. Ты скоро восстановишься. Идем. Ты нужна отцу.

Теперь уже Бален отвела ее к трону, на котором дремал отец - бледный, дышащий прерывисто и неглубоко. Прорехи в его ауре сейчас были видны особенно ясно, и Шуалейда опять испугалась. Только на этот раз - за отца. И этот страх помог ей собраться, отбросить собственные глупые страдания и сделать наконец то, что она давно должна была сделать.

Опустившись на колени перед тронном, она взяла отца за обе руки и призвала Свет. Все, что у нее было - и те крохи, что остались после неудачного воскрешения Саламандры, и те крупцы, что ей успел отдать темный шер Бастерхази, и капли, собранные для нее Даймом, Энрике и Бален. Все это она бережно, чтобы не повредить истончившееся полотно его жизни, влила в отца. И король Тодор наконец-то задышал ровнее, его ресницы вздрогнули - но он не проснулся.

А Шуалейда, так и сидя у ног отца, наконец-то прикрыла глаза. Ей надо отдохнуть, самую капельку отдохнуть. Всего минутку.

Конец второй книги